

Максим Хорсун

Солдаты далекой империи

Книга подготовлена для библиотеки Huge Library (Scan: Huge Library; OCR, Conv.: archar)

«Максим Хорсун / Солдаты далекой Империи»: Эксмо; 2010
ISBN 978-5-699-44707-7

Аннотация

«Когда-нибудь первые межпланетные корабли людей приземлятся на Марсе; хорошо, если к тому времени кто-то из нас будет жив и здоров рассудком, — напишет после всего случившегося доктор Рудин, судовой врач с „Кречета“. — Тогда эта рукопись послужит документальным подтверждением словам выживших. А если нет, то посланцы Земли будут предупреждены... Их не сможет не заинтриговать царский броненосец, бог весть как оказавшийся в сухом русле марсианской реки, посреди бескрайней ржавой пустоши. Они узнают, что в мировом пространстве людям грозит множество опасностей...»

Но это потом. А нынче... «Кречет» возвращался с учебных стрельб в Кронштадт, когда неурочный звон судового колокола поднял команду по тревоге...

Максим Хорсун

Солдаты далекой империи

— Вот когда бы нам повоевать, ваше императорское величество!

Адмирал Зиновий Рожественский, 1902 год

Длинная цитата вместо пролога

«Чем лучше удавалось разглядеть планету, тем явственнее выступала эта замечательная сеть. Точно вуаль покрывает всю поверхность Марса... По-видимому, ни одна часть планеты не свободна от этой сети. Линии обрываются, упираясь в полярные пятна. Они имеют форму в такой мере геометрически

правильную, что внушают мысль об искусственном происхождении их...

Для всех, обладающих космически широким кругозором, не может не быть глубоко поучительным созерцание жизни вне нашего мира и сознание, что обитаемость Марса можно считать доказанной.»

Персиваль Лоуэлл «Марс и его каналы», 1900 год

Часть первая На коленях

1

Мне много раз доводилось беседовать со своими друзьями по несчастью о том, с какими странностями они сталкивались во время последнего похода «Кречета». Однако никто не мог припомнить ничего удивительного. Мы воз вращались с артиллерийских стрельб, отгремевших в Финском заливе, мы благополучно пережили и маневры, и предшествующий им высочайший императорский смотр. Жизнь на броненосце текла так, как должна была протекать на любом другом военном корабле, ходящем под Андреевским флагом.

Лишь в *ту* ночь (а мы нынче так и говорим: *та* ночь) густой туман скрыл от нас огни маяков Либавы, вынудил капитана И.К. Германа отдать приказ перевести машины на тихий ход, чтобы продолжить движение на черепашьей скорости.

«Кречет» медленно, словно крадучись, подбирался к порту. Его сиренный гудок то и дело оглашал окрестности протяжным «у-у-у-у», и в этом низком звуке отчетливо слышалась тоска огромного стального зверя, путешествующего в одиночестве по северным морям. А потом все заглушил звон колокола...

Как сейчас помню: половина двенадцатого ночи, в каюте на столе — ворох исписанных листов (по возвращении «Кречета» в Кронштадт я намеревался вырваться в Петербург, посетить некоторых издателей и попытаться пристроить подборку новых морских рассказов). Под листами были погребены мои неизменные спутники и помощники: «Патология» — пособие для преподавателей медицинских университетов и «Очерки о гнойной хирургии» Пирогова... Нет-нет, я не черпал в этих трудах вдохновение, просто я позволял себе быть литератором лишь тогда, когда опускалась ночь и двери каюты закрывались на замок. А «в миру» — я доктор. Судовой врач, хирург.

И в *ту* ночь я намеревался завершить третью вычитку материала для предполагаемого сборника.

Работа, как всегда, затягивалась. Пепельница стала походить на скифский курган, над столом повисло неподвижное облако табачного дыма, и в какой-то момент даже мне, заядлому курильщику с восемнадцати лет, все опротивело. Я открыл дверь и вышел в освещенный электрическими лампочками коридор.

Раздается звон колокола...

В курляндской Либаве есть и православные храмы, и кирхи, и синагоги, и костелы. Но до Либавы еще далеко, а в колокол бьют... бьют прямо над кораблем.

Откуда-то сверху лился густой, чистый звук, который заставлял трепетать в резонанс стальные переборки и палубы могучего «Кречета». Я услышал, как внутри броненосца рождается гул, хорошо знакомый каждому, кому приходилось оказываться внутри утренней суеты, когда дудки боцманов поднимают на ноги одновременно девятьсот человек. Команда проснулась! Что же, в конце концов, происходит? Не на небесах же звонит колокол? Решительно ничего не понимаю!

Пришпоренный любопытством, я бросился к выходу. И через миг «Кречет» содрогнулся от удара чудовищной силы. Палуба накренилась, ноги заскользили по полу, поэтому наружу я скорее вылетел, словно снаряд из артиллерийского орудия, нежели

выбежал на своих двоих.

«Бом! Бом!» — не унимался невидимый звонарь.

Царица небесная! Я вцепился в леерную стойку. В ушах у меня затрещало, словно от перепада давления, как это бывает на горных перевалах, а в глазах помрачилось. В те страшные секунды я не без основания уверил себя, что «Кречет» погиб. Я не знал, что именно произошло: подорвался ли корабль на mine или распорол двойное дно о какие-то особенно коварные рифы. Броненосец тонет, и это было очевидно — слишком уж значительным казался дифферент на нос.

В лицо мне ударил ветер: ледяной, отнюдь не сентябрьский. С собой он нес... нет, не соленые брызги, как можно было бы предположить, исходя из ситуации, а колкие частички песка. Я оторвал взгляд от рук, сжимающих до боли в суставах леер, и посмотрел на море.

Моря не было! Я изумленно мотнул головой, не зная, что и подумать: происходит ли это наяву? Не сошел ли я с ума от полуночных писательских бдений? Походило на то, что весь Мировой океан обмелел и высох в одно мгновение! Исчезла колышущаяся зыбь ночного моря, вместо него глаза мои лицезрели голое скалистое возвышение. Исчез туман, теперь его заменяли тучи пыли, гонимые порывистым ветром. Я задрал голову, силясь разглядеть, откуда же исходит колокольный звон, однако над собой увидел лишь низкое темное небо, в котором господствовала песчаная буря.

Но вот по плотным тучам скользнуло яркое пятно, будто кто-то направил вверх луч прожектора. Далее световая волна прокатилась по возвышению, затмевая топовые, отличительные и гакабортные огни «Кречета». Было не понять, боевые ли это фонари неведомых кораблей или же какое-то редкое явление природы.

А по палубам уже барабанили каблуки. Вахтенные вышли из оцепенения и принялись бить тревогу. Матросы спешили занять боевые посты, но офицеры пребывали в растерянности:

— Экипаж — к бою! Расчеты — к орудиям! — кричали одни.

— Покинуть корабль! Средства спасения — на воду! — вопили другие.

Если в это время кто-то и нападал на «Кречет», то добить поверженного Левиафана им бы не составило труда.

Я почувствовал, что на мои кулаки капает теплая влага. Проклятье! Пошла носом кровь! Этого еще не хватало!

Врач не имеет права ощущать слабость и дурноту. Тем более в обстоятельствах, когда команде с минуты на минуту может потребоваться его помощь. Я же стоял, шатаюсь, словно пьяный матрос, и не решался даже одной рукой отпустить леер, чтобы достать из кармана носовой платок. Если разожму кулаки, то в тот же миг упаду, это как пить дать. И дело было вовсе не в наклоне палубы. Я задышался... по крайней мере, мне так казалось. Одновременно я находился в плену необъяснимой, небывалой легкости и еще... еще жутко кружилась голова.

— Покориться! — раздался громоподобный вибрирующий голос.

По палубам загромыхало что-то тяжелое. Кто-то отчаянно выругался, кто-то испуганно заверещал. Я беспомощно вертел головой, пытаюсь рас смотреть, что же все-таки происходит, но ветер, как назло, швырнул мне в глаза пригоршню песка.

— Покориться! — вновь прозвучал нелепый приказ.

— Бей их, братцы!!! — послышался призыв с центрального мостика.

Загрохотали редкие выстрелы. Стреляли, конечно же, не пушки. В ход пошло личное офицерское оружие; среди снастей засвистели рикошеты. Не отпуская леера, я двинулся туда, откуда доносились голоса моряков. Но сделать смог лишь три или четыре шага...

2

Никогда в жизни мне не приходилось терять сознания. Ни в душных прожекторских, когда под циничные комментарии преподавателей я препарировал несвежие трупы, ни в

госпитальных операционных, где, одурманенные хлороформом, несчастные, обезумев от боли, молили меня и проклинали одновременно. Я всегда исполнял долг четко и последовательно, будто заводская машина. Даже когда волей злой судьбы самого забросило на стол, а коллеги склонились над моей раной, и тогда сознание работало как часовой механизм! Я до сих пор хорошо помню каждое движение ланцета, каждую манипуляцию хирурга внутри моей брюшной полости.

Сейчас же я пришел в себя и почувствовал горький стыд. Мои губы были склеены спекшейся кровью, словно конверт сургучной печатью. Я лежал на каменном полу, надо мною нависал неровный пещерный свод. Руки и ноги онемели, и какое-то время я беспомощно ворочался, подобно перерубленному пополам земляному червю, вырытому рыбаком из кучи перегноя.

— Легче! Легче, ваше благородие! — услышал я бодрый баритон.

— Тоша, подсобишь, он сесть желает.

Мне «подсобили».

— С пробуждением вас, Павел Тимофеевич!

Старший офицер «Кречета», капитан второго ранга Федор Арсеньевич Стриженов, по-дружески потрепал меня за плечо. Его обычно строгий седобородый лик нынче смягчала едва заметная улыбка. Ну, дело — табак! Чтоб Стриженов кому-то улыбался... Я ошарашено переводил взгляд с одного знакомого лица на другое.

Матросы, унтера, офицеры...

Семечек в арбузе, наверное, и тех бывает меньше. Каменный мешок, в котором мне довелось прийти в себя, был полон людей. Вместить всю команду «Кречета» это походящее на келью пещерного монастыря помещение, конечно, не могло. На первый взгляд вместе со мной здесь находились человек пятьдесят. Куда же, черт возьми, делись остальные?

Я не преминул задать вопрос Стриженову.

— Не знаю, что и сказать, Паша. В последний раз мы видели их на «Кречете».

— А... а что же произошло?

Стриженов пожал плечами и одернул на себе китель. И тут совершенно неожиданно я осознал, что помощник капитана сидит передо мной в кальсонах! И сейчас же обратил внимание, что никто из моряков не одет полностью по форме. Без головных уборов, многие босые, а кто вообще — в нижнем белье. Пожалуй, только священник «Кречета» — дремавший среди матросов отец Савватий — мог похвалиться тем, что одет, как полагается ему по сану. Лишь сгустки черной крови в обычно ухоженной бороде говорили о том, что и ему пришлось несладко.

Горемычное, потерявшее боевой вид и настрой воинство. Застигнутое врасплох таинственной силой в собственных водах, в месте, где ничто не предвещало опасности. В невоенное время...

Каждую секунду суровое прозрение заставляло обращать внимание на новые удивительные и прямо-таки пугающие детали.

Теперь мне бросилось в глаза, что лица моряков испачканы засохшей кровью. Вспомнилось, как у самого на борту броненосца открылось кровотечение. Не говорит ли это о том, что команда «Кречета» подверглась воздействию неизвестного оружия?

— Перетащили сюда нас, точно дрова, — сказал гальванерный старшина по фамилии Лаптев, — разве что не сложили поленицей.

— Не один вы, господин доктор, прибыли в пещеру без чувств, — продолжил молодой офицер-артиллерист Георгий Иванович Северский, — вот батюшка до сих пор в себя прийти не может.

— Боже! — выдохнул я, ощущая и малодушный страх, и недоумение.

— Неужели для кого-то оказалось так просто: одним махом обезвредить броненосец и всю его команду?!

В ответ на риторическое восклицание матросы принялись роптать и плевать.

— Где мы? Тоже никто не знает?

— Это не берега Либавы... — Стриженов пожал плечами. — Это... даже боюсь предположить, что...

— Умерли мы, ваше благородие, — изрек гальванер Лаптев, — и угодили в ад.

Как ни странно, мрачные и на первый взгляд лишённые всякого смысла слова положили начало оживлённой словесной перепалке.

— Неужели батюшку — тоже в ад? — спросили матроса.

— А почему нет? — ответили с другого бока.

— Быть может, за его-то грехи и нас всех... того: черти в оборот взяли...

— Отец Савватий и мухи не обидел! — вступился за священника Северский. — Думай котелком, что мелешь, каналья!

— Полегче, ваше благородие, нет здесь пушки, которой вы командуете! — тут же осадили артиллериста. Матросы не очень-то жаловали этого офицера за чересчур запальной нрав и тяжёлые кулаки.

Я поглядел на Стриженова, полагая, что сейчас он пригладит бороду, прочистит горло и уймет спорщиков. Но старшего офицера одолевали сомнения. Он действительно пригладил бороду и действительно прокашлялся... А затем поступил так, как умел: надел на себя маску командира, взывающего к солдатам, которым с минуты на минуту идти под пули.

— Господа! — начал он зычным голосом. — Что бы ни случилось с кораблем, мы остаемся морями, солдатами Российской Империи! Нашу задачу я пока вижу следующей... — у него неожиданно сел голос. Стриженов поглядел на свои обтянутые кальсонами полные ноги и смекнул, что в некоторых обстоятельствах пафос неуместен. — Слушайте меня сюда, ребята, слушайте внимательно, — продолжил глухо и почти ласково. — Необходимо выяснить о происшедшем все. Все! Что именно стряслось с «Кречетом», по чьей воле и кому от этого какая выгода... А сведения необходимо передать командованию. Вы слышите? Считайте, что мы в разведке. Если кому улыбнется удача вырваться за эти стены, тот должен знать, что делать дальше. Это я приказываю вам как старший офицер!

— Из ада по приказу офицера еще никто не выбирался, — пробормотал кто-то.

— Да что вы заладили: ад — рай! — вспыхнул Северский. — Как бабы на огороде!

В «келье» снова стало шумно.

— А вы видели, кто на нас напал? — спросили Северского.

— Нет! Может, вы видели?

— Может, и видели!

— И кто же?

— Демоны с чертами на поводках и их механизмы, — последовал четкий, как отпетированная скороговорка, ответ.

— Тьфу! — Северский вскочил на ноги. При этом он подпрыгнул так высоко, что ударился головой о каменный свод.

— Ну, дела! — проговорил, выпучив глаза, гальванер Лаптев. Неожиданная прыть изумила и самого артиллериста. Он сел на прежнее место, потер ушибленную макушку.

— Мать честная! Куда нас занесло? — пробормотал Северский, враз лишившись спеси.

— Здесь есть вода? — спросил я.

— Вон, ваше благородие, иней можно полизать, — ответил мне Лаптев.

Я обернулся и увидел за спиной стену, покрытую изморозью. Серебристые узоры были испорчены темными пятнами и полосами: кажется, кто-то и впрямь пробовал лизать иней.

— Господи, помилуй! — простонал юный матрос, потирая живот. — Как до ветру хочется!

Да, мы попали в действительно скотское положение. Сорок три человека (я пересчитал) замурованы в крохотной пещерке, без еды и без воды, без места, где можно было бы справлять естественные потребности. И ни единого намека на то, что ожидает в ближайшем будущем...

— Так, господа хорошие! — протянул я, осторожно поднимаясь. Тело продолжало

ощущать ту необычную легкость, которая пришла ко мне в первые секунды после крушения «Кречета». Казалось, оттолкнись ногами посильнее — и воспарить, подобно птице. Не чувствовал ничего подобного с тех пор, как мне исполнилось тринадцать лет. — Кому-нибудь нужна моя помощь?

К счастью, раненых более или менее серьезно в «келье» не оказалось. Иначе мне без медикаментов и инструментов пришлось бы туго (а пострадавшим — и подавно). Час я вправлял вывихи, попутно измеряя морякам пульс. Говорил вслух, что все в порядке, про себя же не переставал даваться диву: что делают на флоте молодцы с сердцебиением восьмидесятилетних стариков? Я бы таких даже швейцарами побоялся нанять. При этом — готов побиться об заклад, — что не далее как вчера они были абсолютно здоровы, а многие могли завязать кочергу морским узлом.

За минувший час у троих повторно пошла носом кровь. Чтобы ее остановить, они прикладывали к переносицам охлажденные при помощи инея пряжки ремней.

Отца Савватия я привел в себя, бесцеремонно отхлестав по щекам, заросшим мягким волосом. Матросы тут же окружили духовника. Вновь слышались вопросы про чертей и про ад. Несчастный батюшка не на шутку перепугался, его благостные глаза даже наполнились слезами. Мы со Стриженовым поспешили ему на помощь.

— Дайте человеку прийти в себя! Будьте же людьми! — возмутился я.

— Отставить мистику! Я вам покажу морских дьяволов и летучих голландцев! — кричал Стриженов.

Тем временем Северский и инженер-гидравлик — грузный малоросс солидного вида по имени Тарас Алексеевич Шимченко — с помощью зараженных энтузиазмом матросов обследовали стены каменного мешка. Под сводом они обнаружили ряд узких вентиляционных отверстий (в них не протиснулась бы и мышь) и еще — дверь, искусно скрытую среди дикого камня, словно вход в пещеру из сказки про Али-Бабу и сорок разбойников. Всех заинтересовал источник света: то, что мы сначала принимали за электрическую лампочку, в действительности оказалось колонией каких-то мельчайших организмов! Когда Тарас Алексеевич подпрыгнул к потолку (мы уже не удивлялись этой приобретенной способности) и прикоснулся к светящемуся шару пальцем, тот рассыпался в пыль. Мерцающие пылинки какое-то время кружили в токе воздуха (моряки, оказавшись в кромешной тьме, принялись бранить малоросса за неосмотрительность), затем вновь образовали колонию, но уже в другом месте.

— Доктор, вам приходилось видеть что-то подобное? — дернул меня за рукав Северский.

— И даже в книжках не читал, — признался я, лихорадочно переворачивая в памяти страницы трудов великих натуралистов современности.

Отец Савватий с шумом втянул в себя воздух, окинул взглядом стены нашей тюрьмы и спросил:

— А который нынче час, позвольте узнать?

Стриженов достал из кармана кителя хронометр на золотой цепочке. Откинул крышечку с выгравированным на ней двуглавым орлом и, сильно щурясь, поглядел на циферблат.

— Скоро шесть. Утро, — сказал он, а затем поглядел на меня и пояснил: — Нелегко, батенька. Монокль-то потерялся, теперь дальше носа ничего не вижу.

Священник самым тщательным образом прочистил горло и вдруг начал:

— *Отче наш, Иже еси на небесех!*

— Встать всем! Быстро! — приказал Стриженов, подсакивая на ноги.

— *Да святится имя Твое, да приидет Царствие Твое, да будет воля Твоя яко на небеси и на земли...* — подхватили мы, несколько недоумевая, но уже через несколько мгновений — тверже и дружнее.

— *...хлеб наш насущный даждь нам днесь...*

От слов молитвы, с которой начинался каждый день на «Кречете», стены тюрьмы

задрожали, словно неприступный Иерихон от трубного зова. Никогда еще раньше и ни тем более позднее мы не обращались к Богу столь искренне и упоенно. Это были первые слова, с которыми мы вошли в незнакомый доселе мир. В них была наша суть, наша истина; в них была заложена наша судьба, наш нелегкий путь и в них же — залог грядущих побед.

— ... и остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должникам нашим; и не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого...

...В моей памяти они навсегда останутся такими, какими были в тот момент. Низкорослый, но мощного телосложения отец Савватий. Стриженов — дубленный всеми ветрами старый моряк, великан и бородач. Северский... мой ровесник, хват и денди, с него тогда еще не осыпалась шелуха аристократичности. Гальванер Лаптев — маленького росточку, крутобокий, с черными бегающими глазами и аккуратными усиками под много раз ломанной в драках картофеиной носа...

В дальнейшем мне часто приходилось худо. Порой я мучился сомнениями, порой не давала покоя совесть. На моих руках умирали от кровоточащих ран друзья, и сам я оказывался на грани, когда, казалось, смерть не пощадит и не обойдет стороной. Тогда я вспоминал эти минуты, лица окружавших меня людей, духовную связь, от которой вокруг нас словно светился воздух, и лихо отпускало сердце, становилось легче дышать, тело покидала малодушная дрожь, и наполнялось оно, словно сосуд, мужеством, ниспосланным с Небес, ибо больше ему было взяты неоткуда...

— И все-таки, отец Савватий, — обратился я к священнику после молитвы, когда все расселись, — при более благоприятных обстоятельствах я бы хотел осмотреть ваши аденоиды. Слишком уж сильно вы говорите в нос.

— Сын мой, — изрек отец Савватий, — я готов принять это мученичество. Быть может, в привычной для тебя атмосфере лекарств и препаратов ты решишься наконец исповедаться.

Я опустил глаза: что тут скажешь? Я — грешник. Обряды соблюдаю не столь ревностно, как это делают, например, мои родители. А нашему священнику — иеромонаху Александро-Невской лавры — палец в рот не клади. Грамотный да прыткий, такой мигом епитимью пропишет.

Со стороны замаскированных дверей раздался громкий щелчок. Мы мгновенно подобрались. В руках Северского блеснула сталь кортика.

— Северский! — громким шепотом окликнул я артиллериста. — Откуда у вас оружие? Где вы умудрились его спрятать?

— Но-но, господин Пиллюля! Много будете знать...

— О-о-очень хорошо! — протянул Стриженов.

Уж не знаю, чего хорошего помощник капитана углядел в единственном кортике. Мне в голову пришла неожиданная мысль: быть может, для нашего противника холодное оружие не представляет угрозы? Быть может, в лепете матросов о чертях и демонах содержится доля правды? Не хотелось бы — честное слово! — очень бы не хотелось...

Дверь отъехала в сторону, через открывшийся проход в «келью» хлынул яркий свет. Затем в каменный мешок втолкнули закутанное в темный балахон босоное существо. А то, что незнакомец оказался среди нас не по своей воле, я понял, оценив проворство, с которым он бросился обратно к дверям. Но двери захлопнулись у него перед носом, вызвав у пришельца кратковременный истерический припадок. Он принялся вопить и колотить по каменной поверхности, не жалея кулаков.

— Барышня! — мгновенно определили матросы.

От меня не укрылось, как черный, будто цыган, верзила-боцман Гаврила Аристархович Багров подает сигналы своим друзьям-матросам. Я мгновенно догадался, что последует дальше. Женщина окажется на полу, в горло ее упрется острие кортика... А уже затем начнется дознание: пострадавшая ли она, подобно нам, или же состоит на службе у неведомого противника. Я решил опередить события. Еще на «Кречете» у меня случилась с Гаврилой пренеприятная история. Я даже обращался к командиру корабля, капитану первого ранга И.К. Герману, с требованием повесить этого негодяя на рее. Сгоряча обращался, само

собой. Дело было вот в чем: Гаврила поймал двух матросов на воровстве водки из ахтерлюка. Недолго думая, взял их за шеи, точно котят, и треснул друг об друга лбами. В итоге злополучные воришки оказались у меня в операционном пункте, и оба — с сотрясением мозга. А одному из них даже пришлось подштопать голову.

Поэтому сейчас я без колебания оттолкнул верзилу с дороги, схватил бьющуюся об дверь девицу за руки и крепко встряхнул.

Она подняла на меня полные слез фиалковые глаза.

— Отпустите меня... — прошептала обветренными губами. — Сжальтесь...

Я же застыл. И дело было не в том, что барышня оказалась хороша собой (несмотря на россыпь кровоподтеков на лице и давно не мытые, свалявшиеся, будто войлок, темные кудри). Просто я ощутил... Я ведь врач в пятом поколении. И дедушка, Царствие ему Небесное, не раз говорил: это случится, словно искра. И внутренний мир пациента откроется, подобно книге.

И вот «дедушкина искра» действительно коснулась меня. Впервые за десятилетнюю клиническую практику.

— Вы ждете ребенка, — сказал я.

По лицу девицы, и без того искаженному страхом, разлилась смертельная бледность, будто я завел речь не о беременности, а о саркоме или о газовой гангрене. Она беззвучно, порывы, захлопала губами.

Да, порой мы делаем открытия в неожиданных условиях. Как, например, я. И как она.

Я почувствовал на плече чью-то руку.

— Павел Тимофеевич, вы примете пациентку чуть позднее. Обернувшись, я увидел, что в спину мне дышат Стриженов и Северский. Девица отшатнулась, прижалась спиной к двери и поглядела на офицеров взглядом затравленной волчицы.

— Вам не причинят вреда, — пообещал я за всех, глядя в необычные яркие глаза. И добавил в адрес нетерпеливых офицеров: — Она очень напугана и истощена донельзя. Имейте такт, господа!

— Не беспокойтесь, господин доктор. — Северский усмехнулся. — Русские офицеры не обижают беременных женщин. Ну-с, сударыня, давайте знакомиться: это Федор Арсеньевич, а я — Георгий Иванович. А как вас звать-величать? Откуда вы? Рассказывайте все по порядку!

«Сударыня» же заколотила кулаками в дверь с удвоенной силой, заголосила почище сирены. Я покачал головой, вздохнул и отступил к противоположной стене «келья». Мне показалось, что слова моряков не доходят до сознания этого жалкого, насмерть перепуганного создания.

Северский и Стриженов сначала засыпали беднягу вопросами, затем принялись утешать и уговаривать. Их старания пропали даром. Через какое-то время на помощь офицерам пришли матросы. Седой, как лунь, Тоша убеждал ласковым голосом:

— Дочка, никто тебя не обидит. Слышишь, дочка? Как звать-то тебя?

Тошу бил по рукам боцман Гаврила.

— Тянет здесь лапы!.. Эй, красавица! А, красавица! Крестом святым клянусь — ни одной девки в жизни не разобидел. Хорош голосить, а, красавица?

Как ни странно, общение помог наладить отец Савватий. Причем сделал он это самым простым и действенным способом: выудил из кармана рясы просвиру и сунул ее в трясущиеся пальцы девицы. Просвира была тверда, словно передержанный сухарь. Об этом можно было догадаться по раздавшемуся секундой позднее скрипу зубов и сосредоточенному выражению, появившемуся на девичьем личике.

— Галя... — сказала она после того, как слизала с грязных пальцев последнюю крошку. Звереныш соблазнился приманкой.

— Галя! — довольно отозвался Северский. — Итак, она звалась Галина...

К сожалению, девушка рассказать много не могла. Или, быть может, не хотела... Я так до конца и не понял это бормочущее невпопад существо.

Галя не знала, где мы находимся. Не знала, кто взял нас в плен. Но в каменный мешок ее забросили затем, чтобы она передала нам требования неведомых агрессоров.

Агрессорам мы были необходимы в качестве рабочей силы.

— Та-а-ак... — Стриженов глубокомысленно покрутил ус.

Матросы, не стесняясь присутствия священника и «сударыни», разразились грязной бранью. Работы, насколько мы смогли понять, были земляными.

— Та-а-ак... — снова протянул Стриженов.

Из слов Гали следовало, что утром (утром?) нам надлежит загрузиться в некое транспортное средство и отбыть на место работ. Если мы не сделаем это добровольно, то нас, по-видимому, повторно приведут в бессознательное состояние и вывезут насильно. В последнем случае трудиться, так или иначе, придется, но только на пустой желудок.

Когда на Галю стали полегоньку «давить», чтобы выяснить, кто же стоит за происходящими событиями, девица лишь начала истово креститься и нести всякую околесицу. Надо признать, что мистическая теория причин наших злоключений приобрела баллы в свою пользу.

О самой Гале узнать удалось тоже с гулькин нос. Ее в компании десятка девиц из южных губерний России некие ушлые дельцы обещали вывезти в Стамбул, дабы те нанялись в горничные к тамошним «боям». Пароход работоторговцев (будем называть вещи своими именами) отплыл из какого-то таврического порта и, успешно разминувшись с пограничным дозором, растворился в открытом море. Черноморского побережья Турции судно так и не достигло...

— И чего тебя понесло, дуреха? — не выдержал Стриженов.

— От жениха старого бежала... — бесхитростно призналась Галя.

Бежала, бежала и прибежала. Я вздохнул: в Турции девицу поджидала незавидная доля. Не знаю, что лучше — ее теперешняя участь или то, что ей было суждено... Пока не знаю.

— Господа, вы все слышали, — обратился Стриженов к нам. — Что скажете?

— Святой воды бы нужно, — предложил гальванер Лаптев. — Как по-вашему, батюшка?

— Святая вода — она никогда не помешает, — задумчиво проговорил отец Савватий. — Добыть бы только воду.

— И все равно я не верю! — манерно всплеснул руками Северский. — Демоны не нападают на броненосцы! Это могут сделать немцы, англичане, французы, турки... японцы, в конце концов!

— Испокон веков море забирало корабли, — сказал Тоша замогильным голосом и перекрестился.

— Да, они все были похищены демонами! Демонам, оказывается, очень нужно, чтобы моряки копались в земле! — парировал саркастичный Северский. — Молчал бы, соломенная башка! Неужто проклятым грешных душ недостает, что они начали охотиться на живых людей? Отец Савватий?

— За души умерших, равно как и за души живых, идет ежедневная борьба, — ответил священник рассудительно.

Щелкнула дверь, мы повернули головы: а след девицы уже простыл.

— Тьфу ты! — сплюнул Стриженов. — Что за девка!

— Темная, невежественная, пресмыкающаяся перед всеми и вся; лицо русского крестьянства! — негодовал Северский. — От ее болтовни у меня возникло в два раза больше вопросов, чем было до того.

— Что есть — то есть, — со вздохом согласился Стриженов. — Но она не крестьянка. Держу пари!

— Послушайте, Павел! — окликнул меня Северский. — Какой дьявол потянул вас за язык сказать ей о... гм... ребенке, которого она якобы ждет?

— Не поминайте нечистого! Быть может, мы в его логове сидим! — зашипели на артиллериста матросы.

— Я так сказал, потому что Галина действительно ждет ребенка, — ответил я, глядя Северскому в глаза. — Срок пока незначительный: середина первого триместра. Вероятно, она сама не подозревала...

— Как же! Не подозревала! — пробурчал Стриженков. — Думается мне, раз товар не удалось доставить покупателям, так эти сволочи воспользовались им сами. Басурмане!

— Что же мы предпримем, господа? — спросил я.

— Надо ждать утра... когда оно там у них начнется? Утро вечера мудренее! — сказал Стриженков.

Северский захрустел кулаками. — А там прикажете — в бой? Нас здесь больше сорока душ, и все здоровые, крепкие мужчины...

«Ага — здоровые! Как бы не так!» — невесело подумал я.

— Не вздумайте, Георгий! — прикрикнул на артиллериста Стриженков. — Мы в разведке! Глядим в оба, определяем неприятеля, ищем остальных наших! И не забывайте, что кроме команды «Кречета» здесь, оказывается, есть другие люди. Надо бы познакомиться и выяснить, что у них на уме. И подберитесь, моряки! Если... если и придется столкнуться с нечистой силой, я хочу, чтобы кровь в жилах стыла не у вас.

Моряки продолжили разрабатывать стратегию, благо разговор шел без перепалок. Стриженков хоть и оставлял право окончательного решения за собой, но не мешал высказываться всем: от наученного жизнью матроса Антоши Проскурина до бравого командира орудийной башни главного калибра Георгия Северского. Я рассеянно слушал, как они обсуждают разные варианты развития событий: если неприятеля удастся сразить припасенным кортиком... если на него подействует святая вода... если не подействует святая вода и кортик... если удастся бежать... Но перед моим внутренним взором не исчезал образ затравленной босоногой девицы с яркими глазами необычного фиолетового цвета.

3

Замаскированная дверь открылась, когда хронометр Стриженкова показывал без четверти час пополудни. Приблизительно минуту мы провели в тревожном ожидании, однако в светлом прямоугольнике проема так никто и не появился. Это походило на немое приглашение или, точнее, на требование.

— Ладно, балтийцы! — Стриженков шагнул к проему первый. — Где наша не пропадала? С Богом!

Мы потянулись следом. Отец Савватий бормотал молитвы, Северский готовился пустить в ход кортик, боцман Гаврила угрюмо чесал кудрявую голову. Мы не знали, что ждет нас за порогом «кельи», и тем не менее было приятно покинуть каменный желудок, воздух в котором уже порядком смердел.

Оставив «келью», мы оказались внутри хода с гладкими, округлыми стенами. Скорее всего, этот коридор имел естественное происхождение; может, его вымыла в толще скалы протекавшая здесь подземная река. Впрочем, давным-давно протекавшая. Со свода нам освещали путь десятки, если не сотни, шарообразных колоний светящихся микроорганизмов. С одной стороны брезжил розоватый, непривычный для глаз свет, с другой — коридор растворялся в пещерном мраке.

И здесь нас никто не встретил.

— Вперед, вперед! — ободрил всех Стриженков. Только почему-то шепотом.

— Хорош плен! — одновременно перешептывались матросы. — Мы что, и охранять сами себя будем?

— Может, они разглядели на кого напали и дали деру за Японское море?

— Вы, друзья, как хотите, а я сейчас же иду домой...

Здесь было чертовски холодно. Я не завидовал тем ребятам, которые оказались без сапог. Северский обратил мое внимание на боковую стену, и я сразу обнаружил еще одну замаскированную дверь.

— Быть может, за ней — наши? — предположил артиллерист. Он вынул кортик и осторожно постучал рукоятью.

— Эй! — окликнул я и тут же приложил ухо к камню, надеясь услышать ответ.

В глубине хода, неподалеку от покинутой нами «кельи», раздался сухой хлопок. Мы повернули головы и увидели разбухающее облако сизого дыма.

— Черт! — Стриженов попятился. — Газ! Бегом отсюда, моряки!

Я замешкался: почудилось, будто в клубах дыма проступают очертания гротескного человеческого тела. Вот-вот облако поредет, и я увижу...

— Рудин! — позвал меня по фамилии Северский. — Уносите ноги!

Опомнившись, я припустил следом за моряками. Мне не переставало мерещиться, будто вместе с мятным запахом неизвестного газа меня преследует чей-то тяжелый, лютый взгляд.

— Уф, уф! — тяжело отдувался Стриженов. Было нечто комичное в том, что бравый офицер бежит в кальсонах, обтягивающих обычно ленивые ноги. И еще как бежит! Не хуже заправского марафонца!

Помощник капитана, держась за сердце, одолел подъем (камень под ногами был гладким, и приходилось прилагать усилия, чтобы не поскользнуться) и первым выбрался из толщи скалы. Следом за ним вывалили остальные.

В лицо мне ударил знакомый ледяной ветер. В который раз я почувствовал себя ошеломленным. Дьявол, если так пойдет и дальше, то скоро это войдет в привычку! Я увидел горы, превращенные неутихающим ветром в причудливые башни. Скалы обрамляли каньон, который был столь глубоким, что дно его терялось во тьме. Я увидел головокружительную пропасть, крутой склон, вдоль которого спускалась опасная тропа. Я смотрел, смотрел, смотрел... Сбитый с толку бедняга-мозг отчаянно старался осознать увиденное, дать объяснения, подобрать привычные названия, приклеить бирки. Но — тщетно. Рассудок отказывался воспринимать действительность.

Все вокруг оказалось окрашенным в оттенки красного и желтого. Припоминалось отдаленное сходство: в Финляндии мне доводилось видеть пестрые, насыщенные непривычными для глаз красками долины. Всему причиной там были мхи, а здесь... Я наклонился и взял пальцами щепотку рыжего, словно ржавчина, колючего песка. Песок, всюду песок. Песок несется мимо скал, он ни на минуту не прекращает свою ювелирную работу. Песок взлетает к вершинам гор, затем — еще выше и красит морозное небо, чуть тронутое налетом перистых облаков, в розовый цвет.

Над горизонтом висит маленькое, болезненно-красное, неласковое солнце...

— Это Австралия, боюсь вам! — проговорил осипшим голосом Тарас Шимченко. — Мне кум рассказывал! Там он видел горы красные, как кирпич!

— В Австралии жарко, а здесь — словно в Питере... зимой! — возразил Северский.

— Но и на ад не похоже, — осторожно высказался гальванер Лаптев. — В аду должно быть жарко.

— А ты почему знаешь, Кирюха? Бывал, что ли? — огрызнулся в своей обычной манере боцман Гаврила. — Вон, в Сахаре тоже по ночам холодно. А днем можно картошки в песке печь.

— Ваше благородие! — вдруг завопил незнакомый мне молодой матрос. — Братцы!..

Все посмотрели на морячка: тот замер, вытаращив остекленевшие глаза, только трясущаяся рука указывала куда-то вбок. Мы дружно повернулись и увидели справа от пещеры... два металлических цилиндра, стоящих один на другом. Тот, что с меньшим сечением, находился снизу, с большим сечением — наверху. Оба цилиндра имели сложный рельеф, на них серебрилось то, что можно было принять за надпись. Скажем, на японском языке. Это, несомненно, была машина: достаточно большая, почти в человеческий рост высотой, новая и неизвестная мне машина.

— Чего орешь, каналья? — налетел на матроса Северский.

— Это... это... — бормотал юноша, не убирая указующего перста.

— Чего, Сурок? — насел с другой стороны Гаврила. — Скажи по-человечески? Вишь, их благородия ждут?

— Это... я их видел... это они напали на «Кречет»..

— Та-а-ак! — Стриженов снова взялся крутить ус.

— Что за чушь! — выпалил Северский.

— То-о-о... только у них ноги были, как у каракатицы, — проговорил, стуча зубами, матрос. — И бегали они, и по вантам карабкались...

— Правду говорит, похоже! — поддержал юношу матрос постарше. — Я вначале не признал. Те бегали, а этот столбом стоит.

— Сами вы — каракатицы! — Северский решительно растолкал матросов и приблизился к механизму. Протянул руку, приложил ладонь к круглому боку.

— Отчаян, шельма! — пробурчал едва слышно Стриженов. Северский же, осмелев, принялся ощупывать машину руками.

— Эта штука сложнее, чем гидравлика в орудийной башне, — сказал он. — Тарас Алексеевич, может, взглянете поближе? Вы ведь как-никак инженер.

— Ой, да чего-то мне не хочется, Георгий, — ответил малоросс. — Смотрите, вон там — еще один! — послышался голос Лаптева.

И точно: если спуститься по дорожке, берущей начало у пещеры, то можно было увидеть точно такой же механизм. А еще ниже — следующий. Загадочные машины стояли вдоль крутой тропы, точно часовые. От неприятной ассоциации меня передернуло. Как-то легко верилось, что при надобности они смогут выпустить из себя металлические щупальца и превратиться в ловких, словно пауки, преследователей.

Чтобы отвлечься от дурных мыслей, я решил проверить одну теорию. Для этого я поднял с земли каменный обломок в кулак величиной и с силой швырнул в сторону каньона. Камень с едва слышным «фрррр!» превратился в точку, растворившись на фоне розового неба. Несколько матросов оказались случайными свидетелями моей выходки. Они удивленно присвистнули, зацокали языками.

— Господа! — громко объявил я остальным. — Не знаю: преисподняя ли здесь или же небеса. Но это место расположено не на Земле. Понимаю, что мне вы так просто не поверите, но... — я сделал драматическую паузу, — ...мы на другой планете, господа.

Северский отлип от механизма, напугавшего матросов (а с ним он стоял теперь почти в обнимку), и собрался, видно, сказать что-то нелицеприятное, как слова мои нашли неожиданное подтверждение. Из тьмы каньона стремительно рванулся к небесам небывалый летательный аппарат. Выполненное целиком из сверкающего металла, каплевидное, с расходящимися в стороны плоскостями крыльев, это чудо танцевало в воздушных потоках с грацией примы-балерины. Раздался звук, напоминающий раскат грома, в воздух взметнулись тучи мельчайших песчинок... Пока мы чихали и кашляли, удивительный летун успел скрыться за дальними горными вершинами.

Ветер донес до нас чей-то далекий возглас:

— Э-гей!..

Еще ниже, там, где тропа превращалась в ниточку на красно-коричневом теле склона, я разглядел каменное сооружение, похожее на пирс. Только нависал он не над морской пучиной, а над пропастью. Пыль немного улеглась, и стало видно, как на каменном языке пирса суеются крошечные, точно муравьи, человеческие фигурки. Из-за расстояния, разделяющего нас, немудрено было ошибиться, но мне показалось, что эти люди носят белые матросские фланелевки с синими воротниками.

Людей поглощала другая птицекрылая машина. С пирса — на трап, с трапа — в широкий люк летуна они переходили быстро и безропотно, словно подгоняемые ударами кнутов.

С ворчливым рокотом машина отошла от пирса. Сначала медленно, почти как воздушный шар, стала набирать высоту. Затем грянул гром, и второй летательный аппарат пропал в розовом небе, исчез так же, как и предыдущий.

И все-то сваливается на нашего брата сразу!

Завибрировал воздух вокруг цилиндрического механизма, заставив моряков брызнуть врассыпную. На наших глазах верхняя половина загадочного устройства раскрылась множеством металлических «лепестков». Обнажились ажурные решетчатые структуры, а за ними я увидел переплетение тускло светящихся узлов, по сложности не уступающих, а может, и превосходящих человеческие органы.

— Покориться! — раздался леденящий кровь голос. И шел он — клянусь! — из сердцевины разверстого устройства.

Послышались гулкие шаги. На пороге пещеры возникла великанская фигура. Существо, представшее перед нашими позеленевшими лицами, было в полтора раза выше любого из моряков; оно обладало длинными обезьяньими руками и головой, напоминающей мясистого красного червя. На этом омерзительном отростке отсутствовали какие-либо органы чувств: ни глаз, ни ушей, ни носа. Жуть! На богомерзкое создание была надета броня, напоминающая пластинчатый доспех средневекового европейского рыцаря. Я мысленно окрестил великана «червелицом».

— К-хээ! К-хээ! — услышали мы с другой стороны: по тропе поднимались, несясь на четвереньках, три не менее отвратительные сущности. Они походили на очень старых, голых, высохших до скелетоподобного состояния людей. Лишь необычное расположение мышц и суставы конечностей, сгибающиеся под невозможными углами, красноречиво говорили о том, что перед нами — твари, напоминающие людей не больше, чем лошадь — корову. Первый добравшийся до нас «старик» сбил с ног седого матроса Тошу. Повалил его на спину и принялся по-собачьи, с шумом, обнюхивать. Бедный Тоша умер на месте. От худых шей «стариков» тянулись черные ленты узких поводков (крепились они, кажется, прямо к хребтам чудовищных пародий на людей), поводки сжимало в лапах иное существо. На первый взгляд оно походило на чернокожего человека в шубе, и лишь на второй, более пристальный, становилось понятно, что «шуба» — это одно создание, а то, что ее носит, — второе...

— Покориться! Покориться! — непрерывно лилось из раскрытого цилиндра. Вот уж не знаю: если бы нас окружили вооруженные трезубцами рогатые черти, а из пропасти выбрался сам адский Сатана, сопровождаемый злобными демонами и огненными извержениями, — стало бы это страшнее? И тем более не знаю, как должны были вести себя моряки, чтобы, — я вспомнил слова Стриженова, — «кровь в жилах застыла не у них»... Сам первый помощник стоял, выкатив налитые кровью глаза. Его лицо было краснее свеклы, и мне показалось, что с секунды на секунду он может свалиться от сердечного удара. По припорошенным ржавой пылью кальсонам Стриженова расплзлось темное пятно. Я не заметил, чтобы на лице морского волка присутствовал хотя бы намек на командирское мужество и хладнокровие.

— Покориться! Покориться! — пульсировало в наших ушах.

И мы покорились.

Сломались...

Наши души обычно чисты, как родниковая вода. Однако на дне лежит осадок, доставшийся по наследству от диких предков. Если воду всколыхнуть как следует, осадок поднимется, и животное возьмет верх над человеком.

Мы побежали вниз по тропе. Из-под ног выворачивались камни, ветер, словно почувствовав нашу слабость, с особым цинизмом принялся хлестать по глазам песчаными струями. С небес глядело красным глазом нерадостное солнце.

Северский потерял кортик, на который он так надеялся. Выронил и даже не подумал о том, чтобы задержаться и поднять оружие. Матрос Сурок, горемычный матрос Сурок, сорвался. Сначала он заскользил по тропе на пятой точке опоры, затем его закрутило, завертело... Морячок был еще жив, когда мы пробежали мимо. И никто не остановился, чтобы помочь ему. Даже я, горе-доктор.

У пирса нас накрыла тень: летун вернулся. Или это был брат-близнец аппаратов,

отправившихся за горы, — попробуй разбери! Крылатая машина пристала к пирсу. Она повисла над пропастью, словно ее удерживали в воздухе невидимые тросы. Открылся широкий, как пасть кашалота, люк.

На пирсе находился еще один цилиндрический механизм. Он был раскрыт и монотонно повторял: «Покориться!» Одно и то же, раз за разом. А ведь мы даже не помышляли о сопротивлении. Здесь же присутствовало существо в «шубе», у его ног (ног?) застыла в напряженных позах свора «стариков» на поводках...

Я не мог заставить себя поднять глаза, чтобы рассмотреть эту братию в подробностях. Мне хватило червеголового человека на пороге пещеры! Я был в ужасе! Я был напуган дьявольски! До полуобморочного состояния. До потери связи с действительностью. Мне приходилось прилагать невероятные усилия, дабы не утратить контроль над сфинктерами, а мыслить трезво — уж увольте, не тот случай!

Единственное, о чем мне хотелось бы упомянуть отдельно, — ни одно из чудищ не применило физического насилия (не считая нападения «старика» на Тошу, которое, может, было вовсе не нападением). Наши мозги оказались зажатыми в тисках собственного страха, и именно страх являлся тем кнутом, который заставлял нас вести себя подобно животным.

Да, мы превратились в животных. Отвратительных животных с человеческими обличьями.

Отец Савватий, стоя на четвереньках, лакал из квадратной лохани зеленоватую воду. Матросы столпились вокруг других лоханок. В жестяных емкостях дымился мутный бульон, а в бульоне плавало порубленное крупными кусками мясо на костях. Моряки принялись набивать рты нехитрой пищей, при этом они издавали истерические вскрипы, вздрагивали от беззвучных рыданий, давились и крепко толкали друг друга, борясь за приглянувшийся кусок.

Мне стала ясна подлинная трагичность нашего положения, едва я взглянул на первый попавшийся ломоть.

— Человечина.

Я сумел произнести это мерзкое слово громко, внятно, с некоторой долей отстраненности. Трапезу я испортил, да. Но стоит ли об этом рассказывать?

— К-хээ!

На нас тут же набросились «старики», их глотки раздувало кашляющим лаем, но «шуба» остановила свору, подтянув поводки.

Мы сами выстроились напротив трапа, ведущего на борт летающей машины. Мы стали подниматься, хотя об этом нас никто не просил. Мы заполнили трюм, сгрудившись во тьме, как стадо безмолвных баранов. Когда же закрывшийся люк отрезал от нас пирс, мы восприняли это едва ли не с облегчением.

4

Всю жизнь мы нарочно пугаем себя. В детстве — историями о ведьмах и оживших мертвецах. В юности мы зачитываемся страшными сказками Гауфа. В молодости смакуем «Пиковую даму» и «Каменного гостя» (а вы до сих пор не читали?); мы вкушаем фантастические произведения Гете, Шелли, Бальзака, Верна, и от этого наши аппетиты по отношению к таинственному и пугающему разжигаются сильнее и сильнее. О, испугайте нас, пожалуйста, еще! Заставьте покрыться «гусиной кожей», когда случайный сквозняк потушит свечу в полуночной комнате! Мы приходим в невольный азарт, обсуждая подробности кровавых преступлений и несчастных случаев. Мы перебрасываемся друг с другом бредовыми сплетнями о детях, рожденных хвостатыми и зубастыми, о встречах с умершими людьми, о гигантских крысах, пауках и змеях. Нас приводит в болезненный восторг мрачная романтика спиритических обрядов и сама возможность существования лазейки в потусторонний мир. Кроме того, нас настойчиво пугают священники, предрекая адские муки, которые постигнут каждого в расплату за возможные прегрешения (в том числе — и за

участие в спиритических сеансах). И не забудьте об апофеозе апофеозов — об Армагеддоне, о Конце Света, которого традиционно ждали на рубеже веков и так же традиционно не дождались.

Сознательно и бессознательно, изо дня в день мы готовимся ко встрече с неизвестным и сверхъестественным. К тому, что однажды явится перед тобой, словно чертик из табакерки. Выскочит, выпрыгнет — и в один миг перевернет представления о привычном мире и о твоём месте в нём. Готовим себя, закаляем, муштруем...

Однако действительность оказывается коварнее, и тут ничего не попишешь. Реальность всегда страшнее выдуманной истории, даже самой талантливой. Всегда. И к этому нельзя каким-либо образом подготовиться.

— Как же это могло случиться?.. Что же с нами будет?..

Грузный и солидный, точно гоголевский Бульба, Тарас Шимченко сидел на полу, обхватив круглую голову руками. Его могучие плечи сотрясала крупная дрожь.

Северский ломал спички одну за другой, тщетно пытаясь закурить папиросу. Отец Савватий стоял на коленях, устремив взор вверх. С мокрой бороды священника стекала вода, на лице была растерянность. Складывалось впечатление, будто духовник напрочь позабыл слова всех молитв и теперь отчаянно пытается вспомнить хотя бы первые строки «Отче наш».

В трюме летающей машины царил полумрак. Тусклый свет проникал через ряд узких, словно щели, запыленных иллюминаторов. Сильно пахло теплым железом и, кажется, машинным маслом. Было не холодно и не жарко, в меру шумно (гудели, очевидно, двигатели летуна) и относительно спокойно. По крайней мере, нам выпал шанс еще раз обсудить свое незавидное положение.

— Но почему? Павел Тимофеевич! Я вас спрашиваю: почему?

Я поднял глаза на Стриженова. В голове моей шумело беспощадно. Меньше всего сейчас хотелось разговаривать, тем более — строить какие-либо гипотезы. И все же понимание происходящего снизошло на меня, стоило только поднапрячь извилины.

— Они, Федор Арсеньевич... — Я сглотнул, борясь с внезапным приступом тошноты. — Эти создания... они не знают, чем мы питаемся. Они не знают, что для нас — яд, а что — нектар. Они решили, если мы станем поедать самих себя, то уж наверняка не отравимся. И они не ошиблись. Видит Бог, у них все просчитано.

— Проклятье! — выругался Стриженов. — Но вы видели этих бестий? А запах от них, а? Я... я, простите, обделался. — Он смущенно указал на мокрое пятно на кальсонах.

— Ничего, — ответил я. — Это бывает. Нечего стыдиться: мы все здесь мужчины. Северский нервно зачмокал губами, ему наконец удалось закурить. Мне тоже хотелось подкрепиться табачком, но в трюме и без того было нечем дышать.

— И я вел себя отнюдь не геройски, — пробормотал Северский. — Я ожидал, что все будет по-другому. Решительно не представляю, чем можно было бы укрепить дух.

— Водкой! — сострил я.

— Верно, — не стал спорить артиллерист, он даже смог улыбнуться, — я бы сейчас не отказался от половины чарки. Или от целой.

— Да-а-а! — Стриженов дернул себя за ус. — Твои слова да Богу бы в уши, Георгий.

Рядом с офицерами выросла мрачная фигура боцмана Гаврилы.

— Ваше благородие! — обратился он к Стриженову. — Бежать нам всем надо. Разведка разведкой... Какая здесь может быть разведка, ваше благородие? Мы ведь не военнопленные и даже, кажется, не рабы.

— Гаврила прав, — поддержал я боцмана. — Нас принимают за животных. И мы станем животными, находясь под властью этих хозяев. То, что я увидел, не позволяет сделать иного вывода... Я осекся, вспомнив Галину. Ее руки были не толще тростинок. Как сейчас помню: держу за плечи, а под пальцами — тоненькие, сухонькие щепочки. Кости да кожа. Мое сердце наполнилось состраданием.

Заскворчала папироса, Северский выдохнул облако дыма.

— Да и баба та... — артиллерист будто умел читать мысли. — Она не выглядела упитанной. Мне кажется, господа, ничего путного из нашей покорности не выйдет.

— Пахать заставят да голодом заморят, — высказался Гаврила. — Лично я своего брата жрать не собираюсь. Я не негр дикий.

Мы поглядели на остальных. Моряки, по-моему, не были готовы к решительным действиям. Одну половину отряда все еще рвало, а вторая лежала просто вповалку.

— Ладно, посмотрим. — Стриженов уселся рядом со мной.

— Боже, дай нам сил! Где бы взять эти силы! Я закрыл глаза. Корпус летуна заметно вибрировал, заражая дрожью мою мокрую от пота спину. Стриженов вдруг принялся рыдать. Черт! Это случилось так неожиданно, что я оторопел и упустил момент, когда можно было бы прервать досадную истерику на корню.

— Братья мои!.. Православные!.. Русские землячки!.. — Сначала Стриженов полез лобызаться с Северским, а затем и меня заключил в жаркие объятия.

— Тише ты... ваше благородие! — Я похлопал помощника капитана по упитанным плечам. — Держите себя в руках, Федор! Христос терпел и нам велел!

— Паша, нет больше корабля... — рыдал Стриженов. — Где теперь родная сторона? Ее тоже нет! — говорил он невпопад. — А ты помнишь их? Шерсть торчком! Глаза отовсюду! Смердят, как Сатана. Лучше смерть, чем такая доля. Уж лучше бы мы все пошли ко дну!

— Это всегда успеется, ваше благородие, — утешал я крупного бородатого мужчину в высоком офицерском чине чем только мог. — Отчаяться никогда не поздно. Но мы стоим только в начале пути. Поэтому нужно укрепить сердца... Ненавистью ли к врагу, молитвой ли, желанием ли вернуться домой... Путь будет долгим.

Стриженов свернулся на полу калачом, словно большая старая собака. Через несколько минут его хриплые стоны превратились в равномерное похрапывание. А ведь и часу не прошло с тех пор, как он шагал впереди отряда, подбадривая своей волей и нестигаемостью остальных!

Если бы я мог предвидеть, что случится дальше, то попрощался бы с ним сейчас. Уверен, в эти минуты Стриженов еще в какой-то мере объективно воспринимал происходящее.

Нас выдернули из привычной среды обитания. Мы потеряли привязку к обыденным реалиям. И какими оказались беспомощными! Словно медузы, выброшенные волной на берег, плавающие под прямыми лучами солнца. Сильные, закаленные солеными ветрами и штормами люди ломались под давлением необъяснимых обстоятельств, словно спички.

А каков запас моей прочности? Сколько времени я смогу сохранять твердость духа и трезвость мышления?

Летающая машина уносила нас все дальше и дальше. Внизу мелькали унылые красно-коричневые пустоши, где не за что было уцепиться взгляду. Ржавые камни и ржавые пески, ничего другого. Мир ржавчины или Ржавый мир. Куда нас везут? Для чего? Как далеко осталась стальная громада «Кречета»? Тень от завтрашнего дня напозвала на сегодня, и впору было окончательно потерять надежду.

— Павел, вы сказали, что мы попали на другую планету, — прервал мои размышления Северский, — у вас есть предположение, куда именно нас занесло?

Я пожал плечами:

— Не знаю, Георгий. Быть может, мы оказались на Марсе или на Венере? Скорее на Марсе, ведь на Венере океан... и тепло, словно в тропиках. Так считают ученые. А может, это — Юпитер. Или же Сатурн.

Что поделать: мои познания в астрономии были ограничены, равно как дальность зрения современных телескопов. Я не мог дать точный ответ на вопрос артиллериста.

— Марс... — Северский устало потер глаза. — Я знаю эту звезду. Было бы любопытно отыскать в его ночном небе Землю...

Я подсел к иллюминатору. Пейзаж за бортом успел измениться. Пустошь, казавшаяся

бесконечной, сменилась редколесьем. Я наблюдал за тем, как деревья тянут голые ветви к небу, как забавляется ветер с опавшей листвой цвета меди. Мое сердце ускорило ход: а ведь и здесь имеются оазисы! И, быть может, под чужим небом розового цвета отыщутся уголки, где человек обретет убежище, сумеет добыть пищу и воду...

Разум настойчиво искал площадку, на которой можно было бы построить прочный фундамент надежды.

Затем заблестело, засверкало.

Невозможно спутать этот блеск с чем-либо другим: там внизу текла река!

Деревья отступили, освободив место широкому руслу. Я сдержал вздох разочарования: воды в русле оказалось — кот наплакал. Похоже, река за последнее время сильно обмелела. Среди бурого ила сияли россыпи широких луж, соединенных друг с другом капиллярами ручьев. Являлась ли здешняя засуха сезонным явлением или же ее вызвали иные причины, я пока не мог сказать с уверенностью. Я слишком мало был знаком с этим холодным, негостеприимным миром.

Река и оазис. Если нам удастся бежать...

Русло оказалось необычайно прямым, и я в конце концов сделал вывод, что мы пролетаем над рукотворным сооружением. Скорее всего, над каналом. Летающая машина мчала на впечатляющей скорости, а канал тянулся и тянулся, словно Транссибирская магистраль. Складывалось впечатление, что нет у него ни начала, ни конца. Неужели климат этого мира так холоден и сух, что кому-то для выживания здесь потребовалось создать столь грандиозное ирригационное сооружение?

Стоило летуну подправить курс на полтора-два градуса, как в поле зрения попали отвалы земли. Среди рыжих холмов суежились крошечные фигурки.

Косматый боцман Гаврила принял к соседнему иллюминатору. Почесывая подбородок, он то и дело издавал глубокомысленное «хм!». Боцман буквально заставил мой зараженный микробом графомании мозг сравнить его с фантастическим генералом, которому выпала возможность осмотреть позиции врага с высоты птичьего полета.

— Поглядите, доктор! — обратился он ко мне. — Не тем ли придется заниматься и нам?

Я ничего не ответил. Что делают эти существа, мне было не разглядеть. Более того, я даже не мог сказать с уверенностью, являются ли они людьми или принадлежат к богомерзкой братии.

Зато я заметил, что чем дальше, тем земляные отвалы сильнее сползают в русло. Вот канал перегорожен красно-коричневым грунтом наполовину, а вот — он уже засыпан полностью.

Рукотворной реки не стало. Через минуту я не мог распознать даже контур канала — столь тщательно его завалили землей. Да и ветер успел все отутюжить. Опять потянулась бесконечная пустошь...

И только я собрался позволить глазам отдохнуть, как Гаврила замахал руками. И вновь мы прильнули носами к пыльному стеклу. Вновь глядели на пустошь.

Неизвестный корабль промелькнул под нами со скоростью стремительной ласточки. Точнее, это мы промелькнули над ним... Но глаз у меня зоркий, поэтому я успел приметить, что судно, лежавшее на каменистом возвышении, имело весьма необычную конструкцию. В размерах, очевидно, оно самую малость уступало «Кречету». Я заметил ряд гребных колес, которые располагались вдоль повернутого к небу (к нам) борта, а их было не меньше шести. Тупоносый, трехтрубный пароход-переросток. На поломанных мачтах трепетали обрывки снастей.

Ничего не знаю о том, чтобы подобные корабли состояли во флоте хотя бы одной державы. Хотя — признаюсь честно — я не эксперт в данной области.

И в следующую секунду нас с Гаврилой прижало лицами к иллюминаторам. Летающая машина заложила слишком крутой поворот. Пол рванулся вниз, а наши желудки — вверх. Послышалась сдавленная ругань (мы больше не стеснялись присутствия отца Савватия; к

тому же он до сих пор не вышел из состояния религиозного ступора).

Воздушное путешествие над новым миром подходило к концу. Наше испытание вот-вот должно было перейти на новый этап.

Что я давеча говорил Стриженову? Укрепить сердца... что-то еще... Жаль, что не записал. Неплохо было бы перечитать для поддержания собственного духа.

5

«Человек — исключительная скотина, — поделился однажды со мной размышлениями профессор Ф.А. Бергман. — Стерпеть может все или почти все... Баста, милейший! — Он продемонстрировал уставшему вырываться, навсегда сорвавшему голос человеку щипцы, в которых бы зажат крошечный, похожий на речную гальку камешек. — Вот этот обмылок закупоривал мочевыводящий канал, из-за него вас пришлось истязать битый час. Сейчас ассистент зашьет промежность, и после, голубчик, сможете соснуть. Вы держались молодцом! Приступайте, пожалуй, Паша».

...Летающая машина приземлилась на утоптанную площадку среди отвалов рыжего грунта. Люк бесшумно открылся, трюм зачерпнул порцию бледно-красного света, смешанного с вездесущей пылью. В проеме возник нечеловеческий силуэт: «шуба» и «носитель».

— Покориться! — раздался уже знакомый голос. Значит, механизм-цилиндр тоже присутствовал неподалеку.

Разбуженный во время посадки Стриженов, очевидно, устыдился минувшей слабости и решил восстановить «статус-кво». Он стойчески занял место во главе отряда и даже первым шагнул на трап. У всех нас вырвался вздох удивления, когда помощник капитана встал перед «шубой» во фронт — словно перед адмиралом. Три секунды длилась безмолвная пауза; никто не мог понять, что, собственно, происходит. Затем Стриженов неожиданно пошатнулся так, будто под его ногами была палуба угодившего в шторм корабля, а затем и вовсе свалился на землю.

Гаврила, я и еще двое матросов поспешили к старшему офицеру на выручку. Но чтобы добраться до Стриженова, нужно было проскользнуть мимо «шубы»: та безмолвно возвышалась посредине трапа. Ее крохотные глазки, разбросанные среди шерстяных волн, как и фасетчатые вежды «носителя», не моргая, глядели на нас. Словно чудовищное двуединое существо испытывало людей: твари мы дрожащие или право имеем.

При приближении к «шубе» все четверо испытали острое чувство страха. Ноги отказывались слушаться, паника глушила голос разума. Мерзкое создание будто излучало флюиды, перенести которые человек был попросту неспособен. Я знаю, что ни одно животное на Земле не в состоянии выдержать пристальный человеческий взгляд; так и мы не могли перенести взора этих бестий.

И вернуться бы нам четверым в трюм, и вжаться бы в дальнюю стену так, как это делали остальные... Если бы не сумасбродная выходка Северского.

Мы пятились обратно, когда артиллерист, широко расставив руки, вклинился между нами. Позднее он признался, что был намерен лишь подтолкнуть, увлечь меня, Гаврилу и матросов за собой. А вышло так, что вместе, теперь впятером, мы потеряли равновесие и скопом повалились на лохматую бестию.

Я врезался в «шубу» лицом и руками. Кожей ощутил жесткую, жаркую и при этом влажную шерсть. Она обожгла меня, словно крапива. Я заверещал, задыхаясь от кислосладкой воню, которой исходило мерзостное тело. Замычал от отвращения Гаврила, роняя на грудь клейкую слюну, разразились бранью матросы. Окаянный Северский скатился по трапу на землю, точно бочка. Мы же: я, Гаврила, матросы, «шуба» и «носитель», которые двое в одном лице, — рухнули кучей-малой на Стриженова.

Трудно передать, что я испытал в тот момент. Страшное двойное существо было столь же отталкивающим, как мохнатый мадагаскарский паук-птицелов, как растрепанная

канализационная крыса, поедательница нечистот. А мы лежали друг на друге, словно пылкие любовники, и голова «носителя», похожая на гигантского блестящего жука, находилась перед моим лицом.

Откатился. Попытался встать, но не смог. Зарылся лицом в колючий песок. Краем глаза заметил, что Северский бросается в кучу-малу и... с размаха бьет сапогом в лысый череп «носителя». Лих же этот офицер! Всем бы так... А Северский бьет еще и еще! «Шуба» пытается сползти с костяного каркаса «носителя», но в нее уже вцепился Гаврила. Боцман, оскалившись, силится порвать ее руками, точно тряпку.

Движение со стороны ближайшего земляного отвала. К центру схватки мчит едва уловимая глазом тень. Я кричу:

— Берегись! Слева! Цилиндрический механизм действительно передвигается на металлических щупальцах. Они кажутся такими тонкими, почти прозрачными... И атакует он в самом деле молниеносно.

Он врезался в Северского, точно таран. Артиллерист взмыл в воздух, перевернулся через голову и упал плашмя на землю. Цилиндр же наполовину врыл щупальца в грунт и заметался, словно маятник на пружине: влево — вправо, вперед — назад, раздавая своим корпусом могучие, звонкие удары.

«Шуба» поползла на «носителя». Существо восстановило двойственную ипостась и поплелось вверх по трапу. Цилиндр в это время утихомирился: спрятал щупальца, замер, окруженный стонущими и плюющими кровью моряками. «Шуба» же нырнула в трюм. Через минуту-другую оттуда резво высыпали остальные люди.

Ко мне подбежал гальванер Лаптев:

— Вы ранены, ваше благородие?

— Нет, — ответил я, поднимаясь на ноги. — Как Гаврила? Как Северский?

Северский в тот момент пытался сесть. Его лицо было перепачкано кровью (а может, больше пылью красного цвета), но он силился улыбаться:

— Ну, суки! Вот суки! — приговаривал бравый артиллерист, ощупывая себе ребра, шею и подбородок.

Я набрал в легкие воздуха, чтобы поинтересоваться его самочувствием, но Лаптев дернул меня за локоть. На трапе вновь выросла закутанная в «шубу» фигура.

Моряки невольно попятились, ощутив на себе действие чужепланетных флюидов. Вокруг «шубы» мгновенно образовалась «сфера отчуждения». Лишь Северский и Гаврила, которые не могли отступить подобно остальным, легли на песок, обратив обреченные взоры в небо.

«Шуба» поплелась вдоль корпуса летающей машины, направляясь к ее носу. Продолжать расправу не входило в ее планы. От моего взгляда не укрылось то, что тварь пошатывается, что движения ее неточны и заторможены. Мои подозрения подтвердились, когда двуликое существо вдруг остановилось и «носителя» вырвало дымящейся струей желто-зеленого хмуса.

Тела неведомых хозяев планеты, оказывается, так же уязвимы, как и наши! Если они в какой-то мере и крепче, то уж точно не из железа выкованы. Оказывается, этим тварям мы способны «намылить» шею. Причем — голыми руками.

Отхрипевшись, зловонное существо поплелось себе дальше. Мы молча проводили взглядами уродливую мохнатую бестию. Жаль, что она не свалилась замертво на наших глазах. Тогда моряки смогли бы поздравить себя с первой победой на этой планете.

Но, видимо, время еще не пришло.

«Шуба» исчезла из нашего поля зрения. Корпус летающей машины вздрогнул, взметнулись вверх густые клубы пыли. Через минуту серо-розовая завеса рассеялась, открыв нашим взорам опустевшую площадку. Мы остались одни.

С возвращением мнимой самостоятельности (цилиндр-то остался, а приглядывал он за нами или нет — кто тогда мог знать?) вернулась способность думать и действовать. Мы поставили на ноги Северского, Стриженова, Гаврилу и остальных. К счастью, все они

отделались ушибами и синяками. Северский, правда, лишился двух передних зубов. Гаврила, глядя, как тот отплеывается кровью, проворчал под нос: мол, Бог шельму метит.

Стриженова явно беспокоила поясница, хотя он не проронил ни полслова жалобы. Приспустив кальсоны, он обеими руками массировал заросшую густыми волосами плоть, при этом по щекам его струились слезы. Я заметил, что на руках Гаврилы и на лице одного из матросов появилась сыпь. Сердце похолодело, когда я обнаружил точно такие же пузырьки водянок на своих руках. Судя по подозрительному зуду, одинаковая участь постигла и кожу на лице. Я осторожно ощупал щеки, скулы, подбородок. Все равно что провел пальцами по саквоюжу из крокодильей кожи. Проклятье! Хорошо, если это просто аллергическая реакция. А если нет? Если чужепланетная инфекция? Страшно не хотелось бы изолировать самого себя от остальных.

Моряки тем временем обнаружили похожий на гроб металлический ящик. Очевидно, его сгрузили с летающей машины перед тем, как нас вы пустили наружу. Внутри ящика, вопреки саркастическим прогнозам Северского, оказался не покойник, а лопаты. Если бы мне не сообщили заранее, что нам придется прозябать на земляных работах, то я бы решил, что это не лопаты вовсе, а весла, честное слово. Более неудобного инструмента, не считая распатора времен Киевской Руси, который хранился в университетском музее, мне видеть не приходилось.

Как ни странно, лопат на всех не хватало. Мысли мои в тот момент были заняты исключительно водянками, и я легкомысленно не придал этому факту значения.

Чтобы не смущать друзей по несчастью болезненным видом, я решил подняться на ближайшую земляную насыпь и посмотреть, куда нас забросила судьба. Отвал был крутым и довольно высоким — в три моих роста, не меньше. Тем не менее я с легкостью поднялся на верхнюю точку. Буквально взлетел с места. Кажется, фокус был в том, что мой вес на планете ржавых песков претерпел изменения. И дело заключалось не в потере массы от недоедания (я предвидел, что эта участь постигнет нас в самом ближайшем будущем), а в изменении гравитационной константы. Впрочем, я больше разбирался в человеческой физиологии, чем в фундаментальной физике, и был способен лишь на поверхностные умозаключения. Кстати, преимущества от избытка силы в мышцах сводились на нет одышкой, а она появлялась, стоило сделать несколько резких движений. И еще этот назойливый шум в ушах... иногда мне чудилось, что это кровь кипит в сосудах. Ощущение — не дай бог!

Оказавшись на вершине насыпи, я приставил ладонь ко лбу козырьком: меня окружал чужой, незнакомый мир.

Ни тебе пения птиц, ни стрекота насекомых, ни шума листвы. Поразительно безжизненная картина. Шуршит песок; гуляет пахнувший снегом ветер. К слову, на этой широте оказалось не так уж холодно: градусов десять по Реомюру. Если бы не ветер, было бы по-весеннему тепло. Но пробирающие до души порывы заставляли меня плотнее кутаться в китечек, который я предусмотрительно надел на себя, покидая свою прокуренную каюту в ту ночь.

Солнце висело над каналом, а он был таким широким и глубоким, что мог соперничать с судоходной Невой. Огромнейшее, титаническое сооружение тянулось с севера на юг. Вдоль берега с нашей (с западной) стороны возвышался земляной вал. Стоя на гребне вала, было трудно не поддаться гипнозу глубины: казалось, тебя тянет вниз, влечет скатиться по каменистому склону, рухнуть на обнажившееся дно пузом в желтоватую грязь, которая все равно не смягчит падения. Да, канал осушили не вчера и даже не позавчера. Ветер гнал рябь по зеркалам многочисленных луж и озерец. Ветер забирал остатки влаги с собой — высоко в небеса.

Противоположный (восточный) берег был окутан розовато-сизой дымкой. В ее глубине угадывалось движение. Будто бы сотни муравьев возились на конусе муравейника. Ветер доносил нечеткий гул. Похоже, на той стороне работали тяжелые машины, наподобие наших землечерпалок, служащих для углубления дна портовых акваторий.

С севера канал был уже засыпан: с той стороны виднелся пологий скат земляной пробки. Там, по-видимому, тоже кипела работа.

Очевидно, и нам предстояло гнать волну ржаво-красного грунта дальше на юг, к виднеющимся на горизонте эстакадам умопомрачительного моста. Вот только не думаю, что пятидесяти морякам, вооруженным лопатами, такая задача по плечу. Даже если собрать весь экипаж «Кречета», всех без малого девятьсот человек вместе, то им и за год не засыпать видимую отсюда область канала.

Я услышал за спиной шорох осыпающейся земли и громкое дыхание. Обернулся и увидел, что на вал взбирается Гаврила.

— Не желаешь... ух... взять лопатку... доктор Рудин? Ух, ты... — Боцман жадно хватал ртом воздух.

Я улыбнулся:

— Ну и рожа у тебя, Гаврила!

— А не краше, чем у тебя, — парировал боцман. — Та же проказа.

— Но-но! Типун тебе на язык!

— Одну и ту же красотку поцеловать пришлось... тьфу!!! — Гаврила сплюнул. — Что видно?

Он встал рядом со мной и подпер бока жилистыми руками. Поигрывая желваками, осмотрел канал. В его животе при этом громко урчало. Правду говорят: голод — не тетка.

— Лучше бы здесь оказались черти, — сказал он и взмахнул рукой, — мы бы их святой водой — раз-два и к едрене тетке. А против машин с чем прикажешь идти? С матерными словами?

— Да, пушку бы сюда, — рассеянно ответил я. Мое внимание в тот момент привлекло пятно горчичного цвета. Я заметил его на земле, у ног Гаврилы. Похоже, это был первый образчик местной биологии, который встретился на моем пути. — Хотя бы семидесятипятимиллиметровку... — произнес я рассеянно. — Сколько их там осталось на «Кречете»?

Гаврила пристально поглядел на меня. В его взгляде проскользнуло неожиданное уважение. — Дело говоришь, господин доктор, — проворчал он. — Подкинуть бы эту идею отцам-командирам. А то они, кажись, лопатами воевать собираются.

Я опустил на колено. Ковырнул ногтем пят но: это был без сомнения живой организм, какой-то лишайник. Только он оказался настолько сухим, что, думаю, не вызвал бы слюновыделения даже у северного оленя.

— Есть можно? — быстро спросил Гаврила. Я покачал головой. Боцман с досадой пнул песок ногой. У меня самого нутро сводило от голода, но необычность и опасность ситуации, в которую мы угодили, пока не позволяла мне думать о нуждах брэнной плоти.

Мы повернулись к каналу спинами. Переглянулись, поплевали под ноги, похмыкали, обозревая открывшийся вид.

На западе лежала тоскливая пустошь. Каменистый пейзаж, написанный чужепланетным Творцом в вызывающих красных тонах, был однороден до самого горизонта. Здесь я не увидел обычных для земных пустынь песчаных барханов. Я, сколько ни утруждал глаза, не мог найти ни малейшего намека на присутствие каких-либо растений или животных (на Земле, вопреки обывательскому мнению, в пустынях живут тысячи видов млекопитающих, рептилий, птиц, насекомых). Одним словом, чужая планета. Негостеприимная и скверная, словно старуха-процентщица.

— Что думаешь, Павел Тимофеевич? — спросил Гаврила. — Что делать будем?

Я с удивлением поглядел на здоровяка-боцмана. Чувствовалось, что оба вопроса имеют «двойное дно».

— Спросил у больного про здоровье! — ответил поговоркой. — Меня не обучали ни тактике, ни стратегии.

Гаврила деловито тряхнул кудлатой головой, с шумом поскреб заросшую черной щетиной шею.

— Беда в том, — проговорил он с расстановкой, — что Федор Арсеньевич слишком часто ходит в штаны... а Северский лих без меры. Я боюсь, как бы последний не погубил ребят новой сумасбродной выходкой. Ты сам видел и, наверно, понимаешь.

Боцман многозначительно замолчал. Он без слов мог понять, что творится у человека на душе. А как, позвольте спросить, без этого умения контролировать настроение многочисленной матросской братии? Ведь не одними пудовыми кулаками!

Темно-карие глаза «с огоньком» пристально следили за изменениями, происходящими на моем лице.

— Пока мы были в воздухе, я успел немного поразмыслить, — пояснил Гаврила, — не пора ли тебе, господин доктор, разделить командование отрядом вместе с нашими, прости Господи, офицерами? Человек ты толковый: грамотный и вдумчивый. Ребята тебя уважают.

Несколько резало ухо, что унтер мне «тыкает», словно пьяный адмирал в приступе панибратства. Ну да ладно... Мы сейчас не стоим на палубе «Кречета», не пьем традиционный чай и не любимся дельфинами, что мчат с броненосцем наперегонки...

Предложение Гаврилы меня застало врасплох. Сия перспектива как-то в голову не приходила. И не могла прийти сама собой: в глубине души я испытывал легкость оттого, что ответственность за наши действия и наши жизни лежит на плечах двух боевых офицеров — Стриженова и Северского. Все, что мне оставалось, — следить за тем, как они стараются справиться с ситуацией и приходить на помощь, если это потребуется. Вот и все!

Бедственное положение отряда нельзя было ставить в вину офицерам. Мы вместе покинули каменное чрево пещеры. Подобно младенцам — слепым, глухим и испуганным, выбрались в чужой мир. Да, мир встретил нас холодом, болью и презрением. Да, пока мы ничего не можем противопоставить его враждебности. Но младенец когда-нибудь да поднимется на ноги. Младенец окрепнет, станет отроком, затем юношей, и придет момент, когда он сможет дать сдачи. И вот тогда придет время оценивать компетентность господ офицеров. А сейчас... да какой из меня может быть командир? Я и сам — чего греха таить? — едва не намочил портки, когда в первый раз увидел «хозяев».

Как мог, объяснил свои соображения Гавриле. Тот внимательно выслушал, покивал, поплевал под ноги, почесал подмышки.

— Ты думай пока, — посоветовал он. — Только не долго. Негоже ждать, когда рак на горе свистнет... Гляди: звезда падает!

— Где? — Я задрал голову и едва успел уловить в розовых небесах стремительный всполох. До наших ушей докатился отзвук далекого взрыва. Дрогнул насыпной холм, зашуршали камешки, скатываясь в глубь канала.

— Вот так звезда! — сказал я и присвистнул. — Крупная! А ты не боишься, что внутри отряда произойдет раскол? — вернулся к прежней теме разговора. — Если я вздумаю отдавать приказы, Северский взбеленится: Георгий — мужик хороший, но...

— Да все мы здесь — мужики хоть куда, — прервал меня Гаврила. — С Северского спесь слезет, это как пить дать. Ничего он не сможет сделать, едва поймет, что большинство из нас — за тебя.

— А что, большинство — за меня? — Я почувствовал, что в моей душе происходят изменения. QS Как будто метафорический инженер переключил внутреннюю машину на «полный вперед».

— Они будут за тебя, — пообещал Гаврила таким тоном, что я заранее пожалел несогласных.

— Гаврила, я приму решение в ближайшее время.

Боцман молча протянул мне руку. Я долгую секунду смотрел на широченную, мозолистую ладонь, затем спохватился и протянул свою руку навстречу.

— Пока ничего не обещаю, — сказал я.

Рукопожатие вышло крепким, даже чересчур: я силой обижен не был, а Гаврила — подавно. Мои кости затрещали, и я подумал: мол, вот — дают попробовать малую толику того веса, который предстоит взвалить на плечи.

На нас налетел ураганный порыв, потащил, повлек к опасному краю. Мы, как один, закрыли лица руками и затанцевали на месте, пытаюсь устоять на ногах. Завывание ветра заглушил свист воздуха, рассекаемого железными крыльями.

— О, дьявол! Это кого еще принесло? — пробурчал Гаврила, провожая взглядом две летающие машины: они неслись на малой высоте над каналом. На наших глазах один из летунов неожиданно изменил курс, пошел на широкий разворот и слился с горизонтом на востоке. А затем вернулся к нам.

— Слушай, кажется, сюда летит... — заметил, хмуря брови, Гаврила.

— Ложись! — крикнул я и бросился на землю.

Мы вжались лицами в грунт, и через три секунды над нашими распластанными телами про неслось выпуклое металлическое брюхо. На какое-то время мы оглохли от надсадного воя двигателей, а песок, взвихренный воздушным потоком, скрыл и небо, и землю.

6

Летун приземлился туда же, куда и предыдущий — на утрамбованную площадку между земляными отвалами. Морячков разбросало по красным холмам — каждый постарался, чтобы расстояние между ним и завывающей машиной «хозяев» стало как можно большим. Даже механическому цилиндру, до последнего момента пребывавшему в забвении в центре площадки, пришлось выпустить щупальца и перебежать на ближайший склон. Там он раскрылся, превратившись в подобие металлического цветка астры, и зачастил на одной интонации: «Покориться! Покориться!..»

Тогда мы поняли, что новый летун привез кого-то из наших.

Выгрузка происходила при работающих двигателях. Среди клубов рыжей пыли замелькали человеческие силуэты. Мы до рези в глазах всматривались в беспокойную завесу, надеясь увидеть за ней белые фланелевые рубахи матросов и черные тужурки офицеров. Но проклятая круговерть старательно скрывала от нас прибывших.

Наконец летун взмыл в небо. На миг его корпус заслонил солнечный диск, ревня заревели двигатели... и этот звук, напоминающий вопль африканского слона, еще долго гулял эхом между склонов рукотворных холмов.

Пыль улеглась. Цилиндр заткнулся.

Теперь мы могли рассмотреть, кто пожаловал к нам на летающей машине.

Отряд состоял из двух дюжин незнакомцев. Все до одного — грязные, бородатые мужчины, все — в лохмотьях. Они словно сошли со страниц учебника по древнейшей истории: троглодиты — ни дать ни взять. Мы безмолвно изучали их, а они — нас.

Глядя на эту братию, я сразу подумал о работоторговцах... ну, о которых рассказала нам Галина. Если летающая машина «хозяев» привезла действительно сих злыдней, то ухо нужно держать востро.

Но среди прибывших оказались не только люди. Над «троглодитами» возвышались двое «червелицых» в доспехах. Богомерзкие твари были вооружены: в лапах они держали короткие алебарды с широкими пилообразными лезвиями.

Под ногами у разношерстной компании лежало несколько ящиков; позади них виднелись какие-то баулы и объемистые свертки. Никак со скарбом прибыли. И надолго.

— Здорово, православные! — выкрикнули из толпы «пещерных людей».

— Здорово, коли не шутите! — отозвался Северский.

«Червелицы» в это время взвалили себе на плечи по ящичку и отошли в сторону. Казалось, до людей им нет никакого дела.

От толпы «троглодитов» отделился классический «дикий вожак» — громила вроде нашего боцмана, только пошире в кости. Косматый, словно медведь, и, словно медведь, косолапый, одноглазый, с рябой рожей, исполосованной шрамами.

— Спускайтесь, други, мы не кусаемся! — Он окинул взглядом отвалы земли. — Работы здесь, гляжу, — конь не валялся! — Вожак подцепил ногой присыпанную песком

лопату. (Моряки побросали их на площадке, когда смекнули, что летун собирается приземляться.) — Спускайтесь же! Вас в два раза больше!

Со всех сторон слышался шорох скользящих по склонам ног. На какое-то время опять стало пыльно.

— Подходите! Не обращайте внимания на этих! — Вожак махнул рукой в сторону «червелицых»: те молча возились со своими ящиками. Что-то вынимали из них, разворачивали на земле циновки... — Я, погляжу, вы — моряки. Да еще и военные. — Он придирчиво оглядел приближающихся людей. — Давайте знакомиться, что ли. Я — Карп Дудкин...

— Лейтенант Северский Георгий Иванович, — представился наш brave офицер. — Откуда будете, уважаемые? — С Дальнего Востока, — ответил Карп Дудкин, внимательно рассматривая Северского единственным глазом. — Ты, что ли, здесь за старшего?

Северский поморщился. Кто-кто, а он точно не станет терпеть панибратства. Мне не удалось услышать ответ офицера — слова утонули в поднявшемся шуме и гаме.

— Есть оружие? Или жратва? — спрашивали моряков незнакомые голоса. — Нет. А у вас?

— А бабы есть?

— Тоже нет.

— Зато поп есть! — Кто-то загоготал. — Теперь заживем, как на Руси! Помолясь, оно и работаете легче, и живется проще!

Отец Савватий сурово прочистил горло, но ничего не сказал в ответ.

— Считай, что главный — я, — заявил Северский, приблизившись к Карпу.

Вожак «троглодитов» кивнул: — Хорошо. Вот что я хочу сказать, Георгий Иванович. Нужно сейчас же поставить твоих людей на работы...

Я перебил этого самоуверенного первобытного вождя, прежде чем Северский разразился бы гневной тирадой.

— Карп, как давно вы здесь?

Дудкин повернулся ко мне. Его правый глаз давно вытек и засох. Теперь вместо ока чернел провал, окантованный воспаленным веком. — Месяца три, — ответил Карп. — Что ли, по нам не видно? Я пристально поглядел этому человеку в лицо. Нет сомнений — цинга, значительная потеря массы... Да, месяца два-три на голодной диете он просидел — как пить дать. Но судового доктора суровым голосом не примешь. Я продолжил расспрос:

— Как вы сюда попали?

— Так же как и вы. — Вы моряки? С какого корабля?

— Мы не моряки, — ответил Карп. — Мы — рабочие, строители. Плыли на заработки в Порт-Артур. На пароходе «Енисей». — Он повернулся к Северскому: — Теряем время, барин. Если к утру наши люди не выполнят хотя бы часть работы, то завтра погибнет каждый третий.

— Что ты имеешь в виду? — поджал губы Северский.

Карп сплюнул. Нехотя пояснил:

— Мы тоже в первый день надумали заупрямиться... Прилетели они, построили нас... Потом каждого третьего — пилой по горлу, словно скотину. Освежевали, тут же сварили, а остальных заставили... жрать, в общем, это мясо. Чтоб у нас, значит, силы взялись... Погнали потом на работы... псами своими погаными затравили. Не знаю, как вам, но ни моим людям, ни мне испытывать на своей шкуре то же самое еще раз неохота.

Мы с Северским переглянулись. Артиллерист принял решение. — Гаврила! Пусть матросы разберут лопаты и... Ч-черт! Чего делать нужно? — спросил он, повернувшись к Карпу.

Тот указал пальцем на отвалы земли. — Вот это все нужно свалить в канал.

Северский выругался: он ничего не понимал. — Какой канал? На кой черт?

— Каналы... — Карп пожал плечами. — Их тут много. От нас требуется, чтоб мы их засыпали. Причем — быстро, если не хотим беды. Зачем — не спрашивай, не знаю.

Послышался голос Гаврилы:

— Ваше благородие, лопат на всех не хватит.

Мы с Северским вопросительно поглядели на Карпа.

— Вы уж привыкайте, — развел тот руками, — здесь всегда чего-то не хватает. Еды, дров, рабочего инструмента, рук, машин. Даже конвойных, — он указал на «червелицых», — тоже может не хватать. Но свободные люди без дела не останутся. Кому-то надо будет добыть топливо и еду.

Услышав о еде, я непроизвольно сглотнул. Значит, среди этих бесплодных пустошей возможно найти пропитание! Значит, нам не придется поедать друг друга, подобно диким зверям! Клянусь Богом, это была первая хорошая новость за сегодня.

— Здесь до нас работали, — продолжил Карп. — Не видите, что ли? Площадка утоптана, вон — тропинка. Только куда они делись? Не к добру это все... — Он позвал своих людей. — Макар! Олежка!

Возле Дудкина сейчас же возникли двое оборванцев. — Вверх по тропинке, — приказал он, — и возьмите с собой кого-нибудь из новеньких. Кого — выбирайте сами. Пусть обвыкаются, что ли.

— Эй-эй! Милейший! — Северский схватил Карпа за то, что осталось от его рукава. — Знай свое место и не смей командовать моими людьми! — прошипел он.

Карп отбросил руку Северского щелчком пальцев: точно от клопа избавился.

— Барин, умеешь командовать — командуй, — сказал он равнодушно. — Но на наши харчи рта не разевай. У меня слишком мало людей, чтобы они кормили голодную матросскую ораву. Сами ищите топливо, воду и пропитание. Своих запасов с вами делить не станем. А вздумаете отнять, мигом перца в жопы натолкаем. И не глядите, что нас меньше! — прибавил он, насупив клочковатые брови.

— Георгий! Карп! — Мне пришлось встрять между двух огней. — Прекратите собачиться! Эти люди, — обратился я к Северскому, — думается мне, знают, по каким правилам здесь идет игра. Было бы разумным прислушаться к их советам!

— Советовать — пусть советуют! Но нечего нос задирать, — проговорил, сверкая глазами, Северский. — В другое время живо бы они у меня линьков отведали! Советчики голодраные!

— Эх, твое благородие! — Карп презрительно сплюнул. — Не били тебя еще железными палками. Не резали на глазах товарищей твоих! — «Троглодит» неожиданно обратился ко мне: — Нам ведь никто ничего не рассказывал и не показывал. Нас школили, как псов охотничьих. Сделал неверно: избили, затравили «ползунами» или просто-напросто глотку разорвали. Это вам, новеньким, — блажь. Вашу команду соединяют с бывалой. И мы уже рассказываем и показываем, как и что делать требуется. С нами было все по-другому.

— А может, ты с этими гадами вась-вась? — разбушевался Северский. — Чего это ты гонишь нас землю кидать? Вот этих двух, — он ткнул пальцем в «червелицых», флегматично копающихся в своих ящиках, — мы могли бы порвать на клочки голыми руками. И жестянку, — артиллерист указал на цилиндр, который все еще стоял в раскрытом состоянии, — утопили бы в канале!

— Пожалей хоть моряков, если себя не жал ко! — ответил Карп, повышая голос. Замотал головой, вылавливая взглядом своих людей. — Макар! Уже выбрал, кто идет с вами? Где Олежка?

— Карп! Стой, Карп! — Я взял готового уйти вожак за плечо и развернул лицом к себе. — Тебе известно, где мы очутились? К кому мы попали в руки? Что это за твари, которым под силу похищать огромные корабли?

— Я почти ничего не знаю, — отмахнулся Карп. — Мне кажется, их очень мало. Мне кажется, они не успевают следить за всем, что происходит на их землях. Поэтому они всегда жестоко расправляются с непокорными. Они знают несколько слов по-русски, но никогда не учили нас своему языку и даже не пробовали говорить с нами так, как мы говорим друг с другом. Им плевать, хотим ли мы есть или пить. Им плевать, суббота или воскресенье. Им

плевать, живы мы или мертвы. Если мы падём, как загнанные лошади, то они призовут новых людей. От нас им нужно только одно — чтобы мы засыпали эти окайненные каналы! Пока работаем — мы живём!

Мы с Северским оторопело глядели на чумазого здоровяка, а тот распалялся все больше и больше:

— Они разные на морды, но шайка — одна. Вот эти, — он харкнул в сторону «червелицых», — ещё ничего. Они просто присматривают, чтобы мы не разбежались. Да если и разбежимся, — невелика удача. В пустыне есть нечего. Еду можно найти только возле открытых каналов. Лохмачи — они страшнее. Бойтесь их! Они могут убить просто так. Или, ещё хуже, — покалечить человека ради интереса. А ползуны... их все за животных принимают. Но на самом деле они не животные. Они разговаривают друг с другом!

7

Макар оказался коренастым рыжеволосым мужиком. Толстогубый и плосконосый, он сильно картавил и вообще изъяснялся крайне неразборчиво. Ходил Макар, как гусак — переваливаясь с боку на бок и оставляя за собой шлейф из малоприятных запахов. Олежка же был притким парёнком с длинным-предлинным носом, украшенным выпуклой родинкой. Он постоянно почесывал низ живота и почему-то обращался ко мне «дядя Павел», хотя сам был младше «дяди Павла» не больше чем на десять лет. Я не знаю, почему Карп назначил следопытами именно эту парочку. На мой взгляд, они довольно долго и бестолково водили нас узкими дорожками между отвалами земли.

Двигались мы на север, невидимый за основным валом канал всегда оставался от нас по правую руку. По крайней мере, мне так казалось. Бесконечное рысканье по одинаковым пыльным тропинкам, что петляли между похожими друг на друга, словно близнецы, бурными кручами, заставляло меня по-иному посмотреть на смысл поговорки: «Заблудиться в трех соснах».

Пойти вместе с людьми Карпа я вызвался сам. Компанию мне составил гальванер Лаптев. Очень хотелось изучить окрестности (получение новых сведений о мире и их систематизация отвлекали от печальных мыслей), кроме того, любопытно было узнать, каким образом добывают пищу среди этих холмов.

В конце концов мы с Лаптевым начали тревожиться: не вышлют ли «хозяева» за нами погоню?

— Не, дядя Павел, — ответил на мой вопрос Олежка. — Погляди!

Я сощурил глаза и посмотрел в указанную сторону. На гребне вала в тени, падающей от крупного обломка скалы, просматривались уже знакомые округлые очертания цилиндра.

— Их обычно много над каналом, — пояснил парень, — мы всегда у них под приглядом.

— А если мы прямо сейчас свернем в пустыню? — спросил я. — Что тогда случится?

Олежка пожал плечами:

— А может, и ничего, дядя Павел. По-разному бывало...

Беда в том, что для этих людей, как и для нас, многое оставалось тайной за семью печатями. Они ухитрились прожить среди песчаных пустошей не один месяц, тем не менее ответы на главные вопросы так и не нашли. От Макара и Олежки я узнал, что на севере наряду с рабами (как это ни прискорбно, но все люди здесь — рабы) используются машины. Но техники недостает, причем недостает катастрофически, поэтому работы в основном ведутся вручную.

Куда же так сильно торопятся наши чудовищные «хозяева»? В их спешке чувствовалось какое-то глухое отчаяние. Людей такая горячка ни к чему хорошему не приводит. Выходит, что и «хозяева» сейчас дают маху...

Спрашивается: не проще было бы последовательно использовать машины, чем вести работы одновременно во всех направлениях при помощи полчищ голодных рабов, от

которых толку — как с козла молока?

Да и зачем нужно рушить грандиозную ирригационную систему, созданную когда-то ценой таких же, надо думать, невероятных усилий?

Испытал я и некоторое потрясение, когда узнал, что рабы здесь — не только люди. И даже в основном — не люди. По словам Олежки, нам только предстоит увидеть удивительный зверинец: сотни разнообразных, причудливых жизненных форм, у которых есть лишь одна общая черта — все они дышат воздухом.

Черт возьми! Сколько еще предстоит вместиť в себя нашим несчастным головам! Старший офицер «Кречета» — Федор Стриженов — находился на грани потери рассудка. Его постоянно трясло, движения утратили точность, а речь — осмысленность. Я распорядился сделать ему лежанку. Матросы поместили ее среди прогретых солнцем валунов, в закутке, куда не проникало дыхание ледяного ветра. Помощника капитана уложили спать; моему решению он не воспротивился. Но я бы чувствовал себя покойнее, если бы перед уходом накормил Стриженова «лошадиной» дозой снотворного.

Скольким из нас придется разделить эту неприглядную участь?

...Но вот следопыты отыскиали то, ради чего мы ушли из лагеря в такую даль. В земляном валу, прилегающем к каналу, была брешь: пыльная, узкая расщелина, грозящая скорым обвалом.

— Тудой! Тудой! — выпалил Макар и первым рванулся в опасный проход.

За товарищем последовал Олежка. Нам с Лаптевым ничего не осталось, кроме как поспешить вдогонку.

Преодолев расщелину, в которой безраздельно правил слепящий пылью сквозняк, мы очутились перед пологим спуском в канал. Из песчаного склона выступали скальные языки, которые оказались вполне удобными ступенями естественного происхождения. Я присмотрелся к породе и сделал для себя очередное открытие: это был известняк! На сколе «ступени» можно было рассмотреть даже оттиски древних моллюсков с раковинами в форме равнобедренного треугольника.

Удивительный, полный загадок мир! В другой ситуации я бы отдал все, чтобы побывать здесь в качестве исследователя-первопроходца. Этот мир сделал бы меня более известным, чем Австралия — Джеймса Кука или Африка — Джонатана Ливингстона!

В древности эти пустоши были дном океана — кто бы мог в такое поверить? И ветер когда-то резвился не над долинами ржавых песков, а над богатыми жизнью водами...

Мы с превеликой осторожностью начали спуск.

— Со-ёса и будешь куковать, пока не умггёшь! — предупредил Макар загодя.

Над нами росла стена вала. Восточный берег, напротив, опал и превратился в сиреневую полосу, которая едва-едва поднималась над линией горизонта. В лоне этого грандиозного сооружения я чувствовал себя мурашом, рискнувшим спуститься в сточную канаву.

В середине пути мы ощутили, что ветер уже не в силах развеять поднимающийся с обмелевшего дна тяжелый запах ила и стоячей воды. В какой-то момент я испытал сомнения: что съестного можно добыть в эдакой помойке? Однако даже отвращение не могло свести на нет голодные спазмы, терзающие мой эпигастрий. Я упрямо продолжал спуск.

Дно канала покрывала бурая жижа. Кое-где поверх нее сверкали яркие заплатки не успевших высохнуть луж. Жижа пузырилась, время от времени на поверхность вырывались газы, производя при этом звук, который в светском обществе сочли бы неприличным.

Я заметил, что над лужами дрожит воздух. Присмотревшись, понял, что это кружат над водой тысячи мельчайших насекомых. Неужели все живое на планете привязано к каналам? К сооружениям, которые мы вынуждены разрушать, исполняя волю неведомых «хозяев»?

Над моим ухом с обыденным жужжанием пронеслось крупное насекомое. Я успел заметить, как сверкают на солнце радужные крылья, которых было не две и даже не три пары. Пока я провожал эту многокрылую стрекозу восторженным взглядом, Макар и Олежка подступили к самой жиже.

— Дядя Павел! — обратился ко мне паренек, засучивая рукава. — Что вы больше всего любите покушать?

— Отбивную из куриного филе с грибами, — машинально ответил я (мои мысли были еще заняты насекомыми загадочной планеты), — уху из осетрины...

Гальванер Лаптев шумно сглотнул.

— Сейчас будет вам осетрина! — пообещал Олежка и сунул обе руки по локти в жижу.

Макар достал из кармана обрывок рыбацкой сети с мелкими ячейками, разложил ее на нижней известняковой ступени. Затем, перекрестившись, погрузил обе руки в грязь.

Мы с Лаптевым встали у них за спинами. Нам было без меры любопытно: чем все закончится? В грязи копошились толстые серые черви, похожие на знак параграфа. Неужели они и есть — наша будущая трапеза? «Не страшны черви, которых мы едим, страшны те, которые едят нас», — говаривала мне бабушка всякий раз, когда я раскусывал яблоко и находил в нем досадную червоточину.

— Вот тебе осетринка! — объявил Олежка. Грязь выпустила его правую руку, издав при этом страстное «чвак!».

Я с опаской поглядел на улов. Парень, улыбаясь, показывал мне облепленный жирным илом шар. Заметив мое недоумение, он засуетился:

— Ща, дядя Павел! Ща он станет красивым!

Олежка быстро вытер шар рукавом своей и без того не сильно-то чистой фуфайки. Повертел в ладонях, подышал, словно на стекло. Теперь я видел, что у него в руках — кокон, облаченный в упругую мембрану. Сквозь мембрану просвечивались синие сосуды.

Парень вынул из-за пояса заточку и сделал аккуратный надрез на круглом боку кокона. Брызнули прозрачные капли. Олежка запрокинул голову и без тени брезгливости выдавил жидкость себе в рот.

— Чистая вода! — Он крикнул и с шумом вытер губы тыльной стороной ладони. — Как из колодца в деревне.

Далее он содрал с обмякшего кокона мембрану. Моему взгляду открылось хрупкое существо, одновременно походящее на рыбу и на земноводное. Плоская лягушачья голова с двумя парами закрытых бельмами глаз, простейшие наружные жабры, пара перепончатых лап, чешуйчатая спинка, хвост, закрученный спиралью, словно у козерога.

— А вот эту зверюгу уже можно есть... — пояснил Олежка. — Только на углях надобно потомить подольше, не то отравиться немудрено.

— На жабу похоже, — вынес вердикт Лаптев.

— Французы едят лягушек, — сказал я, трогая создание пальцем. Оно было покрыто слизью и казалось таким холодным, точно его вынули из рефрижератора.

— А я что — возражаю? — Лаптев пожал плечами. — Чем мы хуже французов?

— Когда канал мелеет, — продолжил Олежка, — они зарываются в ил и выращивают вокруг себя мешочек. Мешочек наполняется чистой водой. Так они лежат и ждут, покуда русло не наполнится...

— Никогда! — сказал я, ощущая, как во мне закипает негодование. «Хозяева» рано или поздно погубят жизнь на планете. Уничтожат и без того скудную флору и фауну! Не дождутся влаги похороненные под толстым слоем песка лягушки-козероги, исчезнут многокрылые стрекозы, а с ними — черви-параграфы и еще бог знает сколько живых тварей. Возможно ли представить более дерзкое и более страшное преступление? И печальнее всего, что орудием этого преступления станут наши руки.

Олежка бросил полу-жабу в ближайшую лужу.

— Зачем? — удивился Лаптев. — Эх, ты...

— Оно скоро очухается, — ответил парень. — А когда очухается, сразу начнет кусаться. Нужно набрать мешочков, сколько сможем. Откупоривать их будем у костра, чтоб так: вынули и тотчас на угли.

Послышался шелест стекающих по склону камней, защекотала ноздри пыль. Мы обернулись и увидели, что на гребне вала танцует, пытаясь удержаться и не упасть в канал,

цилиндр — механизм «хозяев». Частили гибкие щупальца, взметалась фонтанами земля. Казалось, еще миг — и наш соглядатай сорвется вниз.

— Любопытство кошку погубило, — изрек Лаптев.

Каким-то чудом цилиндру удалось выровняться. Но только на секунду. Теперь его тащило к противоположному склону. Взлетели вверх щупальца, раздался металлический скрежет... Цилиндр исчез с гребня вала.

— Ну и чёггт с ним! — бросил Макар, не вынимая рук из жижи.

Олежка стянул с ног валенки, закатал до бедер штанины.

— Дядя Павел! Кирилл Степаныч! — обратился он к нам с Лаптевым. — Ну, вы поняли, что нужно делать?

У меня похолодело внутри, но я сдержался и не сказал ни слова. Снял с себя китель, нехотя засучил рукава рубахи.

— А может, мы того... просто посмотрим? — попросил гальванер.

— Насмотрггисься, када все вечерять станут, — пригрозил ему Макар.

Лаптев в сердцах плюнул, выругался на чем свет стоит. Подтянул рукава, показав узловатые, сплошь покрытые татуировками запястья. Олежка же с завидным бесстрашием шагнул в жижу. Пошел вперед, словно цапля по болоту, задирая колени к самому подбородку.

Я присел рядом с Макаром, сунул руки в бурую грязь. Холодная шевелящаяся жижа облепила кожу. Я почувствовал, как в ладони слепо тычутся толстые, словно датские сосиски, черви-параграфы. К счастью, им я показался не более аппетитным, чем они мне.

Через пару минут я уже мог похвастаться уловом.

8

Мы закончили добычу коконов на закате. Измазанные липкой грязью с ног до головы, озябшие до синих губ, мы присели на нагретую за день солнцем известняковую ступень, закурили папиросы Лаптева. На расстеленной Макаром сети возвышалась солидная куча кожистых мешочков.

— Сорок один, — сообщил, закончив пересчет, Лаптев.

— Маловато, — отозвался я. Сколько мяса выйдет с одной тщедушной тушки? Очевидно, многим из нас придется спать на пустое брюхо.

— Ногггмально, — сказал, выдыхая дым, Макар.

— Ага, — согласился с ним Олежка, — там — ближе к середине русла — их побольше будет. Тока я один туда не полезу...

Докурили в молчании. Макар и Олежка затягивались не торопясь, вдумчиво, при этом они жмурились, словно объевшиеся сметаной коты. Я же понял, что самые дрянные папиросы здесь — драгоценность, что скоро и мне, и моим друзьям по несчастью придется бросить эту привычку... так как курить будет попросту нечего.

От жажды губы мои потрескались, а глотка онемела. Табачный дым скользил в легкие и вырывался обратно, словно по старинному, закопченному дымоходу. Проколоть какой-нибудь кокон, как в два голоса советовали сделать Макар и Олежка, и выпить наполняющую его воду я отказался.

— Пошли, что ли... — предложил Лаптев. Окурок — столь крохотный, что гальванеру приходилось сжимать его ногтями, — погас.

Пошли. Только прежде завязали сеть в узел. Получился довольно объемистый и тяжелый сверток, и его пришлось нести вдвоем.

Оказавшись по другую сторону вала, мы стали свидетелями еще одной чудной сцены.

Очевидно, это был тот цилиндр, который мы видели на земляном гребне. Удержавшись от падения в канал, он все-таки рухнул по другую сторону вала. От удара об камни его корпус лопнул, обнажилась механическая внутренность устройства. Теперь цилиндр лежал на боку среди валунов, а тонкие и подвижные, словно вылитые из ртути, щупальца

бессмысленно перебирали в воздухе. Периодически в глубине механической утробы рождался резонирующий звук, поразительно похожий на человеческий стон.

Возле поврежденной машины «хозяев» стоял второй цилиндр. Его щупальца копошились внутри металлического сородича. Скорости, с которой эти псевдоконечности совершали манипуляции, позавидовал бы любой хирург — говорю без обиняков.

...В лагере нас встретили неоднозначно. Люди Карпа принялись похлопывать себя по животам и потирать руки от предвкушения. Моряки с «Кречета»... гм... мои люди недоумевали: мол, где обещанная еда и на кой черт они весь день вкалывали, если кормить их, похоже, никто не собирается?

Наш лагерь стал походить на походный бивуак. «Дикари» привезли с собой рулон парусины, из нее они соорудили некое подобие большой палатки. Поскольку под тентом все желающие, так или иначе, поместиться не смогли бы, рядом вырыли узкую, похожую на братскую могилу землянку. Накрыли ее сверху чем ни попадя: какими-то ящиками, кусками брезента (я уже смекнул, что в нашей ситуации любой хлам с Земли — на вес золота), присыпали песком.

— Паскудное местечко. Паскудней захочешь сыскать — и не найдешь, — поделился со мной впечатлениями одноглазый Карп, угощая водой из фляги. Я с жадностью припал к потертому горлышку. Вода показалась мне малость несвежей, но пить ее было куда приемлемей, чем выдаивать в рот тонкую струйку из проколотого кокона (позднее я убедился, что и здесь ошибался, как последний осел).

— Ни деревьев тебе, ни кустов, — продолжил Карп. — Еле-еле насобирали сухих мхов и сору на один костер. Чем завтра будем греться — ума не приложу.

...А морячки-то потрудились на славу. В сумерках я поднялся на вал и увидел, что в тело канала раковой клешней врезалась свежая песчаная насыпь. И как им удалось проделать такую работу за один день?

— Кидать землю-то нетрудно, — рассказал мне Гаврила, — грунт легкий, как тополиный пух; лопаты словно из алюминия сделаны. Вот только одышка проклятая! Душит, точно астма. Ни вдохнуть, ни выдохнуть.

— Да, вы молодчаги, — сказал я. С нашей стороны в канал пока не спустишься... Но через день или скорее через два отпадет надобность ходить за коконами далеко.

— А как Северский? — поинтересовался я. — Весь день метал в «жестянку» камешки. — Гаврила мотнул головой в сторону цилиндра «хозяев».

— Артиллерист! — пошутил я. — Обошлось без потерь?

— Без потерь с той и с другой стороны, — подтвердил Гаврила.

— Давай я погляжу на твою сыпь... не зудит?

— Нет.

Сыпь на лице Гаврилы была почти незаметна. Это хорошо: значит, и у меня она скоро пройдет.

Какое-то время мы постояли на гребне вала, выкурили по папиросе. Нам хотелось увидеть, какие звезды зажгутся на ночном небе этого мира. Как назло, со стороны западной пустоши напоззли седые тучи. Сразу стало темно, хлопьями повалил мокрый снег.

Разочарованные и замерзшие, мы вернулись в палатку.

Под тентом уже горел костерок, и было там донельзя тесно. Люди жались к бездымному огоньку, тянули к потрескивающим углям грязные, натруженные руки. Длинноволосый старик по имени Иннокентий разложил перед собой все топливо, которое удалось собрать, — охряные пластины сухого мха и бесформенные комки заскорузлого мусора. Их он подбрасывал в огонь с великой экономностью. Мне даже показалось, что в действиях Иннокентия прослеживается какой-то ритуал. Перед тем как отправить в костер очередной кусок мха, старик, бормоча под нос, тщательно осматривал ломкую пластину со всех сторон, иногда не стесняясь и обнюхать.

Постепенно парусиновая палатка наполнялась теплом.

Отец Савватий в дальнем углу нашего углого убежища вел беседу с двумя

«троглодитами» Карпа. На моих глазах он благословил обоих лохмотников, а те по очереди смиренно припали губами к его руке. Ни дать ни взять — миссионер среди аборигенов Австралии.

Стриженов и Северский сидели бок о бок, помощник капитана что-то увлеченно рассказывал артиллеристу на ухо, теребя при этом пуговицу на рукаве собеседника. Лицо Северского было каменным: глаза сжались в узкие щелки, желваки на скулах нервно напряглись.

Олежка извлекал из коконов лягушек-козерогов. Воду он сливал в емкости, которые оказались под рукой. В том числе и во флягу Карпа. Я с трудом подавил приступ тошноты, когда понял, какую водицу мне довелось пить накануне.

Ну, чему быть, того не миновать...

Макар же потрошил бесчувственных земноводных и сразу насаживал их на обструганные деревянные колышки, точно на шампур. Внутренности, не глядя, бросал под ноги. Вскоре на углях зашипела наша нехитрая добыча. От жара кожа лягушек-козерогов сначала пошла пузырями, а затем полопалась и стала сползать с тушек неаппетитными лохмотьями. Палатка наполнилась вонью горелого жира. Матросы принялись материться: есть такую дрянь никому не хотелось.

— А вас и не понуждают! — огрызнулся Карп. — Утром лохмачи доставят парной человечинки: лопайте, хоть полопайтесь! Ха-ха!!

Моряки принялись «скрести по сусекам»: у одного в кармане сыскался сухарь, у второго — кусочек сахара, у третьего — пяток головок чеснока. На последнего недобро покосился Гаврила. Боцман знал: те, кто ворует водку из крюйт-камеры, всегда таскают с собой чеснок, дабы было чем зажевать перегар. Посмотрел-посмотрел на матроса, но смолчал.

Было яснее ясного, что этих крох никак не хватит для оголодавшей когорты. А вот «троглодиты» восприняли появление чеснока с диким восторгом! Все-таки какая-никакая, но приправа! И огородом пахнет!

У «дикарей», к слову, имелся собственный запас провизии. В угли были брошены несколько пригоршней фиолетовых и белых кругляшей. На мой вопрос относительно «гарнира» Олежка ответил, что «фиолетовое» — это пьяная ягода, а «белое» — грибы-тошнотики. Грибы парнишка посоветовал брать в рот лишь в том случае, если чувство голода окончательно возьмет верх над рассудком.

Всю снедь необходимо было длительное время томить на углях. Скорее всего, в ней содержались токсины, которые распадались при термической обработке (на следующее утро мне пришлось выяснить, что распадались они лишь отчасти). Поэтому лягушек-козерогов готовили так долго, что их маленькие тушки обуглились до потери первоначального вида.

Затем началась безумная вечеря. Мне, как одному из добытчиков, досталась целая тушка и пара пьяных ягод. Кому-то не досталось вообще ничего. То есть вышло так, как я и предполагал. Оставшихся без ужина попробовали утешить тем, что завтра они получают пайку в первую очередь. Недовольные утешаться не пожелали. Потасовка была готова вспыхнуть с секунды на секунду, но ситуация разрядилась, когда Северский и Гаврила отказались от своих порций в пользу обделенных.

Что можно сказать о лягушке-козероге в приготовленном виде? Когда мне удалось счистить обугленный слой, моим глазам открылся хлипкий скелетик. Обглаживать косточки оказалось пустым занятием (люди Карпа, к слову, ели запеченных земноводных вместе с костями, оглашая палатку плотоядным хрустом), немного белого мяса нашлось в голове, немного больше — в лапах и еще чуть больше — в свернутом спиралью хвосте. На вкус это мясо отдавало болотной тиной, и вообще складывалось впечатление, что я ем крупного, скверно приготовленного рака.

Матросы пробовали новое блюдо с настороженностью. Такие же скорбные мины мне доводилось видеть разве что в девятибалльный шторм, когда на столе дымился котел — с пылу с жару, — а есть ни у кого не было мочи. Моряки, привыкшие к свежим щам со

сметаной, к кашам со сливочным маслом и к дневным чаепитиям, теперь ругались, сплевывали, морщились... Но все равно грызли обугленные тушки. Их обрастающие щетиной лица были перепачканы сажей и жирным соком.

Жуйте, голубчики, жуйте... Нужно ведь каким-то образом восполнять силы. Наши «хозяева» заботятся о том, чтобы полчища рабов не потеряли дееспособности. Утром они доставят сюда завтрак, приготовленный из слабых или больных невольников. Если «хозяева» узрят, что рабы роняют лопаты от недоедания, то несчастные будут накормлены насильно.

Я отдал пьяные ягоды Гавриле. Тот молча сунул в рот два почерневших шарика, разжевал, скривился, как среда на пятницу, затем откинулся на спину... и провел в такой позе всю ночь, не размыкая глаз и не реагируя на мои попытки привести его в чувство.

Кто-то выбрался из палатки, в которой давно стало не продохнуть, на воздух. Вспыхнули в темноте огоньки папирос. Я оставил пускающего слюни боцмана в покое и поспешил на поиски курева.

Снаружи было холодно и сыро. Снег прекратился, а то, что успело насыпать, растаяло. Звезды по-прежнему прятались за тучами; завывал ветер, штурмующий земляные насыпи со стороны западной пустоши.

Люди курили, разглядывая своих конвоиров: «червелицы» даже не позаботились о том, чтобы соорудить себе укрытие. Они сидели на циновках друг напротив друга, и ледяной ветер, видимо, не причинял им ни капли неудобства. Между великанами стояла раскрытая коробка, похожая на стерилизатор. В коробке по ячейкам была разложена светящаяся малиновым светом желеобразная субстанция. «Червелицы» по очереди прикасались к холодным огонькам узловатыми, похожими на сухие ветви пальцами и затем втирали это вещество в лицевые отростки. Черт их знает, что это было: вечерняя трапеза или молитвенный намаз... В ответ на соприкосновение с малиновой субстанцией их головы начинали светиться изнутри, становясь как бы прозрачными и являя нам переплетение огненных вен и капилляров.

— Вот уроды... — шептались матросы между затылками. Похоже, панический страх перед неведомыми «хозяевами» сменился боязливым любопытством. По крайней мере — перед «червелицами». О «шубах» мы старались не вспоминать, словно они могут материализоваться из ночной тьмы, едва о них заговоришь вслух.

— А как они спать будут? Что, прямо на земле? — спросил незнакомый мне матрос.

— Да они вообще не спят, — ответил ему кто-то из людей Карпа.

— Никогда? — не поверил матрос.

— Никогда.

— Прямо как слоны! — В толпе попытались рассмеяться.

— А я сдуру считал слонов страшными, — сказал Тарас Шимченко, — а оно вот как может обернуться...

Вернувшись под тент, я увидел, что перед Стриженовым стоят во фронт восемь матросов. Помощник капитана, сверкая глазами, отдавал им распоряжения относительно ночной боевой вылазки.

— ...не жалея живота своего! Разведка завершена, диспозиция неприятеля — как на ладони! С молитвой на устах бейте врагов земли Русской! А как доберетесь до Одессы, оттуда езжайте перекладными до Петербурга. Упадете в ноги Его Императорскому Величеству и...

Я выпросил у Карпа еще две пьяные ягоды и скормил их Стриженову. Потерявшего способность двигаться офицера уложил рядом с Гаврилой. Там было хорошее, теплое место возле костра.

Собрался ночевать в землянке, но меня отговорили. Причем постарались и моряки, и «дикари». Я с благодарностью остался в палатке: как говорится — в тесноте, да не в обиде. В землянку удалился мрачный и голодный Северский, прихватив с собою десять матросов.

Не могу сказать, что в первую ночь на чужой планете я спал крепко. Да — не просыпался. Да — не ворочался с боку на бок. Но даже сквозь сон я не переставал ощущать

безысходность положения, в котором мы очутились. А съеденная на ужин лягушка-козерог мстила мне, причиняя острые рези в кишках.

9

Летун с проверкой опустился на площадку после того, как мы пропели последнюю строку «Отче наш». Под бледно-розовым небом прогремело традиционное:

— Покориться!

А мы и не думали сопротивляться. Собрались толпой перед палаткой. Из-за ближайшей насыпи, икая и шатаясь, подтянулись те, кто накануне соблазнился аппетитным запахом грибов-тошнотиков. Для остальных новый день тоже был не в радость. Мы чувствовали себя так, словно очнулись после суровой попойки.

Все-таки местная биология по отношению к человеку настроена исключительно враждебно. Сколько ни прокаливай на углях снедь, токсины сполна не нейтрализует.

Из летуна сошли две «шубы». При виде косматых фигур мы непроизвольно начали пятиться. Шаг за шагом, опустив взор, подальше от смердящих гадов. К ввергающим в дрожь флюидам чужепланетников привыкнуть было просто невозможно. Некоторые матросы даже не смогли устоять на ногах: встав на четвереньки, они поползли под тент, при этом стая и охая, словно их кто-то резал по живому.

Пока «червелицы» выгружали из летуна лохани с водой и страшным завтраком, «шубы» взошли на вал и оглядели результаты нашей работы. После они молча вернулись в летающую машину и убрались восвояси.

Вода в лохани оказалась такой же мерзкой на вкус, как и жидкость из коконов. Ничем не лучше и не хуже. Гаврила, сверкая красными и злыми глазами, дольше всех тянул жижу из жестяной посуды.

Люди Карпа, недолго думая, вырыли яму и вылили в нее бульон из человечины. Мне показалось, что к этой процедуре они привыкли: настолько быстро и без лишних слов они справились с неприятной задачей.

Ни у кого из нас и мысли не возникло, чтобы отведать чудовищного варева.

Ко мне подбежал Северский. По его физиономии я сразу догадался, что произошло нечто чрезвычайное. Сердце екнуло: неужели Стриженову стало совсем худо?

— Суки! — Северский заскрежетал зубами. — Суки, передущу голыми руками!..

— Что с вами стряслось, Георгий? — спросил я, теряясь в догадках.

— Украл! Портсигар утащили! Портсигар-то что — тьфу! — Он харкнул мне под ноги. — А вот папиросы!.. Где я достану здесь папиросы?!

Я не удержался и захохотал. Конечно, отдавая себе отчет в том, что поступаю некрасиво, но... Серебряный портсигар, подарок командующего Балтийским флотом, до той ночи был предметом особой гордости артиллериста. А теперь, видите ли, тьфу! Папирос ему жалко!

Северский, однако, шутить настроен не был. Он схватил меня за китель и встряхнул так, что я едва не откусил себе язык.

— А чего это ты зубы скалишь, господин Пилюля?! — взревел он. — Все тебе веселье?! Дружков завел среди холопов? Среди отродья голозадного? Забыл, кто здесь в офицерах?

Я стряхнул его руки. Он попытался схватить меня снова, но получил крепкий тычок в грудь.

— Уймись, Георгий! — потребовал я суровым голосом. — Не то и вам пропишу успокоительное...

— С чего это ты взял, что имеешь право кому-то что-то там прописывать?! — продолжал негодовать Северский. — Угрожать мне вздумал!!! Ума шибко много накопилось, да? Сильно разумный?!

Было смешно слышать это исконно русское ругательство («сильно разумный») из уст

блестящего строевого офицера. Но какой уж теперь смех... Я отмахнулся от надутого собственной важностью артиллериста и пошел за лопатой: выковыривать из жижи коконы мне больше не хотелось, уж лучше поработаю с остальными на валу. Северский что-то пробурчал мне вслед, а затем понесся муштровывать матросов.

На гребне вала я увидел рослую фигуру боцмана.

— Гаврила, — обратился к нему, страдая после подъема одышкой, — гляди в оба за ребятами.

Тот кивнул, принимая мою просьбу.

— У каждого второго из людей Карпа — заточка. Не дай бог, из-за какой-нибудь ерунды поножовщина случится! — предупредил я его.

— Сам знаю, не маленький... — ворчливо отозвался боцман.

Лопата была донельзя неудобной. Если бы не сила, которая на этой планете заставляла мышцы сокращаться с неустанностью поршней в паровом двигателе, то дело бы не сдвинулось с мертвой точки. За час работы я натер на ладонях мозоли. Еще через час мозоли лопнули. На душе стало так же пасмурно и пыльно, как и в здешних небесах.

...В этот день Северский обнаружил стоянку людей, работавших здесь до нас. Артиллерист с презрением отверг предложение Карпа потрудиться на валу. Когда речь зашла о том, кто полезет сегодня за коконами в грязь, Северский, прокляв всех и вся, удалился бродить среди отвалов земли в гордом одиночестве. Таким образом, он и сделал свое открытие.

Наши предшественники вырыли пещеру в одном из рукотворных холмов. В какой-то несчастливый день мягкий песчаник обрушился, похоронив их всех заживо. Бедняги погибли страшной смертью. Мы пытались раскопать завал, но все было тщетно: стены и свод постоянно осыпались, и закрепить их каким-либо образом оказалось решительно невозможно. В конце концов из-под завала удалось извлечь три окоченевших тела.

— Бабы!.. — вздохнули матросы, когда стало ясно, кого сцапала старуха с косой. Мы стояли понутив головы, у наших ног лежали три покойницы, и ветер перебирал грязные кружева их небогатых платьев. Длинные волосы закрывали искаженные агонией лица.

Вот, значит, что случилось с отрядом Галины. От судьбы не убежишь.

Лучше б ты, ясноглазая, вышла замуж за старого!..

После того как отец Савватий совершил обряд, мы похоронили женщин на границе пустоши. Цилиндр «хозяев» последовал за нами: очевидно, он решил, что его поднадзорные вознамерились всей гурьбой бежать в пустыню. Но «жестянка» ошиблась: мы вернулись в лагерь.

А вечером пришло время для жареных лягушек-козерогов и новых злоключений. Северский был настроен весьма решительно: не успели мы рассестись возле костра, как он потребовал внимания.

— Эта пустошь не может тянуться бесконечно, — заявил он, — нужно бежать, пока мы вкрай не обессилели от голода.

— Как ты... уж простите великодушно — вы... Как вы намерены это сделать? — осведомился одноглазый Карп.

Северский махнул рукой. Для него все было само собой разумеющимся.

— Убежден, что в наших силах одолеть двух полусонных увальней и одну «жестянку» на тонких ножках. Затем уйдем в пустыню. С собой захватим столько воды и провизии, сколько сможем унести. Или вы не русские? — спросил он, вперив колючий взгляд в Карпа. — Или вы, собаки, совсем обасурманились?!

— Ты, барин, тише ругайся грубыми словами! — проговорил Карп сквозь зубы. — Натурально думаешь, что пустыню можно пересечь, что ли?

— Я ведь все сказал, холоп ты бестолковый, — пески не могут тянуться бесконечно...

Перепалка набирала обороты. Я представил себе Северского, как он в роли Моисея ведет нас через нескончаемую пустыню. Тянутся безжизненные пески — верста за верстой, верста за верстой; ни травинки, ни живой души. И манна не сыплется нам с чужих небес..

— А если здесь нет ни рек, ни озер, ни морей? — Карп поглядел на Северского сверху вниз. — Ты, барин, можешь себе такое представить? Пустыня без конца и края! Весь мир — одна великая промозглая пустыня!

— Бежать нам нужно непременно, — встрял в разговор Гаврила. — Только сделать это требуется с умом. А что ты, доктор, думаешь? — толкнул он меня в бок.

— Что он может думать? — Северский скривил аристократическое лицо. — Без микстур и шприцев он беспомощен, как скопец на брачном ложе.

Я не скажу, что слова артиллериста «ранили в самое сердце», но мне очень не понравилось услышанное. Как он смеет оскорблять в присутствии такого числа людей? Я было открыл рот, собираясь поставить зарвавшегося артиллериста на место, но за меня неожиданно вступились все.

— Доктор хотя бы не бьет баклуши, — заметил Карп.

— Да! Доктор готов помочь любому, о чем ни попроси, — поддержал одноглазого жоака один из его оборванцев.

— Наш доктор — хороший человек! — заговорили матросы разом. — Уважает нашего брата. Пусть скажет доктор! Доктор, говорите, не стесняйтесь!

Я прочистил горло. Конкретного плана действий не было, но кое-какие мыслишки имелись.

— А если двинуть вдоль русла канала, но с внутренней стороны вала? Мы уже видели, что цилиндры не могут передвигаться по столь крутому склону.

— Ну и куда таким образом доберемся? — спросил Северский, скептически поджав губы. — В другой такой же лагерь? В новый плен?

— Вопрос в том, как быстро нас хватятся и какие силы бросят вдогонку, — сказал я.

— А в другом лагере могут оказаться наши, — поддержал меня Гаврила.

— Нет! Ваш план, господин Пилюля, никудышен! — отрезал офицер.

И тут мы все замолчали: снаружи раздался громкий и совсем неожиданный звук. Северский так и застыл: на лице выражение праведного гнева, указательный перст правой руки направлен вверх. Лишь блеск в глазах успел погаснуть — ярость сменилась холодной настороженностью. Раззявив рты, мы с испугом и одновременно с удивлением уставились на колышущиеся стены палатки. Звук повторился: это было что-то среднее между пением кита и воем сиренного гудка «Кречета».

Толпою выбрались наружу. Ночь была безлунной (я тогда и не догадывался, что луны в этом мире попросту нет), но света звезд оказалось достаточно, чтобы рассмотреть происходящее на площадке. Наши флегматичные конвойные покинули насиженные циновки. Теперь «червелицы» бродили по кругу, задрав дрожащие лицевые отростки к темному небу.

— Это они голосят? — спросил громким шепотом гальванер Лаптев.

Безликие головы охранников светились тусклым люминесцентным светом, будто кто-то натер их фосфором. В коробке, что стояла между их циновками, мерцала желеобразная масса зелено-желтого, ядовитого цвета. Я заметил, что с длинных пальцев «червелиц» капает такая же похожая на желчь дрянь.

Ближайший к нам великан огласил ночь «китовым зовом». Затем поднял с земли валун размером с голову взрослого человека и... метнул в сородича. Второй увернулся; недолго думая, подхватил увесистый гранитный обломок и швырнул в ответ. Мы оторопели: оба конвоира вели себя так, будто решили поиграть в крупнокалиберные снежки. «Червелицы» же принялись топать и прыгать, вызывая тем самым сотрясение земли и осыпание песков.

Гаврила первый смекнул, в чем здесь дело.

— Набодались, тварюги!

«Набодаться» — это у наших моряков означало напиться допьяна.

Не успел я отдать должное справедливости этого заключения, как всем пришлось броситься врассыпную. Над нашими головами со свистом — словно артиллерийский снаряд — пронесся каменный обломок. Следом за ним вприпрыжку помчал «червелицый». От

закованного в нелепый доспех тела волнами распространялся пряный жар. Один из матросов не успел убраться с пути охваченной диким куражом махины, и великан отшвырнул человека в сторону, точно букашку. Тот же «червелицкий» врезался в нашу палатку, запутался в ткани, задержался, затем все-таки освободился и, пропустив очередную глыбу в дюйме над плечом, ринулся на сородича. Ни людей, ни причиненного им ущерба горе-охранник не замечал.

Палатка опала. Угодила на костер и мгновенно занялась парусина. Завозились погребенные под складками ткани Стриженов и старик Иннокентий. Мы вытянули их и поспешили укрыться за ближайшими отвалами земли. Там провели часа полтора: лежали на холодном песчаном склоне и слушали, как громяхают валуны и заходятся нечеловеческим криком «червелицы». Мы были словно дети непутевых родителей, для которых каждый вечер проходит под звуки пьяных скандалов и мордобоя. Разве что не хныкали и не глотали слезы.

Потом все стихло.

Когда мы вернулись на площадку, наши стражи как ни в чем не бывало восседали на циновках в обычных расслабленных позах. Свечение их лицевых отростков сошло на нет. Тлели, остывая, угли нашего костра, дымилось то, что осталось от палатки. Под валом стонал, расставаясь с жизнью, матрос. Ему крепко досталось от «червелице».

Я поспешил на помощь. Схватил за запястье: безвольная рука была ледяной, а пульс — нитевидным. Осторожно приложил к груди голову и услышал, как булькает кровь в легких, пробитых осколками ребер. Я разорвал на раненом воротник, чтоб хоть как-то облегчить ему дыхание. Затем при помощи моряков повернул обмякшее тело на бок. Обреченный тут же излил на землю кровавый поток. Кривя белые губы, он из последних сил пытался нам что-то сказать. Я смог разобрать лишь отдельные слова: «...деревня... жена... сыновья... благословение...» Взгляд матроса остановился, прерывистое дыхание иссякло. Все перекрестились, Гаврила закрыл покойнику глаза. Что ж, понять последнюю просьбу было немудрено, вот только удастся ли ее выполнить? Хоть кому-нибудь из нас? Я бы, например, ничего такого обещать не стал...

— Вы знаете, как его имя? — спросил я моряков.

— Конечно, господин доктор, — вразнобой принялись отвечать матросы, — это Увар Озеров... кочегар... отличный мужик был...

Договорились похоронить Озерова на рассвете. Но стоило мне отвернуться, как возле не успевшего остыть тела началась какая-то суета и возня.

— Я т-того... с-сапоги... — пролепетал, заикаясь, седоусый фельдфебель. К груди он прижимал, будто младенца, левую ногу покойника. — М-можно?

Я поглядел на обмотанные грязными полосками ткани фельдфебельские ступни. Кивком позволил снять с мертвого обувь. Если кочегар действительно был хорошим мужиком, он бы понял... В ту же секунду незнакомый молодец из «троглодитов» принялся стягивать с Озерова испачканную кровью форменку, а его бородатый приятель потащил за штанины крепких матросских брюк.

Чтобы не видеть этого отвратительного зрелища, мне пришлось перейти на другую сторону площадки. В мыслях я, конечно, оправдывал действия голодранцев, однако на душе моей скреблась сразу дюжина бродячих кошек.

Большинству из нас этой ночью пришлось спать под открытым небом, завидуя тем, кому нашлось место в землянке.

Я был бы рад сказать, что заботы превратились в рутину, что работать оказалось хоть и тяжело, но в целом участь наша ничем не отличалась от судьбы обыкновенных каторжников, корпящих день и ночь в глубине сибирских руд. Я был бы рад сказать, что желудки наши постепенно привыкли к отвратительной пище, добываемой не менее отвратительным

способом. Я был бы просто счастлив заявить, что мы хоть и потеряли лишние фунты веса, зато стали поджарыми и крепкими, словно стая волков. Что со временем зловоние «шуб» перестало ввергать нас в дрожь, что мы больше не теряем головы от ужаса и от отчаяния, что мы сплотились в команду единомышленников, что по вечерам у костра строим планы побега...

Но все это было бы ложью. Неумной, бессовестной ложью. Ибо каждые сутки являлись для нас суровым испытанием. Испытанием на твердость характера, на силу воли, на прочность сухожилий, в конце концов. Каждый день нам приходилось сталкиваться с происшествиями трагическими и бесчеловечными. Каждый божий день мы боролись за свои жизни, за сохранность рассудков. А последнее оказалось самой сложной задачей...

Мы шатались от голода, мы слабели, нас постоянно мучила тошнота. Мы еле-еле поднимали лопаты и уже едва были способны взбираться на вал. Я стал по-новому смотреть на Карпа Дудкина и его чумазую шайку. Как эти люди умудрились выжить, имея тот же минимум, которым мы располагаем сейчас? Или они изначально принадлежали к иной человеческой породе: более хищной, жестокой, живучей?

Что, черт возьми, нам делать?!

Мы погибали каждый день, каждый час и каждую минуту. Постепенно с нас слетало все человеческое, словно шелуха. Наши души, наши помыслы теряли рельефность. Неуклонно мы превращались в дождевых червей, что роют землю, жрут и извергают из себя съеденное...

Я не знаю, учтен ли в аду тот круг, на который забросило всех нас. Или он находится за пределами инфернальных категорий?

...На следующий день после того, как мы похоронили кочегара Озерова, сошел с ума матрос-сигнальщик Иван Собачка. В разгар работы он отшвырнул лопату и принялся отплясывать трепака. Мы пытались поймать несчастного, но Собачка оказался больно прытким. Он убегал от нас по гребню вала, поднимая за собой столбы пыли. Когда же расстояние между нами достигало безопасных пятидесяти-шестидесяти шагов, сигнальщик вновь принимался плясать. Мы же, боясь приблизиться и вспугнуть, подзывали его, словно ручное животное, суля всевозможные блага: вкусную еду и даже водку и женщин...

Наплясавшись от души, Иван Собачка спрыгнул с вала на камни и вдребезги расшиб голову.

В тот же день я едва не подрался с Гаврилой. К счастью, морячки успели подхватить меня под белы ручки и отвести в сторонку — перевести дух, за что им — сердечное спасибо. Иначе без мордобоя бы не обошлось.

А история вышла — глупее некуда. Трое матросов, работая лопатами, принялись между делом обсуждать, какими блюдами лучше столоваться в Великий пост, а какими — в Рождественский. И чем богоугодней разговляться. Воспаленный рассудок принуждал матросов обрамлять реплики все более вычурными кулинарными подробностями. Когда речь зашла об аромате свежего паштета из рябчиков и о цветовых оттенках сала в домашней буженинке, Гаврила не вытерпел. Он один раз прикрикнул на матросов. Второй раз приказал закрыть рты... А после — просто саданул ближайшего из злополучной троицы лопатой.

Матроса похоронили по соседству с сигнальщиком Собачкой и кочегаром Озеровым в тот же день.

Гаврила матюгался и скрипел зубами. Он с ожесточением рыл ржавый грунт и швырял землю, неразумно тратя силы. Его глаза сверкали полоумным блеском. Моряки старались держаться от него подальше, словно от чумного. Боцман в конце концов осыпал нас проклятиями и ушел на границу с пустошью. Взобрался на холм и просидел на вершине отшельником до ночи, переводя папиросу за папиросой.

Я не мог оправдать поступок боцмана. Даже простить по-христиански столь убийственное проявление гнева было для меня сложной задачей. Тем не менее, когда отгорел закат, я попросил Гаврилу вернуться в лагерь. Боцман молча подчинился. Мне показалось, что в его цыганских глазах блеснули слезы.

Один страшный день сменялся другим, более мрачным и жестоким.

Утром «шубы» прибыли на летающей машине, чтобы проинспектировать наши работы. Мы вновь выстроились шатким, словно стариковские зубы, фронтом. «Червелицы» выволокли из летуна лохани с водой и человечиною; по гребню вала пробежался, частя тонкими щупальцами, цилиндр. Все это превратилось в такой же ритуал, как и утреннее поднятие флага на корабле.

Неожиданно моряков и «троглодитов» растолкал Стриженов. Он прошел сквозь строй и устремился вперед, будто желал приветствовать «хозяев» лично.

— Федор Арсеньевич! — окликнул я офицера, сердцем чуя, что вот-вот произойдет нечто скверное. Помощник капитана даже не обернулся. Я было рванулся следом, но меня остановил Карп Дудкин.

Стриженов обошел замерших на месте «шуб» по широкой дуге. Опустился на колени перед чаном со страшным завтраком (нам его продолжали навязывать каждый божий день, а ведь «червелицы» должны были видеть, что с ним происходит).

— Братцы! — закричал Стриженов жизнерадостным голосом. — Это же — свиньи! — Он опустил обе руки в дымящийся бульон, вынул из чана два разваренных куска. — Свиньи, братцы!

У некоторых матросов после этих слов задержались кадыки. Справа и слева от меня громозвучно заурчали пустые животы. Строй зашатался сильнее, чем прежде.

Стриженов лукаво улыбнулся. Затем бросил оба куска нам. Выловил из чана еще пару ломтей и снова кинул...

Теплые капли попали мне в лицо. Я застонал, словно это была кислота, а не чуть теплый бульон. Принялся истово тереть щеки и лоб шершавыми рукавами. Запах человеческого жира преследовал меня еще долго, я никак не мог избавиться от ощущения, что проклятые капли так и остались на лице.

Жадные руки поймали бледно-серые куски на лету. Голодные рты впились в мясо пожелтевшими зубами. Началась потасовка. Кто-то отбирал у товарища кусок, чтобы насытиться самому. Кто-то — для того, чтобы втоптать дьявольское угощение в землю.

Послышались крики: — Вурдалаки! Упыри!

— Сами не жрете, так другим в рот не лезьте! Мы от слипшегося брюха подышать не собираемся! — Акулы ненасытные! Людоеды!

— Свиньи! Свиньи!!! — орал довольный Стриженов, подбрасывая морякам добавку.

Пыль взлетела к небесам, зазвучали гулкие удары кулаков.

Я выбрался из толпы, отступил к валу. Не было ни сил, ни желания принимать участие в разворачивающемся действе. Меня поглотила неожиданная апатия, штиль, если говорить морским языком — в душе воцарился полный штиль.

В стороне на коленях стоял отец Савватий. А рядом со священником, как ни странно, переминался с ноги на ногу Гаврила. Боцман хрустел кулаками, он то делал шаг к дерущимся, то отступал обратно, едва справляясь со жгучим желанием оказаться в гуще сражения.

Карп и его шайка вооружились лопатами и встали на противоположном краю площадки. В драке они участия не принимали, зато свистели и улюлюкали, подбадривая мутузящих друг друга морячков.

— По яйцам бей! Он твоего брата жрет, а ты zenки таращишь!

— Эй, бородач! Хватит лапать матроса — он не барышня! Лучше откуси ему ухо!

Карп молча глядел на позор нашей команды. На рябом лице «вожака» читалось неприкрытое презрение.

Однако и в этот раз «шубы» остались довольными нашей работой. Под вялую ругань выбившихся из сил людей они взошли на борт летающей машины и убралась восвояси.

— Доктор! Доктор, а мне палец сломали! — пожаловался Шимченко.

Я оглядел инженера с головы до ног. Куда девался краснощекий балагур и удалец? За какой маской скрылся умелый специалист по гидравлическим системам и одновременно

знаток южных вин, способный с компетентностью сомелье перебрать достоинства и недостатки содержимого буфета кают-компании? Передо мной стоял запыхавшийся оборванец с обвисшими щеками, с усами, густо припорошенными пылью, со сверкающими лихорадочным блеском глазами и покрытым ссадинами лбом. Инженер после участия в «героическом» бою, разделившем нашу команду на «вурдалаков» и «недаванок», выглядел как один из шайки Карпа. Как «троглодит», будь они неладны!

— Хорошо, — сказал я, глядя на опухающую руку инженера. — Пойдемте, поищем, из чего можно сделать шину... Вы, надеюсь, не ели человечины?

— Что вы! Да никогда! — заверил меня хитрый малоросс и убрал за спину здоровую руку, которой он только что вытирал губы.

Эх, и не завидовал я тем, кому удалось нынче набить желудки. До самого заката в их сторону летели плевки и ругань. Шестерых моряков во главе с Тарасом Шимченко, который мне, как выяснилось, таки наврал, травили и свои, и чужие. Весь день на валу и в лагере вспыхивали быстротечные драки. Всюду царил раздор и болезненная нервозность. Измученные и истощенные люди срывали злобу друг на друге, тратя остатки сил. В завершение конфликт вспыхнул с новой силой, когда грешную шестерку оставили без скудного вечернего пайка.

Однако никто не смог предугадать развязку трагедии.

Проснувшись на рассвете, мы поняли, что шестеро бежали из лагеря. Это известие вызвало в наших рядах суматоху. Одни полезли на вал, другие вскарабкались на холм у края пустоши. Мы искали беглецов, тогда как наши конвоиры даже не соизволили приподнять зады. Ситуация — глупее не придумаешь.

— Уже покойники! — махнул рукой Карп, призывая нас успокоиться и заняться работой.

В конце концов пропавшие моряки нашлись. Столпившись на вершине холма, мы молча глядели в сторону пустоши, на шесть неподвижных точек, отчетливо видневшихся на фоне ржавых песков. Что именно убило наших товарищей, мы так и не узнали. Однако в тот момент проняло всех: удалиться от канала «хозяева» не позволят.

Мы пережили очередную инспекцию, закопали в землю привезенный «шубами» завтрак, вооружились лопатами и взобрались на вал. К слову сказать, земляная гора рядом с лагерем значительно просела: столько грунта мы успели перекидать в русло. Нам удалось добраться практически до середины канала. Получилась дамба тридцатифутовой ширины, растущая во все стороны не по дням, а по часам. К сожалению, темп работы снижался — этого я не мог не заметить, — сил-то у нас оставалось меньше и меньше. Да еще столько человек убыло...

Восточный берег медленно полз нам навстречу. Гул машин доносился отчетливей. Кстати, до сих пор нам не довелось увидеть ни одного землечерпательного механизма. Зато был хорошо заметен результат их использования: на противоположной стороне трудились иначе, чем мы. Там не вгрызались в канал клинообразными насыпями, а равномерно двигали вал, раскатывая его, точно тесто по столешнице.

Моряки присели на дальнем краю дамбы, чтобы передохнуть да скурить последние папиросы, разглядывая холмистые очертания чужого берега. Нежданно-негаданно они вскочили на ноги. Принялись подпрыгивать и размахивать руками, будто жертвы кораблекрушения на необитаемом острове при виде дымов из паровых труб.

— Э-гей! Братцы! — закричали моряки во все горло.

В тот момент мы с Карпом и Гаврилой возились неподалеку. Услышав крик матросов, я почувствовал, что сердце мое забилося в два раза скорее.

Гаврила отбросил лопату:

— На другой стороне — наши!

Мы поспешили к морякам, оставив Карпа, который не преминул разразиться по этому поводу бранью. Мол, как трапезничать — мы в первом ряду, а как работать — то нас, чучел в кителях, днем с огнем не сыщешь.

Эх, да если бы там, на другом берегу, действительно оказались наши! Если бы команде «Кречета» удалось объединиться! Мы бы горы свернули! Почти девятьсот дисциплинированных, закаленных морской стихией воинов — это сила, способная ошипать перышки неведомым «хозяевам» и их механизмам.

Поэтому-то нас и разделили...

Моряки, столь радостно прыгавшие мгновение назад, теперь сидели, понутив головы и угрюмо сопя.

Ветер стих, маленькое красноватое солнце стояло в зените, и канал был наполнен янтарным светом. Противоположная сторона просматривалась отлично, не было ни дымки, ни завесы из розовой пыли — явления обычного для этих краев. Мы увидели, как с восточного берега в русло канала спускаются... другие. Фигурой они походили на людей, их движения были осторожными и неторопливыми. Дойдя до бурой жижи, *другие* вскинули руки — обе пары — вверх. Ветер донес до наших ушей высокие прерывистые звуки: писк птенцов — ни дать ни взять. Может, таким образом *другие* приветствовали нас, а может, пытались привлечь внимание или же о чем-то предупредить...

— Э-гей! — заорал я, не щадя горла и легких. Моряки с тревогой поглядели в мою сторону. В широко раскрытых глазах читался вопрос: не настала ли очередь судового доктора тронуться умом? Если бы они набрались наглости и спросили меня прямо, то я бы не нашел, что им ответить. Мои действия в самом деле могли показаться безумными.

Я поднял руки и стал повторять движения вслед за *другими*. Те ответили восторженным писком! Удивительно, но я смог сообщить этим созданиям, что был бы рад начать с ними диалог. Похоже, и моряки поняли, в чем суть да дело. Они встали рядом и последовали моему примеру.

А телодвижения *других* тем временем усложнились, они уже не просто поднимали и опускали обе пары рук, а демонстрировали нам причудливый, но грациозный танец.

За моей спиной раздался хриплый лай. Я вздрогнул и обернулся. Оказалось, что это Гаврила — черный, словно цыган, боцман, убивший давеча лопатой матроса, — смеется, схватившись за живот.

Другие продолжали диковинный танец. И мы решили не оставаться в долгу: пусть помнят землю-матушку и моряков славного Балтийского флота! — Эх, яблочко! Куда ты котися!.. — раздалось над нашей незавершенной дамбой. Моряки принялись отплясывать трепака, казачка, яблочко, сударыню-барыню, а затем даже попытались изобразить цыганочку с выходом. Они смеялись, подначивали друг друга, шутили и... в общем, сегодня я впервые увидел радость на их исхудавших лицах. Впервые тусклые, запавшие глаза заискрились желанием жить. Я же молился, чтобы эта терапия продолжалась как можно дольше.

С четырехрукой расой нам познакомиться не довелось. А жаль: в этом враждебном землянину мире люди так нуждались в верных союзниках.

Мы увидели, что на валу со стороны *других* появились отвратительные силуэты «хозяев» — двух «шуб» и двух «червелицых». *Другие*, как по команде, отвернулись от нас и медленно, будто через силу, побрели по склону вверх. Первый контакт с дружелюбной (хотелось бы верить) инопланетной расой был прерван.

— Нас здесь много, и все мы — разные, — изрек я.

А человек, столько веков кичащийся своим совершенством и богоподобием, оказывается, всего-навсего звено в бесконечной цепи цивилизаций, которой связан близкий и далекий космос.

Юного матроса Гришку мы прозвали стриженковским вестовым. Но, в отличие от настоящего вестового, служившего у Федора Арсеньевича на «Кречете», Гришка не мотался по отделам корабля, сообщая директивы, не чистил помощнику капитана форму и не

заваривал для него чай. Тришкина задача была простой: находиться рядом со Стриженовым и немедленно сообщать мне об изменениях в его состоянии. Я очень надеялся, что они — изменения — произойдут в лучшую сторону, и старший офицер вернется к нам из иллюзорных далей, куда увлекла его злая хворь.

Я стоял, опираясь на лопату, на краю дамбы. Рядом пыхтели моряки, пытаюсь восстановить дыхание после безудержных плясок. Мы все еще пересмеивались, как школяры, в реальность возвращаться не хотелось никому. Окрепший ветер охлаждал наши разгоряченные лица, но солнышко пригревало ласково, как ранней весной. Жаль, что у всех закончились папиросы. Хотелось пристроить утомленное голодной диетой тело на затишном склоне, погрузить пальцы в теплый песок и по-стариковски задремать.

— Павел Тимофеевич! — окликнул меня звонкий мальчишеский голос.

Вот так всегда: вздумаешь спрятать голову в песок, действительность не преминет достать тебя коленом под зад. Я со вздохом передал лопату Гавриле.

— Трудись!

А сам поспешил в лагерь. Карп снова выругался. На этот раз суть его претензий была следующей: работники из моряков по-прежнему как из дерьма снаряды — если бы мы хоть плясать умели, так ведь и пляшем не лучше мартышек на поводке...

На осунувшемся валу ждал Гришка. Этот белобрысый юноша субтильного телосложения принялся торопливо, глотая целые слоги, рассказывать, в чем беда. Я кивал на ходу, огорчаясь сильнее и сильнее.

Помощник капитана сидел на ящике и поглаживал сальную бороду. За его спиной возвышался отец Савватий: священник выполнял по моей просьбе обязанности санитара.

— Итак, вас произвели в адмиралы? — спросил я, усаживаясь напротив Стриженова.

— Ну, не совсем. В контр-адмиралы, — ответил тот довольным голосом. Я заметил над правым глазом Стриженова тонкий шрам и подумал: мол, вот этот человек участвовал в войне с турками и, по рассказам очевидцев, храбро сражался. Было до слез обидно, что именно он сломался первым. Как нам не хватало его боевого опыта и умения руководить!

— Поздравляю, контр-адмирал, — улыбнулся я через силу. — Но, голубчик, скажите, как вы себя чувствуете?

— Северский, с-сука, кортик мой прикарманил, — пожаловался Стриженов.

Северский бродил неподалеку и все прекрасно слышал.

— Чем дальше в лес, тем больше дров! — бросил артиллерист и покрутил пальцем у виска. Затем сердито пнул красную землю и пошел прочь, опустив руки в карманы, — быстрый, вспыльчивый и непреклонный.

Отец Савватий размашисто перекрестился.

— Отберите у него мое золотое оружие! — Стриженов порывисто наклонился вперед и схватил меня за локоть. — Батюшка светлый, Пашенька! Северский — свинья! И ведет себя будто в трактире. Отберите у него золото!..

— Какое золото? — рассеянно переспросил я, глядя, как Северский взбирается на ближайший холм.

— Кассу корабельную, — пояснил Стриженов, почесывая обеими руками бороду, — сто тысяч рублей и двести тысяч фунтов стерлингов...

Нашу беседу прервал крик Северского: — Вы только посмотрите на это! Господа, бегите скорее сюда!

Я поглядел Стриженову в лицо. На челе помощника капитана выступила испарина. Стриженов растерянно и одновременно жалобно смотрел на меня, как будто ожидал, что я одной фразой разрешу его внутренние конфликты.

— Я прошу простить, контр-адмирал!

Старший офицер вздохнул, потупил взор.

— С Богом, батюшка!

Северский стоял, приложив ко лбу козырьком ладонь. Пахнущий снегом ветер трепал его светлые, порыжевшие от пыли волосы. Я, отец Савватий, Карп Дудкин и Гаврила,

помогая друг другу, взобрались на вершину холма. Куда подевалась та легкость, при помощи которой несколько дней назад мы одним прыжком одолевали любой подъем?

— Вы возитесь, как сытые вши, — сказал артиллерист, не оборачиваясь.

— Вши отнюдь не сытые, а очень даже голодные, — возразил я. — Что вы там увидели, Георгий? Ради чего вшам пришлось одолеть подъем?

— А вы разуйте глаза! Вдоль границы с пустошью брел караван. Я насчитал тридцать шесть животных, идущих друг за другом цепочкой.

— Кильватерная колонна! — пошутил я.

Это были могучие создания, напоминающие африканских гиппопотамов, с громоздкими, как железнодорожный вагон, телами, стоящими на относительно тонких и высоких лапах. Причем передняя пара конечностей была в два раза длиннее задних. Шли они неспешно, вразвалочку. Время от времени та или иная тупорылая морда задиралась вверх, раскрывалась широченная пасть, и окрестности оглашались булькающим клетотом.

Точно такой же клетот послышался со стороны вала. Мы обернулись и увидели, что присматривающий за нами цилиндр (к его молчаливому присутствию все давно привыкли) раскрылся и теперь вторит клетоту животных. Вот тогда-то я и смекнул, что животные в караване — вовсе не животные, а такие же разумные твари, как и люди. Наверняка наш цилиндр призывал существ к покорности на их нечеловеческом языке. А то, что первое создание в караванной цепочке несло на спине «шубу», равно как и замыкающее, говорило лишь о том, что их участь еще тяжелее нашей.

Караван подошел ближе, живая цепочка ступила на тропу, ведущую в лагерь людей. Мы стояли на вершине холма и молча наблюдали, как эти махины приближаются к нам. Теперь стали видны новые детали. Оказалось, что передняя половина каждого объемистого туловища покрыта красной чешуйчатой кожей, задняя же — бархатистым мехом бурозеленого цвета.

Мы дружно отступили, когда к нам приблизилось существо, везущее на спине «шубу». Черный череп «носителя» поблескивал на солнце, словно был покрыт лаком.

— Эх, винтовку бы мне! — закрипел зубами Северский. — Я бы не промахнулся...

Первый гигант протопал мимо, открыв для обозрения свой тыл. Филейная часть оказалась совсем не филейной и по сравнению с могучими, покрытыми складками жира плечами, непропорционально узкой. Но больше всего нас удивило и даже обескуражило то, что по обе стороны безволосого хвоста располагались черные, лишенные белков глаза. Круглые, как иллюминаторы, и выпуклые — в них можно было увидеть отражения наших бледных лиц.

Перед моим внутренним взором замелькали страницы учебника по биологии.

— Это — мимикрия! — воскликнул я, озаренный догадкой. — Их глаза — ненастоящие!

В ответ «ненастоящие» глаза заморгали, хвост (а это оказался скорее сегментный хобот) изогнулся в нашу сторону. На его конце затрепетали щели ноздрей. Раздался долгий, высокий звук — свист засорившейся глиняной окарины. Я отпрянул, при этом невзначай зацепил плечом Северского.

— Скажите, господин Пилюля, он чихнул или выпустил газы? — насмешливо полюбопытствовал артиллерист.

Естественно, на такую глупость я ничего отвечать не стал. Караван протопал через наш лагерь мимо выстроившихся на валу моряков, которые бросили работу, чтобы увидеть столь необычный парад; мимо бесстрастных «червелиц», мимо Стриженова и суетсякого возле него вестового Гришки...

Колонна остановилась за лагерем. Словно железнодорожный состав, достигший пункта назначения.

— Вот так соседи! — вздохнул отец Савватий.

— Плохи дела, — огорошил вдруг Карп. — Как бы нас не пустили в расход...

— Чего? — не понял Гаврила. — Чего-чего! — передразнил боцмана Карп. —

Предупреждал ведь: работать надо старательней! Чую сердцем, привели нам замену, — проговорил он едва слышно. — Бывайте!

Карп сорвался с места и на спине съехал по крутому склону. Достигнув нижней точки спуска, он по-кошачьи вскочил на ноги и побежал на вал. Не иначе чтоб собрать своих людей, своих «троглодитов».

— Как бы беды не накликать... — задумчиво почесал похожую на паклю бороду отец Савватий.

— Будто сейчас мы живем как у Христа за пазухой! — в сердцах бросил Гаврила.

А караван тем временем без спешки и суматохи принялся перестраиваться. Кильватерная колонна переформировалась во фронт. Одновременно, как по команде, на широких мордах распахнулись рты. Существа сейчас же обрели сходство с крокодилами, лежащими с разявленными пастьми на берегу Нила.

— Погляжу поближе! — буркнул Северский и прыгнул вниз, не очень ловко повторяя маневр Карпа.

Я вздохнул, перекрестился и рванул следом. Кровь стучала в ушах, пыль слепила глаза. Я пересек, прижимая руки к сердцу, площадку, взобрался на соседствующую с валом насыпь. Северский был уже тут как тут.

Урча от напряжения, вагоноподобные создания зачерпывали землю разверстыми пастьми, словно ковшми, и сбрасывали ее в канал. При этом круглые глаза, расположенные на филейной части фантастических гигантов, деловито хмурились, а подвижные хоботы метались то влево, то вправо, выдувая однообразные ноты. Со стороны могло показаться, что это — лица машинистов, управляющих живыми механизмами, и что они переговариваются друг с другом.

Заприметив нас с Северским (а мы стояли праздны и во все глаза наблюдали действо), к насыпи направилась одна из «шуб». Мы мигом перебежали на вал и взялись за лопаты.

До ночи не умолкали разговоры о странных соседях. С дамбы было видно, как эти громадины рушат вал, сужая русло канала вдоль занятой ими территории. Иногда они давились землей, и тогда раздавался громогласный кашель, а в бурый ил, покрывающий дно канала, летели густые, ведерные плевки. К вечеру бегемоты-переростки построили собственную дамбу. Она была в два раза короче нашей. Но в десять раз шире.

Волей-неволей многие из нас позавидовали такой производительности.

Когда все собрались у костра и на углях зашипели опостылевшие лягушки-козероги, меня жестом отозвал Карп. Ночь обещала быть морозной, поэтому покидать нагретое место мне не хотелось. Тем не менее я поднялся. Стоило выбраться за спины сидящих кружком людей, и темнота сомкнулась вокруг меня, словно озерная вода в проруби на крещенские праздники.

— Здесь вот какое дело...

Карп протянул руку. На ладони я увидел четыре черных шарика. Пьяные ягоды!

— Зачем? — спросил я.

— Отдай их вашему капитану, — проговорил Карп тихим голосом. — Высокоблагородие совсем плох стал.

Я поглядел на Стриженова. Тот сидел на корточках среди матросов, на правый кулак намотав бороду. Взгляд старшего офицера блуждал по их лицам. Казалось, он силится узнать окружающих и приходит в растерянность от тщетности попыток.

Болезненный спазм перехватил горло.

— Ты отдаешь отчет, что предлагаешь сделать? — спросил я шепотом.

Карп уставился на меня единственным глазом.

— Прояви милосердие, доктор. Ведь ты — человек грамотный.

Мне показалось или действительно в голосе главного «троглодита» присутствовала скверно замаскированная угроза? Проявить милосердие... Мне ли не знать, насколько тягостно действует на здоровых людей присутствие умалишенного? Мне ли не понимать, каким заразным способно оказаться сумасшествие в обстоятельствах, когда люди лишились

связи с привычной действительностью? Заразное тифа...

— В вашей команде чересчур много лодырей развелось, — продолжил Карп. — Этот поп — ну, Бог ему судья! Ладно! Потом артиллерист, — он принялся загибать пальцы, — ходит, словно барин. И еще капитан... Теперь к нему и матроса приставили, который мог бы работать или добывать еду. И все они на ужин получают лучшие куски. Мои ребята обижаются. Ты должен понимать, доктор, ведь так нельзя.

— Решительно ничего не понимаю, — ответил я, каменея лицом. — Вернемся к костру, что-то зябко становится.

Карп сжал пьяные ягоды в кулаке.

— Ну, как знаешь, доктор. Пошли, что ли?

12

Всю ночь выл ветер. По парусиновому навесу барабанил дождь из песка и каменной крошки. К утру многоголосый гул воздушных потоков преобразился — над каналом зазвучало пение на одной высокой ноте. В тот день оно стало предвестником рассвета и подняло нас на ноги.

Над холмами, окутанными красноватым полумраком, гасли звезды. На валунах тускло серебрился иней. «Червелицы» безмолвно сидели на своих местах, нисколько не тяготясь тем, что за ночь их доспехи обросли шершавой ледяной коркой.

Наши крупногабаритные соседи, думается мне, трудились ночь напролет. Многим мешало уснуть их старательное урчание и возня, а про кашель и говорить не стану. Поэтому люди поднялись сегодня в особенно хмуром расположении духа.

Вместе с Северским и Гаврилой мы обошли отвал земли, разделявший наш лагерь и территорию соседей. Мы собирались посмотреть, сколько сделали эти могучие живые машины за время, пока люди спали, а заодно освободить тела от избытка жидкости.

Но то, что нам пришлось увидеть, вмиг заставило забыть о естественных потребностях.

Вдоль вала ровненьким рядом лежали похожие на бегемотов титаны. Их вид был страшен и одновременно жалок.

Мы ошалело замотали головами. Никому не хотелось верить глазам. А в глазах прямо-таки зарябило от цвета крови.

Гаврила нервно запустил пальцы в бороду и забормотал проклятия. Я поглядел на бредущую вдоль страшной шеренги (спиной к нам) «шубу»: неужели эти бестии способны совершить столь чудовищное зверство? А главное — зачем? Ведь здоровяки работали, не жалея сил, они старались так, как не станет стараться целый легион рабов-людей!

Бегемотоподобные существа были рассечены пополам, поперек туловища. В пугающей круглой ране влажно блестели разноцветные внутренности. Длинные передние лапы подергивались в продолжительной агонии, тупоносые морды смотрели в небо, испачканные землей рты были закрыты, через ноздри вырывалось наполненное болью и укором тяжелое дыхание.

«Шкура! — подумалось мне сквозь туман дурноты. — Их убили из-за красивого зеленого меха на крупе! Изверги!»

— Идемте отсюда, — попросил Северский, зеленея лицом.

Ошеломленные, мы перебрались на вал.

Вот так сюрприз!

Отделенные задние половины стояли, пошатываясь на неустойчивой паре лап у края дамбы. К нам они были повернуты кровоточащими ранами, к восходящему солнцу — хвостами или, вернее, хоботками. Обрубки тянули ту самую заунывную ноту, которую, проснувшись, мы приняли за вой ветра. Черные глаза заморожено глядели, как наливается золотом рассвет. В то же время свисающие наружу сизые внутренности слабо шевелились, словно паразиты, потерявшие носителя.

Это было страшное и заораживающее зрелище. Что-то подобное мог видеть только

Данте, когда в грезах опускался на дно ада, туда, где самые страшные демоны подвергали изобретательным пыткам злостных грешников.

Быть может, для наших соседей такое кровавое разделение было делом привычным до рутинности; быть может, провести этот утренний ритуал для них — все равно что команде русского корабля собраться вместе на молитву и поднятие флага. Не знаю. И, честно говоря, знать не хочу. Земная наука не раскрыла и сотой части тайн человеческого тела и души. Куда нам до постижения природы существ, рожденных в другом мире, под иным солнцем? Наверняка для них — детей далеких планет — привычки людей могли бы показаться столь же отталкивающими и пугающими. А почему нет?

Голос Гришки, матроса, приставленного к Стриженову в качестве вестового, отвлек меня от задумчивого созерцания анатомических подробностей разделенного существа.

— Павел Тимофеевич! — звал юноша надтреснутым от волнения голосом. — Спускайтесь скорее сюда!

Я без охоты заторопился по склону вниз. Вчера горе-повара недобросовестно пропекли снесь, и, проснувшись, мы все почувствовали себя слегка отравленными. А тут еще такое зрелище! Поэтому происходящее в тот момент я воспринимал сквозь туман дурноты, и сил для решительных действий не было категорически. Категорически!

Этим утром я подобрался к границе, разделяющей жизнь и смерть, как никогда, близко. Гнилостный запах вод Стикса веял мне в лицо.

Гришкино волнение не предвещало ничего хорошего. Наверняка Стриженов окончательно потерял связь с действительностью. Хоть бы ничего не учудил, горе луковое! Подумать только: неделю назад ты — уважаемый всеми командир, а сегодня к тебе относятся как к малому дитяти! Незавидная участь... Уверен, если бы Стриженов был способен выбирать, он предпочел бы проглотить жменю пьяных ягод, чем жить неспособным вытереть нос болваном.

А в лагере, судя по всему, закипала очередная ссора. Моряки и люди Карпа стояли друг против друга, лица у тех и других были перекошены лютой злобой. Разве что отец Савватий и старый шаман Иннокентий болтались в стороне от потасовки, словно два спортивных арбитра, готовые блюсти правила соревнования. Священник поглядел на меня, и я понял его без слов.

«Сегодня нам обоим предстоит много работы».

В другое время я бы вклинился между противоборствующими. Возвел бы руки к небу, призвал к миру, пожурил недовольных и осмелившихся судить и не прощать других. Сегодня же... Я тяжело опустился на валун рядом с «червелицами» стражами (те на секунду обратили ко мне лицевые отростки, а затем вернулись к немому созерцанию друг друга).

Гришка подошел походкой насквозь виноватого человека.

— Что стряслось, братец? — спросил я. — Его высокоблагородие пропали! — произнес юноша и зашмыгал носом.

Послышался рассерженный голос Северского:

— Как пропал?! Куда?!

Артиллерист, — а он спустился с вала следом за мной, — схватил Гришку за потерявшую вид форменку.

— Тебе за кем было поручено присматривать?! — вознегодовал он. — За дырявым корытом или за старшим офицером?!

— Простите, ваше благородие, недоглядел!.. — залепетал матрос.

Зазвенели пощечины.

— Я тебе покажу, каналья! Недоглядел он! Под суд пойдешь у меня!

Все это стало походить на какой-то, прости господи, фарс.

— Северский! — окликнул я офицера, про себя удивляясь, насколько блекло и невыразительно звучит нынче мой голос. — Прекратите немедленно рукоприкладство! Григорий пытается нам что-то сказать! — Старшего офицера убили! — Гришка показал испачканными кровью пальцами (Северский разбил ему нос) на людей Карпа. — Они

говорят, будто Федор Арсеньевич сам ушел ночью! Но я видел часы его высокоблагородия у одного из них! У Макара!

Да, у Стриженова имелся хронометр на золотой цепочке. С чеканкой на крышке в виде двуглавого орла. Я прекрасно помнил вещь. Неужели Карп вознамерился-таки убрать лишних людей из лагеря? Он ведь должен был понимать, что подобное мы с рук никому не спустим! Если бы вчера он сам не завел разговор об эвтаназии Стриженова, я бы нисколько не усомнился в этом человеке. Да, Карп груб, неотесан, предельно честолобив, в нем чувствовалась склонность к самодурству, однако он — не болван.

— Карп! — Северский решительно приблизился к шеренге оборванцев. — Морда холопья, матрос сказал правду?

Карп сплюнул и ответил с вызовом:

— Я не слыхал, о чем блял мальчишка. Ваш капитан сбежал из лагеря — непонятно, что ли? Он же тронулся! И делает то, что в голову взбредет. Нечего на нас вину валить! Иначе и остальным потеряться недолго!

Северский задрожал от гнева.

— Пес ты шелудивый! Сейчас я спрошу с тебя за портсигар и папиросы! — Он взмахнул рукой. — А ну, балтийцы! Врежем им!

Большого морякам и не требовалось. Дальше события разворачивались в традициях кулачных боев «стенка на стенку», сопровождающих Масленицу и другие любимые русским народом праздники. Сначала раздались крики, матерная брань, и затем, под скрежет зубов, «стенки» столкнулись. Взметнулась пыль; загрохотали кулаки, затрещала рвущаяся в отнюдь не дружеских объятиях одежда.

Моряки обладали численным преимуществом, но их противники оказались готовыми на все. Пошли в ход припасенные до удобного случая заточки, заалела на солнце горячая кровь. Послышались чьи-то предсмертные хрипы.

Гришка поглядел на меня извиняющимся взором, размазал ладонью по лицу кровь, а потом ловко, словно угорь, нырнул в эпицентр схватки. Какой матрос будет стоять в стороне, когда свои дерутся?

Северский бросился на Карпа и даже, кажется, смог достать одноглазого двумя хлесткими ударами, прежде чем сам оказался на земле. Карп занес над благородным лицом офицера ногу в тяжелом, хоть и растрепанном сапоге и наверняка проломил бы ему череп, если бы не Гаврила. Боцман подоспел вовремя. Он врезал Карпу с такой силой, что я услышал, как у «троглодита» затрещали ребра. В сей же миг Гаврилу ударили сбоку, боцман отшатнулся, пропуская перед носом чей-то кулак с зажатым в нем обрезком стали, завертелся на месте, роняя тяжелые рубиновые капли из раны на плече.

Меня швырнули на землю. Даваясь сухой пылью, я почувствовал горькую смесь обиды и раздражения: какого черта досталось мне? Стоял, никого не трогал; сил осталось ровно на то, чтобы безучастно наблюдать происходящее. Люди, разве вы не понимаете: доктор болен!

Рядом загрохотали тяжелые шаги. Я поднял голову, уже догадываясь, что мне доведется увидеть.

«Червелицые» — эти живые химеры, — они врезались в окутанную облаком пыли толпу, словно два броненосца во флотилию китайских джонок. Будто щенят, великаны принялись раскидывать людей направо и налево. А тем, кто в запале драки пытался показывать «хозяевам» зубы, «червелицые» без сострадания вышибали дух об землю.

Меньше чем через минуту все закончилось. Никого не осталось на ногах, ни одного человека. Даже священника и смиренного старца Иннокентия стражи заставили целовать пыль.

Я ожидал, что, завершив короткую расправу, «червелицые» усядутся на циновки и продолжат медитировать. Не тут-то было! Они принялись расхаживать вокруг нас, и было жутко оттого, что никто не знал, оторвут ли тебе голову, если ты попытаешься пошевелиться.

На моих глазах отдавал Богу душу Олежка — белобрысый паренек из отряда Карпа.

Его шея была сломана, позвоночник выгибал кожу над правой ключицей, изо рта хлестала кровь. Олешка смотрел на меня удивленными глазами, и в них медленно стекленели слезы. Да, дружище, заточка, которую ты всегда носил за голенищем сапога, не сделала тебя бессмертным.

Северский пополз по телам сначала в одну сторону, затем в другую. Он явно что-то искал. Завозился возле жалобно стонущего Макара. Я все понял, когда услышал чирканье спичек. Мне стало и смешно и больно в одно и то же время. А он перевернулся на спину, поднял голову и посмотрел на меня. Лицо лихого артиллериста было разбито; в потерявших форму губах офицер сжимал дымящуюся папиросу, он курил и улыбался.

Сквозь свист ветра прорезался рокот двигателей. Приближалась летающая машина «хозяев». Через минуту-другую она ляжет округлым брюхом на площадку, превратившуюся сегодня в место жестокого побоища. Утреннюю проверку ожидает сюрприз: вместо рабочих лошадок перед ней предстанут дышащие на ладан клячи. Нас осмотрят, кого-то даже попытаются поставить на ноги... затем всех без особого сожаления спишут на убой. Мы станем пищей «свежим», полным сил рабам.

Я лежал и смотрел на то, как Северский, причмокивая, делает затяжки, а потом пускает дым в небо. Дымил он, как пароход.

— Перед смертью не накуришься, — услышал я голос Карпа. Северский выругался. Нащупал на земле гранитный обломок... Один из «червелицких» прервал хождение по кругу, задрал уродливую голову вверх и разразился «китовой песней». Северский замер.

— Макар — аспид, прикарманил капитанскую вещичку, — продолжил Карп. — Кабы не его загребушие ручонки, ничего такого не случилось бы. Но уж больно он на золото и серебро падок. Слышишь, Макар? Макар!

— Подох твой Макар, — ответил Северский. — Лежит с мозгами набекрень.

— Видит Бог, я не хотел большой крови! — закончил Карп лаконичную исповедь.

— Да, Бог — он все видит, — проговорил сквозь зубы Гаврила.

Нас накрыла тень идущего на посадку летуна.

Часть вторая Призраки пустоши

1

Мой бред... Да, несомненно, бред... Так вот: бред был столь же реален, как и окружающие лагерь ржаво-красные холмы, как морозное небо цвета бирюзы над головой и жестокие порывы ветра, хлещущие по лицу наотмашь.

Это произошло приблизительно так...

Я послушно двинулся к трапу, ведущему на борт летающей машины, но почему-то оказался на правом полюте «Кречета». Иллюзия поглотила сознание, однако не скажу, что это был бред, или горячка, или кошмар. Скорее наоборот, мне довелось увидеть сон наяву, и сон тот был наполнен светом и жизнеутверждающей суматохой. Я ощутил на себе благодать погожего летнего дня, услышал крики чаек и шум волн, почуял пряный запах водорослей. Стволы башенных орудий мирно глядели вверх, только вся морская братия отчего-то носилась с выпученными глазами, словно во время аврала. Мне вскоре стала ясна причина сумятицы: тяжелый броненосец сел на мель. Его командир, капитан первого ранга И. К. Герман, вызвал команду на палубу и приказал раскатать корабль.

Здесь логика сновидения попадала впросак.

Герман никогда не опозорил бы себя эдакой глупостью. Даже если бы его приказ бросились выполнять и офицеры, и судовые врачи — девяти сотням человек ни за что не сместить броненосец и на полдюйма, сколь бы самозабвенно они ни надрывали пупки. Стальная плавучая крепость водоизмещением в пятнадцать тысяч тонн — не парусный

фрегат времен Крымской войны и дымного пороха.

Матросы смеялись, выполняя бессмысленное распоряжение командира, вместе с ними хохотал и я. Резвые, как тараканы, мы бегали по свежевыванной палубе туда и сюда, от левого борта к правому, и наоборот. Было неописуемо легко и приятно отталкиваться обутыми в парусиновые туфли ногами от деревянного настила, я словно обрел крылья. И в какой-то момент мне надоело ограничивать себя перемещением лишь в горизонтальной плоскости. Я захотел подняться до стеньги грот-мачты, а оттуда — взлететь еще выше, к золотому свету полуденного солнца.

...Моряки подхватили меня под мышки. Я мгновенно очнулся, с раздражением, обескуражившим матросов, оттолкнул пришедших на помощь. Захотел сплюнуть, но непослушный рот не справился со столь простым действием: густая слюна повисла на щетинистом подбородке...

Такой летающей машины видеть нам еще не доводилось. В воздушном флоте «хозяев» служили суда разных типов; на этот раз нас принимала на борт плоская, словно камбала, крылатая посуда с расхлябанной обшивкой на узких бортах.

Круглое помещение с низким подволоком, в которое нам пришлось погрузить самих себя, напоминало плоскую консервную банку. Только вместо шпрот в масле внутри оказались мы. Во мне роста чуть выше среднего, но даже я цеплял лысеющей головой грязный свод. Вообще грязным вокруг было все, ноздри щекотал запах аммиака.

Взлетели, и сразу началась болтанка. Мы сидели в полумраке, поблескивая белками глаз. Как же нас осталось мало! Пятнадцать человек из сорока трех, начавших совместный путь по неизвестной планете. Дышать было тяжело: трюм совсем не вентилировался. Качка угнетала, у многих появились симптомы морской болезни. На броненосце так нещадно кидало разве что в девятибалльный шторм. И все-таки моряки норовили перешучиваться. Я рассеянно слушал их прибаутки и погружался в серый сплин.

— Штормит не на шутку! Эх, пробковый бы матрасец сюда или пару жилетов спасательных. Помочь не поможет, зато душе спокойней.

— Не знал, братцы, что и в воздухе можно пойти ко дну.

— В воздухе не идут ко дну, соломенная башка, в воздухе возносятся на небеса.

— Что-то рано мне на небеса, ребята. Отец Савватий, что скажете? Ведь рано нам, да?..

Отец Савватий встал на четвереньки. Его начало рвать желчью прямо на грудь лежащего без сознания гальванера Лаптева. Через секунду-другую к мычанию духовника присоединилось еще несколько голосов, выпевающих одну и ту же утробную «песню».

Северский попытался состроить брезгливую гримасу, но у него ничего не вышло. На лице артиллериста не осталось живого места, мимикой он больше не владел. Едва ли его чертам когда-нибудь вернется прежняя аристократическая утонченность.

Путь из ниоткуда в никуда продолжался. Мы оставили за спиной лагерь, мы оставили за спиной покойников. Мы оставили раненых и попросту лишившихся сил людей на произвол судьбы. Оказавшись в лапах «хозяев», наши беспомощные друзья могли рассчитывать в лучшем случае на скорую смерть. В худшем... Черт! Попробуй об этом не думать!

«Хозяева» забрали на «камбалу» лишь тех, кто мог стоять на ногах. Наверное, они решили, что из честной компании, погубившей себя в безумной схватке, только мы способны продолжать работу. Какое горькое заблуждение!

В старом лагере остался Карп со своими опричниками. Одноглазый бородач махал нам левой рукой (правую — сломанную в драке — он бережно держал на весу), сардонически улыбался щербатым ртом и на чем свет стоит поносил Балтийский флот. Остатки разбитого наголову воинства оборванцев сползались к его ногам.

Оборванцы. Мускусные крысы. Теперь мы не отличались от людей Карпа Дудкина. В нашем облике и повадках не осталось ничего от тех гордых солдат далекой Империи, какими мы были в весьма и весьма недалеком прошлом.

...Раскачать броненосец нам все-таки удалось. Качалось небо, качалось море. Время от

времени они менялись друг с другом местами. Мы же мотались по мокрой палубе, не замечая подмены...

Я слышал одновременно крики иллюзорных чаек и реальный дребезг обшивки летающей машины. Я слышал, как воет ветер за бортом. Затем раздался чей-то голос: неприятный, фальшивый, пафосный — голос человека, находящегося на грани истерики. С удивлением обнаружил, что этот голос принадлежит мне.

— Команда! Раскачать корабль!

Засияли белки глаз. Моряки глядели на меня как на полоумного. Мы все ощущали, что плоская «камбала» и без того едва слушается руля, что каждую секунду летающая машина ведет неравную борьбу с воздушными потоками. А если ее начать раскачивать...

Гаврила поднялся на ноги. Выставил в стороны длинные руки, пытаюсь сохранить равновесие на шаткой плоскости. Через миг раздался грохот его шагов. Летун ощутимо содрогнулся.

На беду «камбале», в грузовом трюме можно было разогнаться. Левый и правый борт отделяли друг от друга целых восемь шагов. Ровно восемь — вскоре мы убедились в этом эмпирически.

— Поднимайтесь, медузы сопливые! — приказал Гаврила матросам. — Вы слышали господина доктора! И вы тоже, ваше благородие. — Он с вызовом поглядел на Северского. — Вставайте и делайте то, что сказал доктор...

Северский захохотал; избитому артиллеристу было тяжело подняться, и Гаврила подал ему руку. Встал отец Савватий, священника мучила икота, жизни в нем было не больше, чем в святых мощах, тем не менее он не пожелал оставаться в стороне. Оказался на ногах и я, правда, каким образом — решительно не помню. Мы сгрудились у правого борта, поддерживая друг друга.

— Считаю до трех, — прошепестел опухшими губами Северский. — Качать — так качать. Поднажмем, вояки! Один, два...

Три!

Мы бросились к левому борту. Врезались ладонями в грязную обшивку — та отозвалась обиженным гулом. Разом развернулись... В пылу сумасшедшей затеи мы не ощутили, как накренился летун. Но назад к правому борту перебежать уже не смогли: пол ушел из-под ног. Раздались крики, матерная ругань, мы повалились на спины — неповоротливые, словно мешки с картошкой.

— Крен — девяносто градусов! — объявил Гаврила, отталкивая навалившихся на него матросов. — Выходит! Пошла Марфа за Якова!

«Камбала» предприняла попытку выровняться. При этом мы перекатились по полу, подобно незакрепленному балласту. Я нечаянно ударил кого-то ногой, отец Савватий стукнул локтем меня.

Дьявольская карусель набирала обороты: летающая машина перевернулась вверх дном и нырнула к земле.

Глаза застелило кровавой пеленой. Нас смяло в одну вопящую, дергающую конечностями кучу. Послышался треск костей, кто-то захрипел, задыхавшись, кто-то воззвал к Богу...

Удар!

Корпус летуна лопнул: металл разорвало будто бумагу, через пробоины внутрь «камбалы» хлынул красный песок. Но летающая машина продолжала двигаться. Теперь она скользила над пустошью, подобно плоскому камню, отскакивающему от морской глади и бьющемуся о поверхность вновь. Во все стороны брызнули обломки, пробоины выстрелили языками пламени.

Кого-то из моряков рассекло на части лентами металла, кого-то выбросило через пробоину и размазало по земле ударом чудовищной силы. Стены трюма мяло, сворачивало и раздирало на части... То же самое происходило и с нами. Словно картечь свистели мелкие осколки, насыщенный ядовитым чадом воздух раскалился: казалось, вот-вот, и наши тела

вспыхнут, точно дрова в топке парового котла.

Не было сил ни кричать, ни молчать. Любое обдуманное действие, даже самое простое (например, закрыть голову руками), оказалось за гранью возможностей. Я ждал, что всеобщая гибель грянет с секунды на секунду. Но каждый миг тянулся долго, нехотя сменяясь следующим, таким же тягостным, и так далее, и так далее... А смерть не торопилась.

Наконец тряска и грохот иссякли. Прекратились в одно мгновение — будто оркестровая симфония, повинувшись движению дирижерской палочки. «Камбала», прорыв за собой многофутовую колею, застыла посреди каменистой пустоши. Щелкал раскаленный металл, изуродованный корпус исторгал из пробоин клубы черного дыма.

Гаврила пришел в себя первым... Как это ему удалось? Мужик — из крупновской стали, не иначе!

— Уходим, сукины дети! Подъем, милые!

Он навалился на лист обшивки, который соскользнул со своего места и перекрыл брешь в корпусе, со стоном отогнул его в сторону.

Ноги не слушались. Я сделал один неловкий шаг, другой, а затем упал. Угодил руками в лужу чьей-то теплой крови. Поднял глаза и сквозь дым, сквозь слезы посмотрел на светлый прямоугольник, за которым находилось спасение. Сжал зубы и рванулся вперед. На четвереньках, как скотина. Сжигая остатки сил в мышечном апокалипсисе.

— Скорее! Скорее, убью!

Гаврила схватил меня за локоть и швырнул к овражку, змеившемуся в десяти шагах от места крушения «камбалы». Напрасно он это сделал: я тут же рухнул на землю, отчетливо понимая, что никакая сила на планете больше не заставит меня подняться. А боцман таким же макаром подхватил какого-то матроса и отправил его следом. Матрос точь-в-точь повторил мой маневр и скрючился на песке, лишившись чувств.

Из пробоины вывалился Северский. Шумно сопя, он по-пластунски пополз к овражку. Потом показался отец Савватий. Борода священника сгорела почти полностью, лицо же стало неузнаваемым под маской из смеси копоти и крови. Отец Савватий тащил на спине гальванера Лаптева. Последний был явно не в себе: он не понимал, что происходит, и старательно вырывался. Они оба отказались от помощи боцмана, и Гаврила тогда поспешил на выручку к кому-то еще...

Над разбитой «камбалой» взвились языки пламени. Кто-то в глубине трюма закричал не своим голосом, уже догадавшись, что ему не выбраться и не спастись. От поверженной машины волнами стал распространяться липкий жар.

В сторону отлетел дельтообразный фрагмент обшивки, закрывавший нос «камбалы». Мы как замороженные проследили за хаотичным полетом куска металла над бесплодной равниной, и я догадался, что последует дальше.

Раздался жуткий, ни на что не похожий визг. Пронзительный, вибрирующий, пробирающий до мозга костей...

Из рубки (я думаю, что открывшийся отсек был рубкой управления «камбалой») вывалилась «шуба». «Хозяин» пылал, словно живой факел.

Повинуясь какому-то чутью, вопящая бестия двинула прямо на нас. Все, кто наивно полагал, что с земли им не подняться ни за какие коврижки, мгновенно оказались на ногах.

От «шубы» отваливались горящие куски. Эти части расплзались кто куда, будто были самостоятельными организмами и обладали зачатками разума. «Шуба» выдвинула в стороны четыре похожие на собачьи лапы беспальные руки. Заметалась туда и сюда, точно решила поиграть с нами в салки.

Я поднял с земли увесистый камень и запустил им в бестию. Попал ей в спину. Непрекращающийся вопль взлетел на тон выше. «Шуба» будто врезалась в невидимую стену. Я же поспешил наклониться и подхватить еще один первобытный снаряд.

А «шубу» уже били камнями все кому не лень. Гаврила, Северский, матросы и даже наш священник. Мы улюлюкали, подобно североамериканским индейцам, и подбадривали

друг друга окриками. Я с гиканьем запустил в тварь подарочек от себя и снова попал.

Мы забивали «хозяина», взяв его в кольцо. Мы испытывали чувства диких охотников, в западню которых угодил лев-людоед: да воздастся ему по заслугам! Мы больше не боялись раненого чудовища, а скопившаяся внутри злоба и жажда мести рвались наружу убийственным потоком.

С сухим треском лопнул черный череп «носителя». Зашипело, вырываясь через трещину наружу, бледно-желтое студенистое вещество. Душераздирающий вопль оборвался. Сама «шуба» сорвалась с костяного каркаса, из нее посыпались на песок вялые дымящиеся органы: да-да, даже сердце этой бестии, точно земной паук, имело восемь мохнатых лап. Принялся извиваться кольцами сизый кишечник. Покатались по земле расписанные капиллярными дорожками слизистые пузыри.

Ни одной твари не удалось уйти. Мы били гадов камнями до тех пор, пока они не превратились в бесформенные куски растерзанной плоти.

2

Нас догоняла песчаная буря. Тот самый шторм, через границу которого мы проскочили четверть часа назад на летающей машине. Закат растворялся в тревожной мути. Из-за горизонта напоздали серо-рыжие тучи, ветер становился с каждой секундой наглее, температура падала. Небо над нами пока было чистым; оно неторопливо наливалось спелым оранжевым цветом... но мыто уже знали, что этот обманчиво-теплый оттенок сулит беду!

— Вот, Георгий, та свобода, о которой вы столько мечтали...

— Прекратите тыкать в меня пальцем, Павел. Или вы мечтали до конца жизни — еще месяц или полтора — жить с ошейником на шее?

— Я не тычу в вас пальцем, Георгий. — Да. Лучше выбросьте из головы и не пробуйте.

Пейзаж отовсюду был одинаковым, куда ни кинь взгляд: на север, на юг, на запад, на восток... Плоская равнина, камень и песок, песок и камень. Единственное место, сулящее мало-мальское укрытие, — это узкий, похожий на канаву овражек. Гаврила вместе с матросами пытался сделать из него временное убежище. Что-то наподобие землянки, накрытой сверху листьями обгоревшей обшивки, — их моряки отодрали от разбитой летающей машины.

— У нас нет ни еды, ни воды... — Я зачерпнул пригоршню песка, поднял руку вверх, любуясь, как песчинки вытекают сквозь пальцы. — Если останемся на месте — мы обречены.

— Проклятая буря! — прошипел Северский. — Уходить нужно без промедления. Я опасаюсь, что нас уже хватились.

— Что верно, то верно!

Я поглядел в небо. Не мчится ли сюда серебристая искорка летающей машины, на борту которой — полный набор для охоты на людей: цилиндры, «червелицы» со «стариками» на поводках?

— Знать бы куда идти...

— Я не вижу правым глазом, — неожиданно признался Северский. — Вы можете что-нибудь сделать?

Я пожал плечами:

— Могу. У вас есть нож или хотя бы что-то острое? Северский молча протянул мне трофейную заточку.

— Садитесь на камень, лицом к солнцу, — распорядился я. — Будет больно, но ничего с этим не поделаешь...

Я вскрыл артиллеристу веко. Из-за складок распухшей плоти показался налитый кровью глаз. Северский во время «операции» курил папиросу. Теплых ручейков, которые струились по его лицу, он, похоже, не замечал и не проронил ни звука.

— Вот и все, — сказал я и отошел на три шага назад, словно художник, который решил

оценить свою работу со стороны. — Премного благодарен. — Северский достал из кармана грязный носовой платок и вытер им лицо. — Закурите, доктор?

— А как же. Давайте сюда папиросу. На табачный дымок слетелись моряки. Я не докурил папиросу больше чем на треть и отдал ее Гавриле. Боцман сделал две затяжки и передал Лаптеву. А тот поделился со следующим...

Мы остались вдсятером. Избитые, израненные, худые, будто кощеи, — люди с потухшими глазами; в осужденных на казнь через четвертование можно было отыскать больше оптимизма, чем в нас.

— Друзья, дело — табак! — сказал Северский. — Как только закончится буря, сразу выдвинемся в путь.

— Куда, ваше благородие? — спросил артиллериста Лаптев.

Северский задумался.

В самом деле — куда? Пустоши бесплодны, здесь даже мхи не растут. Едой можно разжиться только возле канала, но приблизиться к его руслу — верный способ снова оказаться в плену. Эти зоны жизни контролируются «хозяевами» и их механизмами. Сражаться с теми и другими нам не по силам. К тому же мы попросту не знали, в какую сторону следовало идти, чтобы добраться до ближайшего канала.

— Есть мысль... — Гаврила почесал кудлатую голову. — Надобно бы разделить на четыре отряда и пойти крестом, — он замахал жилистой рукой, — на норд, на ост, на зюйд и на вест.

Северский хмыкнул.

— Что-то в этом есть, — поддержал боцмана я. — Так мы сможем исследовать большую часть пустоши.

— Идем вперед, скажем... дня два, — продолжил мысль Гаврила, — затем поворачиваем обратно, встречаемся вот на этом самом месте. Бог даст, за отведенное время один из четырех отрядов найдет воду или провиант.

— А ежели никто ничего не найдет? — спросил боцмана угрюмый фельдфебель Ёлкин.

— ...и так давно должны были издохнуть, — мрачно ответил Гаврила.

Северский вяло кивнул. Из раны на его веке опять заструилась кровь.

— Пусть будет так, — сказал он. — Остается только переждать бурю.

— Согласен, — поддержал его я, хотя, в общем-то, никто моим мнением не интересовался. — Каким образом мы разделимся?

— Бросим жребий, — предложил Северский. В его ладони появился полураздавленный коробок со спичками. — В двух отрядах будет по три человека, в двух — по два. Возражения есть? Нет? Тогда сперва назначим, какие отряды куда пойдут, а потом уж разберемся с их составом...

Спички тянули не один раз. Тянули так, тянули эдак...

Мне выпало идти на юг, а в напарники судьба посулила Гаврилу. Я решительно ничего не имел против: боцман, конечно, крут нравом сверх меры и рука у него тяжелая, но именно эти «достоинства» не единожды спасали наши шкуры.

Северскому предстояло путешествие на север. Мы даже посмеялись над совпадением, а отец Савватий сказал, что видит в выпавшем жребии знак Божий и что офицеру обязательно повезет. В компанию Северскому записались два матроса. Гальванера Лаптева и отца Савватия ожидала дорога на запад, трех оставшихся моряков — путь на восток.

В убежище мы спустились, когда небо стало темно-коричневым. Перед этим ветер стих, словно копя силы, а затем ожег холодом. Тонны каменного крошева — мелкого и острого — с умопомрачительной скоростью понеслись над равниной. Пыльные струи жалили, будто тучи пакостного гнуса, настырно пытались проникнуть в рот, в нос... В общем, мы поспешили спрятаться.

Но землянка, сооруженная на скорую руку, не желала служить надежной защитой. В овражек задувало, отовсюду клубилась пыль. Мы кашляли, чихали, плевались. Чтоб хоть как-то согреться, нам, здоровым мужчинам, пришлось жаться друг к другу, словно телятам в

стойле.

Эта была страшная ночь. Я не знаю, удалось ли кому-то из моряков сомкнуть глаз (о возможности выпасться я не заикаюсь вовсе). Ветер выл и стenal, подпрыгивала крыша, собранная из фрагментов обшивки «камбалы»; мы опасались, что в любую секунду она может сорваться и унести в пустыню.

Очевидно, мы впали в оцепенение, в состояние, наподобие того, в котором насекомые пережидают холода. Быстротечные сновидения, посетившие меня, были мрачны и тягостны. Я видел себя опустившим руки в лохань с похлебкой из человечины. Мне приходилось вылавливать серые разваренные куски, опознавать типы ткани, будто на экзамене по гистологии, а затем съедать их. И я никак не мог прервать отвратительное занятие: во-первых, я был чертовски голоден, во-вторых, меня тут же забросали бы камнями стоящие за спиной «хозяева»...

Перед рассветом воцарилась долгожданная тишина. Мы не нуждались в чьих-либо понуканиях или уговорах: едва буря прекратилась, поползли наружу, вяло передвигая замерзшими членами. Все с тревогой поглядывали в очистившиеся небеса: не раздастся ли в вышине рев двигателей разыскивающего нас летуна.

Сейчас же мы узнали, что в отряде ubyло. Умер фельдфебель Ёлкин, его тело пролежало ночь между мною и отцом Савватием, оно даже не успело окоченеть. На лице седоусого моряка застыла полуулыбка — дай бог, если его забрал из этого ада добрый ангел. Ёлкина вынесли наружу. Сразу начался дележ его нехитрого добра. Кому-то достались запасные сапоги, кому-то — вторая фланелевая рубаша, кому-то — еще один пропитанный кислым потом полосатый тельник.

Похороны грозили обернуться очередной провололочкой и излишним риском. Всем не терпелось убраться подальше от наполовину погребенного песком остова «камбалы». К тому же многие верили, что удастся отыскать еду и воду, стоит только отойти на версту или две. Я не разделял этот необоснованный оптимизм, мне думалось, что пусоши тянутся на тысячи верст и что мы, измученные и истощенные, ляжем костью на второй или на третий день пути.

— Идите с Богом! — благословил нас отец Савватий. — Да ниспошлет вам Всевышний манну небесную, а Богородица — свой покров! Ступайте! Ну а мы с Кириллом позаботимся о покойнике.

Маленькое усатое лицо Лаптева сжалось и стало походить на кукиш.

— Не поминайте лихом, братцы! — пролепетал он, глотая слезы. — Даст Бог, свидимся!

И все: энтузиазм сразу куда-то подевался! Невообразимое уныние охватило каждого. Моряки принялись обниматься, хлопать друг друга по плечам, прощаясь. Звучали печальные голоса, то и дело кто-то ронял слезы, растрачивая невосполнимую влагу понапрасну.

— Да что вы рассиропились, как кисейные барышни! — бурчал Северский (сам артиллерист держался от остальных особняком). — Нам предстоит два дня пути вперед и еще два дня — назад! Всего-то! Карманы лучше распорите, чтобы жратвы побольше в них влезло — этих жаб с пороссячьими хвостами, грибов-тошнотиков... Через четыре-пять дней снова соберемся вместе. Помяните мои слова!

— Гаврила! — окликнул я боцмана. — Соловья байками не кормят! Пошли!

— Потопали, пока ноги идут, — согласился мой напарник.

Мы еще раз пожелали нашим друзьям по несчастью удачи и отправились в путь. Горизонт казался таким близким. Протяни руку — и ты уже на другом конце света...

3

Поначалу мы и десяти шагов не могли сделать, чтобы не оглянуться назад. Тоска сжимала сердца; Гаврила разделял мою уверенность, что дорога предстоит в один конец. Мы не строили иллюзий: шансы отыскать еду и воду в пустыне чужой планеты до того, как мы

потеряем способность двигаться, были эфемерными.

Мы видели, как возле песчаного холмика, выросшего за минувшую ночь и скрывшего место крушения летающей машины, копошатся две темные фигурки. Это отец Савватий и Лаптев, не имея возможности выкопать могилу, сооружали над телом Ёлкина насыпь из камней. А потом горизонт поглотил и их.

Вдвоем. Только вдвоем против враждебного человеку мира. Вдвоем, на лоне плоской каменистой долины, абсолютно безжизненной, открытой ветрам и чужим взорам. Не было ни конца ни края этой великой пустоши.

Час или два прошагали молча, затем стали перебрасываться фразами на отвлеченные темы.

— Павел Тимофеевич, а жена у тебя есть?

— Нет, Гаврила.

— А чего так?

— Да как-то не случилось. И к лучшему, наверное. А то, представь, сейчас бы гадала: куда супруг запропастился?

— Да, верно. Того гляди, решила бы, что потонул вместе с броненосцем.

— Точно. А что, ты женат, Гаврила?

— Нет. Детей зато много. Стало быть...

— Ха! Это как?

— Как, как! Вот так — много баб за свою жизнь я попортил. У меня, почитай, в каждом порту... как в той поговорке... по две, а то и по три. А скольких силой взял! За это, наверное, сейчас и расплачиваюсь...

Замолчали. Не знаю, о чем думал Гаврила, я же лихорадочно пытался отыскать в своей биографии хотя бы одно прегрешение, за которое меня могло постигнуть столь суровое наказание — быть извлеченным из мира людей и переброшенным через пустоту космоса на чужую планету. Решительно ничего не припоминалось. Да и вообще, прошлая жизнь теперь представлялась каким-то сказочным сном. Как будто настоящими были лишь опостылевший голод, ржавые пески и выветренные камни. Как будто я родился две недели назад, а воспоминания о детстве, о юности — крепко сделанная фальшивка, вроде театральной декорации. И не было у меня никогда родителей, старшего брата, дома в Москве и родового имения в Смоленской губернии...

Когда-то я испытывал дикую влюбленность в двоюродную сестру. Прощаясь перед отъездом в Петербург, я умудрился поцеловать ее в губы. Чем удивил и рассмешил юную светскую львицу, а также подглядывающую за нами челядь.

Это ли мое преступление?

В Петербурге, будучи задумчивым студиозусом, я довольно часто посещал публичный дом. Одна из его нимф была особенно нежна со мной — довольно некрасивым детиной, рано начавшим лысеть, обладателем больших крестьянских рук и полных бабьих бедер. Она называла меня «доктором ее тела». Эта усердная труженица помогла мне вытравить из души недостатки подросткового и юношеского миропонимания. Я перестал встречаться со своей нимфой, когда обнаружил, что какой-то проходимец заразил ее сифилисом.

Это ли мой грех?

Пять лет работал хирургом в Смоленске. Затем решил попробовать себя на стезе судового медика. Чтобы получить назначение на новейший броненосец «Кречет», мне пришлось просить батюшку нанести визит одному знакомому вице-адмиралу.

Это ли моя вина?

Не играл в карты, не пил ведрами водку. Из приятных времяпрепровождений предпочитал чтение и охоту на уток. Охотился вместе со старшим братом Митей и его черным терьером со смешной кличкой Булька в лесах Смоленской губернии. Ни разу в жизни не целился ни в оленя, ни в кабана, ни в медведя. Стрелять в млекопитающих — увольте, развлечение не для меня — слишком уж похожа наша анатомия.

— И матросов я столько покалечил, — продолжал изливать душу Гаврила. — За дело,

думал, покалечил. Да какие могли быть дела!.. Я переменюсь, клянусь своей грешной жизнью! Ты слышишь, доктор? Ведь теперь я знаю, каково оно в аду. Поэтому я переменюсь во что бы то ни стало. Боюсь, уже поздно, но... С каждым шагом... Я иду и прошу: «Господи, прости! Господи прости!»

Очень хотелось мне отмолчаться, но Гаврила, думается, ждал каких-то слов.

— Господь наш милостив, он всех прощает, — ответил я.

— Доктор, как думаешь... мы... кгм... вернемся когда-нибудь домой?

Это ты попал в точку, боцман! Я и сам много раз ломал голову: существует ли возможность совершить путешествие через мировое пространство в обратную сторону? Дело в том, что сообщая мы ни разу не обсуждали этот вопрос. Полагаю, каждый из нас мечтал снова ступить на родную землю, но мечтал молча, дабы не травить душу товарищам цианидом ностальгии.

Все наши усилия вчера были направлены исключительно на то, чтобы дожить до сегодня, а сегодня — чтобы дотянуть до завтра. Вырваться когда-нибудь из-под власти «хозяев», обеспечить себя более или менее удобоваримой пищей — таков был предел самых смелых мечтаний.

Я облизал липким языком растрескавшиеся губы и ответил, как на духу:

— Мне кажется, друг мой, куда вероятнее, что через версту или через две мы набредем на финиковую рощу, посреди которой окажется озеро с прозрачной водой, а в озере — ленивая форель...

— Форель! — рассмеялся Гаврила. — Ха-ха! Ленивая!

— ...чем то, что мы когда-нибудь покинем этот сатанинский мир.

Гаврила цыкнул зубом. Почесал за ухом, как собака, и снова спросил: — А если бы мы захватили корабль, на котором плавают между... этими... тьфу!

— Планетами, — подсказал я.

— ...между планетами, то смогли бы им управлять?

Я вздохнул. Все-таки рядовые моряки — молодцы. К слову, народ в деревнях, принадлежащих моей фамилии, до сих пор полагает, что Земля покоится на трех китах и что звезды приколочены к небу гвоздями. Матросы и унтера тоже вроде из простых мужиков будут, но вопрос умеют задать правильно, с подтекстом.

— Не знаю... — Я пожал плечами. — «Хозяева» совсем непохожи на людей. Наверное, разобраться в их машинах — это посложнее, чем управлять английскими или японскими механизмами.

Гаврила поглядел на небо. Оно было чистым, почти таким же прозрачным, как вода в озере, иллюзорный образ которого не выходил у меня из головы.

— Долго небось плыть бы пришлось. Дольше, чем до Америки! — проговорил мой спутник с мечтательными нотками в голосе.

— Дольше, дольше... — Я невольно заулыбался. Громила-боцман, успевший за жизнь натворить всякого лихого, державший в страхе матросов, размышлял сейчас о вещах вселенского характера с детской непосредственностью.

— Мимо звезд пришлось бы плыть...

— Да, мимо звезд.

Насколько хватало взора, окрест тянулось унылое полотно пустоши. Царил полный штиль, и только ритмичный звук наших шагов и хриплое дыхание, вырывавшееся из пересохших глоток, нарушали гнетущее безмолвие. Ползло вверх по небосклону маленькое красное солнце, укорачивались тени цвета сепии — остальное оставалось неизменным. Иногда даже чудилось, что мы никуда не идем. Что на самом деле равнина проворачивается под нашими ногами, словно колесо под лапами наивной белки.

Поговорили о пустяках еще немного. Возможно, трата сил на разговор была непозволительной роскошью, но от дружеской беседы на душе становилось светлее.

— Представь, Гаврила, — обратился я к боцману, — в древности эта равнина была дном океана.

— Жаль, что «Кречет» угодил не в океан, — отозвался Гаврила. — Мы бы тогда дали знать, почем фунт пороху.

— А если на планете остались каналы, наполненные водой под завязку? Смог бы действовать броненосец в таких условиях?

Гаврила задумался.

— Нет, пожалуй, — ответил он. — «Кречет», один черт, цеплял бы килем по дну. Нет, в водах канала здорово проявил бы себя миноносец или крейсер.

— Если бы да кабы... — вздохнул я.

— Слушай... а что чувствует человек, когда умирает от жажды?

— Спутанное сознание, головная боль, жар...

— Доктор!

В небесах зарокотало, загремело. Мы-то с Гаврилой хорошо знали, что означает этот звук: где-то в вышине мчалась машина «хозяев». Не сговариваясь, бросились на землю. Распластались, жалея о том, что неспособны закопаться в грунт, подобно дождевым червям. И была одна маленькая надежда, что сверху нас не так легко заметить, ведь наша одежда.. — да что там одежда! — мы целиком и полностью обросли коростой и по цвету ничем не отличались от ржаво-коричневого полотна пустоши.

Летающая машина пронеслась на приличной высоте. Через минуту тем же курсом промчал второй летун. Обе машины, очевидно, направлялись к месту крушения «камбалы».

Мы же лежали, затаив дыхание и превратившись в слух. Лежали долго — больше часа. Солнышко пригревало спины, пыль, струящаяся над землей, щекотала ноздри. Я поднялся, когда понял, что едва справляюсь с дремотой. Что вот-вот свалюсь в глубокий сон, после которого точно не смогу заставить себя переставлять ноги.

Следом заскрипел суставами Гаврила. Не говоря друг другу ни слова, мы зашагали вперед. Было наивно полагать, что пешим ходом возможно состязаться в скорости с летающими машина ми. И все-таки приходилось сдерживать себя, чтоб не перейти на бег: очень уж хотелось увеличить расстояние между нами и «хозяевами».

...Место для ночевки мы отыскивали за час до наступления темноты. Четыре широкие, словно пароходные трубы, ямы были расположены квадратом — они напомнили мне оттиск ножек стола на ковре. Каждая яма глубиной фута четыре. Стенки крепкие, срез каменистой почвы четкий, такие не осыплются тебе на голову посреди ночи.

Что это за ямы и для чего? Черт его разберет, но лучшего укрытия не предвиделось.

Гаврила угрюмо пробормотал что-то о могилах, вырытых заранее.

К счастью, слова боцмана Богу в уши не попали. На дне ближайшей ямы нас ждала приятная неожиданность в виде пары шаров, сплетенных из растрескавшихся веток охряного цвета. Местные перекасти-поле! Я несказанно обрадовался первой удаче: так по щучьему велению нашлось топливо для костра. В других ямах отыскиались еще несколько угодивших в ловушку экземпляров пустынной флоры.

Сухие шары стреляли мельчайшими колючками, как некоторые виды земных кактусов. Но это их не спасло: перекасти-поле были растоптаны, превращены в щепки, и через полчаса в одной из ям занялось жаркое пламя.

В дрожащем свете костра было сделано очередное судьбоносное открытие. Я обнаружил на стенках ямы у самого дна наледь!

Драгоценные кристаллы водяного льда мы соскоблили в металлическую крышку от какого-то устройства — ее Гаврила подобрал возле разбитой «камбалы» и предусмотрительно захватил с собой в дорогу. Железяку водрузили на угли, через какое-то время в нашем распоряжении оказалось немного теплой воды.

Поглощая влагу мелкими глотками, мы размышляли о том, что вот нам и удалось выторговать у злодейки-судьбы еще один день жизни.

Опустилась ночь. Была она по своему обыкновению безлунной и морозной. Насколько я понял, луна в этом мире отсутствовала как таковая. В ясном небе ярко сияли неведомые созвездия. Я тщетно пытался разыскать маячки, испокон веков указывающие дорогу

путешественникам: Плеяды, Сириус, знакомые рисунки Ориона и обеих Медведиц.

Когда я пожаловался боцману на тщетность своих попыток, Гаврила лишь посмеялся.

— Это же звезды Южного полушария! — пояснил он. — Понятно, что среди них нет Ориона и Медведиц! Зато вон созвездие, — он вытянул руку, указывая на зенит, — его каждый моряк знает. Это — Южный Крест. А рядом — Южный Треугольник, Муха и Центавр. Вместо Плеяд должны быть Магеллановы Облака. Только я их отчего-то сейчас не вижу..

— Ага! — обрадовался я. — Может, ты и координаты наши рассчитаешь?

— Что ты! Я ведь не штурман... — Гаврила почесал затылок. — Да и инструментов нужных нету.

4

Большую часть следующего дня мы прошагали в угрюмом молчании. Привалов не делали, как заведенные шли вперед, хотя и без того было ясно: время, потраченное на рейд в глубь пустоши, пролетело безрезультатно. Правда, мы обнаружили чуть-чуть водяного льда. Но от пустой воды сытым не станешь, да и льда кот наплакал — на всех не хватит.

Надеялись ли мы, что кому-то из наших друзей повезло больше? Нет, не надеялись. К тому же мы не имели ни малейшего понятия, безопасно ли возвращаться на место крушения «камбалы». Быть может, «хозяева» еще там? Ждут, когда люди, обезумев от голода, жажды и отчаяния, приползут сами, надеясь на милость...

Ближе к вечеру мы заметили, что справа от той воображаемой линии, вдоль которой проходил наш путь на юг, стали вырисовываться темные склоны скалистого возвышения. Снова молча, будто между нами установилась мысленная связь, взяли правее. Зашагали быстро, наклонив головы и прикрыв глаза от ветра, который нынче окреп до четырех-пяти баллов.

К горе приблизились, когда по пустоши разлилось пурпурное свечение заката. Песок вперемежку с крупным щебнем — опостылевшая масса, два дня скрежетавшая под сапогами, — сменился монолитной базальтовой плитой. Было непривычно легко идти по темной, сохранившей рисунок лавового потока поверхности. Как по Арбату шли, честное слово!

Наконец остановились, задрав головы. Скалистый гребень в лучах заходящего солнца отсвечивал красным. Казалось, что над нами не гора, а кольцо крепостной стены с остроконечными бойницами и что за этой стеной горят соломенные крыши муниципальных построек.

— Похоже на вулкан, — сказал я.

— Вулкан? — не поверил Гаврила.

В трещинах наливались чернотой четкие, будто вырезанные лезвием бритвы, тени. Склоны были гладкими, стеклянистыми. Пытаться одолеть такие без специального снаряжения — верх безумства. Но у боцмана имелось особое мнение.

— Ну что, полезли? — спросил он, не сводя оценивающего взгляда с вершины «крепостной стены».

— Чур тебя! — отмахнулся я. — Ты в своем уме?

Гаврила высморкался, поглядел на меня с тем же выражением, с каким только что изучал скалы.

— Ладно. Сам поднимусь. — Он сделал широкий жест рукой. — Отдохни пока, доктор, поваляйся на солнышке. Нынче костер не ожидается, погрей косточки про запас. А я — туда и обратно.

Гаврила поплевал на широченные ладони и решительно шагнул на склон. «Черта с два он станет геройствовать в одиночку!» — подумал я, неожиданно ожесточаясь.

— погоди! Тоже рискну! Мне до сих пор не приходилось лазить по скалам. Занятие, скажу, малоприятное. Особенно если от голода у тебя мутится перед глазами, а в руках и

ногах нет былой силы и ловкости. К счастью, предо мной вздымался не Монблан, а круча высотой в две пожарные каланчи.

Как говорится, не так страшен черт... Пока позволяла крутизна склона, я шел следом за боцманом по какой-то нехоженой тропке, придерживаясь одной рукой за отвес скалы. Несколько раз сиганул с уступа на уступ, точно горный козел. Затем настал момент, когда пришлось прилечь всем телом к каменной толще и осторожно ползти вверх. Скала холодила руки, узкие трещины казались слишком хлипкой опорой для скользких пальцев и разбитых сапог. То и дело налетал ветер, заставляя нас еще сильнее прижиматься к базальту и цепляться за его изъёмы, подобно клещам. Повезло, что карабкаться (в буквальном смысле этого слова) пришлось лишь последние двадцать футов.

Одолев подъем, мы оказались на продуваемом ветром пятачке между двух сточенных скал. У меня гулко стучало сердце и перехватывало дыхание, с Гаврилой, похоже, случилась та же беда. Поэтому несколько минут мы таращили друг на друга глаза, мычали, как глухонемые, и бестолково жестикулировали. Зато когда способность дышать вернулась!..

Мы заревели, точно два берсеркера, которым посчастливилось отправить на дно Северного моря вражеский драккар! Немедленно принялись выплясывать, забыв, что так немудрено свалиться. Затем заключили друг друга в объятия.

Наши усилия не пропали даром. И надо было такому случиться: на последнем этапе пути, когда пришло время возвращаться, мы сорвали куш!

Перед нами лежала погруженная в тень чаша кратера. Пространство, охваченное кольцом скал, было весьма просторным: на этой площади могла бы поместиться небольшая деревенька... вместе с трактиром и кладбищем. Долгие годы ветер заполнял кратер песком, с высоты песчаные волны казались обманчиво мягкими.

Я бы не назвал этот вулкан «нормальным» с точки зрения земной науки. Скорее всего, кратер в пустоши был не вулканического, а метеоритного происхождения! Да-а, с этих небес порой срываются крупные звезды!

В центре чаши, опираясь килем на песок, лежал однотрубный пароход. Дюны, жмущиеся к судну с обеих сторон, не позволяли ему завалиться набок. Насколько я мог судить, корабль был современным. Возможно, английского или немецкого производства. А может — чем черт не шутит? — и нашего. Рангоут на первый взгляд выглядел целым. Только выцветшая краска на бортах и надстройках да рыжие наносы на палубе говорили о том, что пароход давно покоится среди дюн, что он осиротел и нет никого, кто бы поддерживал на нем чистоту и порядок.

Словно шутки ради, с правого клюза был отдан якорь.

Я не помню точно, как нам удалось спуститься в кратер и не расшибиться: внутренняя сторона чаши оказалась практически отвесной. Здесь не было ни уступов, ни трещин, ни карнизов. Вдобавок стемнело окончательно, и головоломный спуск проходил при скупом свете звезд. Как все обошлось благополучно? Не иначе у нас выросли невидимые крылья...

Под ногами зашуршал песок: мы бросились через дюны к пароходу. Мы вязли в барханах, падали и поднимались вновь. Ночь сделала красные пески нейтрально-серыми, поэтому мне иногда казалось, что нас окружает обычная земная пустыня. Что вместе с пароходом сквозь водоворот пространства и времени в кратер чужепланетного вулкана засосало фрагмент Земли.

— «Дельфин», — прочитал Гаврила название судна. — Ну, здорово, земляк!

Вот уже и я могу прикоснуться рукой к обросшему ракушками днищу.

«Дельфин» был коммерческим кораблем с малым водоизмещением. Однако, стоя ниже его ватерлинии, было трудно не почувствовать себя жалким лилипутом, очутившимся под раздутым брюхом синего кита. Наверное, я успел позабыть стальную громаду «Кречета»... Где-то в глубине души возник страх, что пароход вдруг начнет крениться в нашу сторону, и тогда он неминуемо раздавит двух человек. Но, очевидно, у меня просто закружилась голова.

— Нас будто бы ждали, — пробормотал боцман, берясь за якорную цепь. К счастью, он не заметил моей слабости.

Гаврила крикнул, подтянулся и быстро-быстро полез вверх. У меня же опустились руки: после восхождения и спуска в кратер, после пробежки через дюны я был больше неспособен выполнять какие-либо спортивные трюки. Что-то не хватало пороку пиратствовать с Гаврилой на пару. Как-нибудь в иной раз...

Через секунду-другую наверху послышалась дробь быстрых шагов, а затем к моим ногам упал штормтрап. Я сказал «спасибо» ночному небу и взобрался на палубу.

На твиндеке я замер, пораженный фантастичностью происходящего. «Дельфин» — обычный морской корабль — возвышался над неподвижными песчаными волнами. Его окружали черные базальтовые скалы. Их вершины были обтесаны ветром, но ниже они оставались нетронутыми, почти что гладкими. Грот-мачта «Дельфина» пыталась дотянуться до россыпи южных звезд, чугунные кнехты торчали из песка, покрывающего палубу неравномерным слоем. За иллюминаторами, в отсеках, скрывалась непроглядная тьма. Было пусто, пыльно и безмолвно. Не скрипели снасти, не шумел океан, не свистели боцманские дудки... Даже ветер — истинный хозяин планеты ржавых песков — был не властен в этом анклав, отгороженном от пустоши скалами. Я словно оказался во сне, где привычные вещи и привычные понятия обрели особый, мистический смысл. Мне грезилось, что я очутился на Земле далекого будущего, что моря превратились в пустыни, а среди песков молчаливыми памятниками вымершему человечеству застыли созданные им корабли.

— Эй, доктор!

Голос Гаврилы в один миг отрезвил меня. Я замотал головой, стряхивая наваждение. Боцман спустился с центрального мостика, глаза его сияли.

— Послушай, здесь все цело! Нужно проверить камбуз и ахтерлюк... — Он поглядел на меня, затем спросил с тревогой: — Доктор, тебе нехорошо?

Я усмехнулся через силу:

— Все в порядке. Еще проживем.

— То-то! — одобрил Гаврила. — Пошли внутрь?

Хранилище припасов мы отыскивали сразу. Всего-то требовалось идти на запах гнилой капусты. Наверное, даже охотники за сокровищами египетских фараонов не ощущали такого возбуждения. В свете двух фонарей мы спустились в трюм, заставленный ящиками, мешками и анкерками. В первом развязанном нами мешке оказались сухари, во втором — старый и сморщенный, но вполне съедобный картофель...

Трудно описать словами чувства, которые мы испытали, «наложив лапу» на сие изобилие. Какие-то, черт возьми, сумерки затянули сознание. Я помню, как мы, не щадя расшатанных цингой зубов, набивали рты сухарями, а что не уместалось, рассовывали по карманам. Крепкие ржаные сухарики — это не какая-нибудь дрянь вроде лягушек-козерогов, это — пища богов. Мы ломали ящики, издавали кошачье урчание, выгребая жестяные банки с тушенкой и топленым маслом. Под ноги сыпалась крупа, соль, почерневшая морковь и мягкий, будто растаявший жир, лук. Мы отыскивали поколотую головку сахара. Нашли полную ендову с водкой и десяток бутылок крымского вина.

Нам хватило благоразумия не травмировать измученные продолжительным голоданием желудки. Консервированное мясо и масло были оставлены на потом. Мы насытились сухарями, погрызли сахару. Затем разлеглись на мешках с мукой и откупорили бутылку вина. Утолили жажду несколькими глотками сладкого, будто нектар, напитка.

— Жаль, что остальных с нами нет, — пробурчал Гаврила. — Я бы немедленно отправился назад, к месту встречи. Только ночь, а скалы — гладкие... Боюсь, не перейду.

— Да, жаль, — согласился я. — Но мы выйдем на рассвете. Надо захватить с собой консервов побольше и водки. То-то они обрадуются! Мы осоловели. Сделалось тепло и весело. Даже вонь гнилых овощей, от которой в другое время у меня навернулись бы на глазах слезы, была частью этого незатейливого уюта. Потребовалось приложить уйму усилий (и душевных, и физических), чтобы подняться на ноги и продолжить осмотр парохода.

Прежде всего нас интересовала вода. Вино — напиток благородный, но после вина

захочется пить еще сильнее — к несчастью, такова особенность человеческого организма. Проверили котлы. Они были полными, только вода внутри них оказалась ржавой и невкусной. Мы открыли опреснитель и увидели ту же картину.

— Ладно, — вздохнул я, — хотя бы есть чем подмыться.

Потом нас охватила «золотая лихорадка». Все, что попадалось в руки — плотницкий инструмент, посуда, такелаж, — мы собирались непременно взять с собой в обратную дорогу. Почему-то мы были убеждены, что этот инвентарь обязательно пригодится в пустоши.

Затем болезненный озноб сошел на нет. Мы принялись деловито обшаривать отсеки и вскрывать рундуки. Спокойный и тщательный поиск тут же принес результаты: Гаврила отыскал винтовку в упакованном виде и патроны к ней. Я нашел превосходную теплую одежду: несколько почти новых свитеров и пару непромокаемых плащей. Именно этих прозаических вещей нам так не хватало на продуваемых ледяным ветром равнинах.

В каютах капитана и его помощника мы обнаружили два револьвера и охотничью двустволку с красивым резным прикладом. Здесь же нашелся патронташ и набор зарядов на разные виды дичи. Я выбрал патроны на кабана. Набил ими патронташ и приладил его себе на пояс. Туда же прицепил и револьвер.

Наблюдая за моими действиями, Гаврила плотоядно скалился.

— Покажем... почем фунт пороху... теперь покажем... — бормотал он себе под нос. И тут чутье вывело боцмана на кисет, набитый табаком. — Ну, все! Теперь мы — как у Христа за пазухой!

Гаврила уселся на капитанскую койку. Картинным жестом сунул револьвер под подушку, взял со столика выдавшую виды трубку и принялся ее набивать.

— Буду спать здесь. Сегодня я за капитана. Он зачиркал спичкой, запыхтел, топорща бороду. Каюта наполнилась ароматным дымком. Я же решил покопаться в бумагах хозяина каюты. Жуткая усталость не позволяла должным образом сосредоточиться на их содержании, я скорее выхватывал ключевые фрагменты, которые позволяли пролить свет на историю «Дельфина». Оказалось, что этот корабль принадлежал Одесскому морскому пароходству и был зафрахтован Таврической промышленной артелью. В июне 1902 года «Дельфин» вышел из Керчи, путь его лежал в Дамаск. На борту парохода были тридцать два человека команды да плюс пассажиры — пятеро специалистов артели.

И всех их поглотила ржавая пустыня. Грызут ли сейчас морячки на берегу какого-нибудь канала лягушек-козорогов или давно отдали Богу души? Как-никак с тех пор минуло больше трех месяцев...

— Пойду в кубрик, — сказал я, отмеряя половину табака из капитанского кисета (у меня уже имелась папиросная бумага). — Непохоже, чтобы здесь было опасно, но держи ухо остро, просто на всякий случай. И... — я указал на бутылку, к горлышку которой Гаврила не забывал время от времени прикладываться, — и не пей больше вина.

— С-слушаюсь, ваше благородие! — ответил мне Гаврила, притворяясь пьяным. — Это все, ядрена вошь, жажда проклятая!

Едва я вышел из капитанской каюты, как корпус корабля завибрировал от молодецкого храпа. Мне пришлось вернуться, выдернуть из сжатых пальцев боцмана трубку и затушить ее. Гаврила даже не шелохнулся.

Здорово же он держит ухо остро!

Я спустился в котельную. По пути прихватил мыло, зеркало, чью-то бритву и чистую одежду. Набрал из котла воды, тут же вылил ее на себя, не боясь замочить палубу, смыл с себя бурую грязь. Приспособил два фонаря так, чтобы от их света падало как можно меньше тени, и тщательно побрил лицо. Обтерся какой-то тряпкой, нацепил на влажное тело чужие вещи и поплелся в кубрик, чувствуя себя ходячим трупом. Уснул, кажется, до того, как голова прикоснулась к койке.

Я проснулся и не совсем понял, что происходит. Подо мной была удобная парусиновая койка с матрасом, набитым мелкой пробкой. Я не чувствовал ни голода, ни тошноты, которая неизбежно возникала от местной снеди. Я выспался и отлично отдохнул. Ничего не болело и не отнималось после долгого лежания на холодной земле. Веки не были слеплены инеем.

Открыл глаза. Надо мной нависал низкий подволоок, покрашенный в светло-зеленый цвет. В цвет летней травы. В иллюминаторы (в кубрике их было два) светило солнце, в его янтарных лучах кружили пылинки, на противоположную переборку проецировались нечеткие оранжевые круги.

Быть может, сон продолжается?

И еще звук... Никак не удавалось взять в толк: действительно ли я его слышу или это — всего лишь отголосок сновидения?

...А потом раздался звон колокола. Абсолютно такой же, как и в ту ночь... Я скатился с койки на пол. Подтянул к себе найденное накануне ружье, дрожащими пальцами принялся заряжать патроны.

«Бом! Бом! Бом!» — этот звон сводил с ума. Остатки волос на моей голове пришли в движение. Гремело так, будто безумный звонарь пытался заставить сто колоколов звучать одновременно.

На твиндеке загрохотало железом по железу. Заелозили по настилу гибкие, будто ртуть, щупальца. Да-да, я хорошо помню, какими они могут быть быстрыми. Громоздкая тень промелькнула перед иллюминатором, закрыв на миг солнце. Я почувствовал, как по спине заструились ручейки холодного пота. В задрапированной густой тьмой глубине коридора что-то задвигалось, закачались подвешенные к подволоку матросские койки. Я поднялся на одно колено, прижал к плечу резной приклад, мысленно молясь, чтобы ружье, долго пролежавшее без дела, не дало осечки. Что ж, сейчас поглядим, кто это подбирается ко мне осторожными перебежками.

— Спокойно! — послышался громкий шепот. — Это я — Гаврила. Доктор, не стреляй — свои!

Боцман выбрался из тени. Его черная борода топорщилась во все стороны, в широко раскрытых глазах застыло выражение испуга и растерянности. Чтобы Гаврила трясся от страха, как осиновый лист, мне еще видеть не приходилось. Это было не в духе нестигаемого здоровяка. Совсем не в его духе... Похоже, наше дело — труба.

— Их — сотня! — прохрипел Гаврила, опускаясь на пол. — Ты видел? Мы окружены! — Боцман вытянул из-за пояса револьвер, открыл барабан, убедился, что он заряжен, и защелкнул вновь.

— Они пришли за нами? — спросил я.

— Не знаю. — Гаврила опустил лохматую голову. — Их слишком много. На наши души хватило бы половины одной такой машины. А их... погляди сам сколько!

Я затаил дыхание и пополз к ближайшему иллюминатору. Осторожно приподнялся и бросил взгляд наружу. Толком ничего не разглядел: возле скал имела место какая-то возня, будто у подножия шевелился растревоженный лесной муравейник, да еще клубилась пыль. В тот же миг на мостике заскрежетал металл, что-то тяжелое свалилось на твиндек, прокатилось по палубе, а затем перемахнуло через борт.

БОМ! БОМ!

Звон набирал мощь. Теперь он звучал слитно и призывно. Сто колоколов сумели настроиться в унисон. Вслед за этим должно было что-то последовать. Что-то, несомненно, неприятное...

— Ну? Видел? — Гаврила схватил меня за локоть. — Что, доктор, скажешь? Знать бы, к чему вся петрушка!

— Нужно задраить двери, — сказал я.

— Уже задраил, — коротко кивнул Гаврила.

— Эти механизмы слишком объемистые, они не смогут войти внутрь парохода, — не так уверенно, как хотелось бы, произнес я.

— Держи карман шире! — разделил мои сомнения боцман.

Какое-то время ничего не происходило. Колокольный звон заставлял «Дельфина» резонировать от киля до верхушки грот-мачты. Через корабль то и дело перебирались механические цилиндры, но прошел час, а за ним — другой, и их возня на палубах перестала вызывать у нас дрожь в коленях. Механизмы действовали подобно муравьям, бегущим по дорожке из феромонов, не сходя с нее ни на шаг. Корабль на пути был лишь незначительным препятствием — веткой на дороге. Им в голову не приходило, что пароход можно попросту обойти. Наше присутствие для верных слуг «хозяев» либо оставалось тайной, либо мы их абсолютно не интересовали. И то и другое нас с Гаврилой вполне устраивало.

— Торпеда плывет туда, куда ее послали. — Я как мог, так и разъяснил Гавриле причины инертности цилиндров. — Даже если другой корабль находится в более удобном для подрыва положении, торпеда не поменяет мишень.

— Потому что она, как и пуля, дура, — подытожил Гаврила. Он уже распаковал и зарядил свою винтовку, а теперь жевал сухари, которыми ночью предусмотрительно набил карманы.

— Именно.

Мы перегородили коридор в кубрике оббитым железом шкафом. Причем удалось это сделать, не нарушая тишины. На руку сыграла щадящая сила тяжести планеты. Теперь, если механизмы «хозяев» вздумают сунуться внутрь парохода, мы окажем им достойный прием. А в случае чего спустимся в трюм. Пусть попробуют нас оттуда выкурить!

Прошел еще час. От колокольного звона начали болеть уши. Если так пойдет и дальше, мы с боцманом рискуем стать глухими, словно пара горбунов из Нотр-Дама. Я старался использовать время вынужденного бездействия для отдыха: стащил матрац на пол и растянулся на нем в обнимку с ружьем. Гаврила сначала отирался возле иллюминаторов, затем пробурчал что-то в духе: «Не воевать же на пустое брюхо?» — отправился вниз, за мясными консервами, сухарями и вином.

Я не придумал ничего лучшего, как наведаться в кают-компанию. Оттуда открывался вид окрест, а мне страстно хотелось хотя бы одним глазком посмотреть на то, что творится в кратере. Тем более цилиндры прекратили носиться по «Дельфину» час назад.

Кают-компания была залита сочным оранжевым светом. Все здесь казалось каким-то ярким, сдобным, спелым: светло-бежевый ковер на полу, резная мебель, деревянный декор, украшающий стены. Человеку, которому волею судьбы пришлось забыть о благах цивилизации (то есть — мне), этот мещанский шик кружил голову почище роскоши Зимнего дворца. Даже воздух в кают-компании напомнил по цвету и консистенции лимонное желе. Вот только был он затхлым, спертый. На обеденном столе остался ужин, поданный на восемь персон. В бокалах атели остатки вина, блистали серебром столовые приборы. Некогда белую льняную скатерть окрасила в розовый цвет не знающая преград пыль. На тарелках из голубого фарфора темнела ссохшаяся масса. Если я не ошибаюсь, три месяца назад она называлась овощным рагу с мясом и аппетитно пахла. Совсем не так, как сегодня. Я давно догадался: бактерии, отвечающие за разложение, на этой планете хилые — не чета земным, да и мух в Ржавом мире не водилось. Поэтому распад тек неспешно, с особым вкусом.

Я ползком подобрался к иллюминаторам, выходящим на правый борт.

Механизмов «хозяев» действительно собралась тьма-тьмушая. Навскидку даже не скажешь, сколько: полсотни, сотня...

Железные каракатицы водили хоровод. Да-да, я не сошел с ума. Они двигались по кругу, центр которого находился приблизительно в шагах двухстах по правому траверзу «Дельфина». Механизмы пребывали в раскрытом состоянии: металлические органы были выставлены на всеобщее обозрение, ажурные структуры подергивались в непрерывной пульсации, поднимали пыль гибкие щупальца. В момент удара в пресловутый колокол

воздух над цилиндрами начинал дрожать, будто механизмы извергали из утроб вверх волну жара.

А в небе парил десяток летунов. «Хозяева» пожаловали!

Я пригнулся к полу, утопил лоб в пыльный ковер. До хруста сжал пальцы на прикладе охотничьего ружья. С кем бы мне не хотелось столкнуться в узких корабельных коридорах, так это со «стариками» — проворными и злобными, будто крысы, ползунами, рожденными для жизни в норах. Наверное, именно они извлекали людей из закоулков, куда механизмам ходу нет.

Со стороны дверей послышалось суетливое шарканье. Я обернулся и увидел Гаврилу: боцман жестами призывал меня спуститься в кубрик. Отмахнулся от приглашения, указал пальцем в иллюминатор. Гаврила, не пререкаясь, вытащил из-за пазухи пару консервных банок и пузатую бутылку, оставил все возле дверей и по-пластунски пересек кают-компанию. Выглянул наружу и тут же упал на ковер. Зашипел, аки змий, что-то нелецеприятное.

— Чего-чего? — одними губами переспросил я.

— Пулю. Оставь, — прошептал Гаврила, отделяя каждое слово многозначительной паузой. — Одну. Для. Себя.

«Дельфин» накрыла тень; вмиг лимонный свет померк. Это выглядело так, будто солнце внезапно скрылось за снежной тучей.

И сейчас же пароход подбросило ударом невероятной силы. Зазвенело стекло, упали стоявшие на столе бокалы, зажурчало льющееся на пол вино. Я с перепуга нажал на спусковой крючок, мое ружье громынуло, и кают-компания наполнилась пороховой гарью. Гаврила витиевато выругался, я же развел руки в жесте, полном раскаяния. Высказывания боцмана заглушила волна насекомого стрекота, заполнившего чашу кратера.

Мы прильнули к иллюминаторам.

Снаружи, по соседству с «Дельфином», возвышался неведом откуда взявшийся корабль. Я не знал... я только мог предполагать, что это было морское судно и что плавать ему приходилось не в морях Земли. Огромный, сигарообразный корпус, напоминавший очертаниями германскую подводную лодку, исходил паром. Корабль был раз в десять больше «Дельфина» и в размерах мог соревноваться с «Кречетом». Я разглядел срезы многочисленных палуб, четыре мачты одинаковой высоты, какие-то приземистые надстройки, прикрытые со стороны борта выгнутыми щитами. Из-под округлого днища торчали щупальца раздавленных цилиндров. Серебристые псевдоподии подергивались в механической агонии. Остальные механизмы (а их, несмотря на потери, по-прежнему оставалась тьма) прекратили хоровод. Теперь они просто стрекотали, точно летние цикады.

На одной из нижних палуб появилось существо. Я все прекрасно видел — расстояние между нами было не так уж велико, а иллюминаторы кают-компании находились как раз напротив среза чужого корабля. Это существо походило на человека. Оно было прямоходящим, имело две руки и две ноги. Одну голову. Синюю, слоновью голову. И несопоставимо огромные кисти рук. Существо истошно завопило. У нас с Гаврилой прошелся мороз по коже: столько в этом крике было ужаса и боли. Вопль оборвался, объемистая голова создания взорвалась, разлетелась кровавыми ошметками, точно в нее угодил заряд шрапнели. Следом взорвались раздутые кисти рук.

Не успело обезглавленное тело упасть за фальшборт, как на его место выбежало другое существо. Оно заголосило еще сильнее, заметалось по палубе туда и обратно, а затем слепо бросилось со среза вниз. Но прежде чем долетать до земли, рассталось с головой, как и предыдущее. А от удара о грунт труп несчастного и вовсе превратился в тучу карминных брызг, словно был под завязку начинен пироксилином.

События развивались стремительно и непредсказуемо, но до меня быстро дошел смысл кровавой бани: примерно то же самое происходило с нежными созданиями, обитателями океанских глубин, когда их поднимали на палубы кораблей для изучения. Они не выдерживали резкого перепада давления и лопались, как перепившие крови комары.

Так ведь и команда «Кречета» могла разделить эту же участь, окажись атмосферное давление Земли выше, а здесь — несколько ниже!.. От понимания того, какая страшная смерть грозила нам, меня пробрало до мозга костей.

Так или иначе, план «хозяев» нацепить ошейники рабов на синеголовых провалился. Уж не знаю, что хуже — быть рабочим скотом или такая чудовищная смерть. Честное слово, не знаю. Цилиндры прекратили осточертевший стрекот, теперь они бессмысленно извивали щупальца, будто сомневались, что предпринять дальше. Два летуна сумели приземлиться на верхние палубы чужого корабля; меньше чем через час они поднялись в воздух. По-видимому, ни с чем. Пришли в движение остальные летающие машины: они набрали высоту и скрылись из нашего поля зрения. Рев двигателей, внезапно взлетевший от почти неслышимого рокота до оглушительного визга, сказал нам, что летающие машины умчались на предельной скорости. Куда — неизвестно, но главное — подальше от нас.

Еще через час последний цилиндр покинул кратер.

Рядом с «Дельфином» остался безымянный корабль чужаков. Огромный, словно остров. Безжизненный, словно город после черного моря. Теперь они будут соседствовать долгие-долгие годы до тех пор, пока их корпуса не превратятся в ржавую крошку: два корабля, построенные руками двух разных цивилизаций. Злодейски выкраденные, переправленные через космос неизвестным земной науке способом. Две улики против разношерстой банды инопланетных похитителей.

6

Мы двинулись в обратный путь с опозданием в два дня. Только бы наши друзья дождались! Только бы им хватило стойкости и сил, чтобы продержаться в бесплодной пустоши до нашего возвращения! Если бы они знали, каким удачным оказалось путешествие на юг, совершенное мною и Гаврилой!

В заплечных мешках мы несли мясные консервы и сухари, новые портянки, спички и табак. Нашлось в них место бинтам и йоду. У нас появилось огнестрельное оружие. Помимо того мы раздобыли пару ножей из превосходной стали, а Гаврила прикрепил к поясу плотницкий топорик. Во флягах плескалось вино, вода (ее я получил из водки весьма варварским способом) и ядреный спирт. На нас были надеты водонепроницаемые плащи, по два свитера (лишние мы планировали отдать морякам), чистые сорочки и брюки. Мы обзавелись крепкими сапогами и перчатками. Я повесил на шею бинокль.

На «Дельфине» можно было прихватить еще уйму полезных вещей, но мы были уверены, что объединимся с остальными моряками и вернемся сюда — в кратер. И что покинутый пароход станет нашей первой долговременной базой. Первой базой свободных людей на планете ржавых песков.

Убежден, что на борту корабля чужаков отыскивались бы весьма любопытные артефакты. Судя по судну, наука синеголовых была развита никак не слабее человеческой. Но ни я, ни Гаврила не рискнули даже приблизиться к мертвому исполину. Что скрывали отсеки, запачканные кровью и мозговым веществом несчастных нелюдей? Ружья, разящие убийственными лучами? Снадобья, в мгновение ока исцеляющие любые раны? Ни одна человеческая душа об этом не узнает. Корабль синеголовых подавлял и размерами, и чужеродностью. Он нависал над «Дельфином», точно стальной айсберг. Его круглые борта были покрыты чем-то похожим на серую чешую.

— Ну что, пошли? — в который раз спросил я Гаврилу.

Боцман кивнул.

...Тогда мы не догадывались, что видим «Дельфин» в последний раз...

Шуршал под ногами песок, шелкал гравий, катилась дорожка. Мы грызли на ходу сухари, пили вино и воду. Как и в первый раз, переход осилили за два дня, проведя одну ночь в памятных нам ямах. И снова в небо стрелял искрами костер из перекати-поле, а небо стреляло в нас метеоритами.

Благодаря боцману мы вышли точь-в-точь к месту крушения «камбалы». Гаврила обладал исключительным чувством направления. Сам бы я еще день или два блуждал по пескам, и не факт, что нашел бы разбитый летун.

Возле присыпанной песком «камбалы» не оказалось ни души. Мы присели у овражка, в котором однажды довелось укрываться от песчаной бури. Закурили в угрюмом молчании. Разговаривать не хотелось: на язык лезли предположения одно мрачнее другого. Мешки с провиантом, которые мы надеялись вручить морякам, давили в спины потерявшим смысл грузом.

— Может, они не дождались? — обронил боцман.

Принялись искать следы лагеря. Разбрелись в стороны, и вскоре стало ясно, что на днях здесь произошли действительно страшные события.

Вот они — подтверждения наихудших опасений. Как это ни печально. Даже жуть пробирает оттого, сколько их здесь — подтверждений...

Я заметил несколько луж застывшего стеклянистого вещества. Постоял над одной такой, почесал затылок, размышляя: что же это, собственно, может быть? Как будто какая-то энергия заставила песок плавиться и кипеть... Причем на участках с относительно малой площадью. Хоть убей, не припомню, чтобы раньше я видел здесь подобное.

— Доктор! Доктор!!! — позвал Гаврила.

О черт! Не жди радостных вестей, если здоровяк-боцман изволит так кричать!

Так и есть: в одной из сверкающих на солнце луж, распластанное в стекле, словно муха в янтаре, лежало человеческое тело. Покойник был обожжен до неузнаваемости, и только уцелевший фрагмент белой фланелевой рубахи позволял опознать в нем моряка.

— Это Данька Кот, — сказал Гаврила и перекрестился. — Упокой, Господи... По зубам узнаю... Сам ему повывивал...

— Группа, ушедшая на запад! — догадался я и сжал кулаки. Было горько на душе, скверно, отвратно. Опоздали! Сели в калошу! Опоздали!

— Что это за оружие, Гаврила? Что способно расплавить песок?

— Это не пироксилин, — мрачно ответил Гаврила, — не шимоза... Я, доктор, всего-то работаю по морской части. По оружию тебе бы с Северским переговорить.

— Северский!.. — Я нервно заходил туда и сюда. — А где Северский? Может, и его нынче узнаешь только по выбитым зубам?

Гаврила пожал плечами: — Ты, доктор, держи себя в руках! Не девица, чтоб истерики закатывать. Давай искать: может, еще кого найдем.

Нашли: двоих матросов, столь же дьявольски изуверченных. Смерть настигла их одновременно. Очевидно, моряки пытались спастись бегством, но заряд, выпущенный из неведомого орудия, вплавил их тела в стекло и... друг в друга. Они превратились в темную, пугающую скульптуру, которая по драматизму и динамике поз, прости Господи, далеко оставила позади античный «Лаокоон».

И тогда, признаюсь, меня охватило глухое отчаяние. Я грешным делом решил, что погибли все. Ведь если мы не нашли тел отца Савватия, Лаптева и Северского, это не говорит в пользу того, что они живы. Возле разбитой «камбалы» нам делать было больше нечего. Решительно — нечего. Разве что ждать возвращения «хозяев».

Я поднял свой мешок с земли, повесил его за спину. Бросил боцману:

— Гаврила! Возвращаемся на «Дельфин».

Боцман насупил брови:

— Зачем это? — Нужно подумать, что делать дальше, — ответил я сквозь зубы. Мне не хотелось тратить время и силы на разъяснение очевидного. — В живых остались только мы...

— На пробковом матрасе понравилось спать? — спросил Гаврила.

Я сплюнул под ноги, поправил ремень охотничьего ружья. Не понравился мне тон компаньона, очень не понравился. Не понравилось и то, как он глядел на меня: с высокомерием, граничащим чуть ли не с презрением. С чего бы это? По-моему, я не раз

доказывал, что не лыком шит и что университетское образование нисколько не мешает мне тянуть лямку теперешнего существования наравне со всеми.

— Что ты имеешь в виду, Гаврила? — спросил я глухим голосом. — Быть может, у тебя есть план?

7

Смеркалось. Длинные тени протянулись через пустошь. Их отбрасывали отдельно стоящие каменные глыбы. Отшлифованные ветром, подточенные протекавшими когда-то здесь водами, глыбы походили на круглые грибы-навозники, которые французы почему-то называют шампиньонами.

Мы с боцманом лежали в пыли под низкой шляпой такого «навозника» и по очереди припадали к окулярам бинокля. Пригорок, темнеющий на севере, было трудно не узнать. Перед нами на расстоянии в полторы версты находился вал, а за ним — русло канала. На валу заканчивались работы. Видимость была превосходная, и мы с Гаврилой разглядели фигуры вооруженных лопатами людей. Рабы спустились с гребня и растворились среди земляных насыпей, окружавших главное возвышение. Через какое-то время в небо устремилась тонкая струйка дыма: в лагере развели костер.

— Вот, значит, куда привела судьба любезного Георгия Ивановича, — пробормотал я.

— Как думаешь, в этом лагере — наши? — спросил Гаврила, отвинчивая крышку фляги.

— С такого расстояния точно не поймешь...

Гаврила сделал большой глоток, зафыркал, завертел головой, как лошадь.

— Дай и мне глотнуть, — попросил я.

Боцман молча передал флягу. Мы договорились жестко экономить провизию и еще жестче — воду, ведь никто не мог знать, когда удастся по полнить запасы. Я долго боролся с жаждой: не пил с самого утра и поэтому жадно припал к горлышку. В тот же миг глотку ожгло пламенем — я будто хлебнул кипятка! Дыхание перехватило, из глаз ручьями хлынули слезы. Я заперхал, разбрызгивая проглоченное.

— Да тише, ты... — Гаврила схватил меня за шею, пригнул к земле. — Ты чего?

— Это же... спирт!.. — прокашлял я, когда горло немного отпустило.

— Надо же, доктор! Догадался! — саркастично заметил Гаврила. — Смерти моей хочешь! Почему не предупредил?

— Потому что фляга с водой — у тебя!

Я пощупал пристегнутую к поясу емкость. Действительно... Еще неделя или другая среди ржавых пустошей, и я начну пускать слюни и забывать, как меня зовут.

— Поглядеть бы на лагерь вблизи, — сказал Гаврила. — Вот только как это сделать? Подождем, покамест стемнеет.

Мы посмотрели вверх: на небе зажигались первые звезды.

— «Червелицы» никогда не спят. — Я пожал плечами. — И цилиндрам темнота не помеха. Вспомни, как они разделались с Тарасом и остальными беглецами.

Гаврила смахнул с приклада винтовки ружью пыль.

— Стало быть, сделаем так, чтобы заметили нас в последний момент. И... чему быть — того не миновать.

...До полуночи мы блуждали по пустоши, не решаясь приблизиться к валу. Звезды светили старательно, ярко. И все же темень была, что на Земле в новолуние — ни зги не видать. Мы решили углубиться на восток, отойти версты на две от открытого нами лагеря, а затем одним броском добраться до вала.

Наконец настал момент проверить удачу. Мы сняли заплечные мешки, спрятали их под каменным грибом, надеясь вернуться на это место до утра. — С Богом! — Гаврила перекрестился и первым бросился к невидимой в темноте гряде.

Я побежал, взяв правее: как будто нырнул в ночное море. Мы мчали, петляя, словно два

зайца. Кровь шумно плескалась под черепом, и дыхание сбивалось. Каждую секунду я ожидал увидеть вспышку выстрела либо стремительную тень несущегося наперерез боевого механизма «хозяев».

С разбега вклинились в земляную насыпь. Вжались в холодный, оцетинившийся иглами гранитных осколков склон. Замерли, вслушиваясь в ночь, но какое-то время не слышали ничего, оглушенные собственным хриплым дыханием. Я не мог справиться с нервозностью и постоянно поглаживал указательным пальцем спусковой крючок охотничьего ружья. Но было тихо. Лишь что-то ухало в канале: вероятно, какая-то южная живность, облюбовавшая болотистую поверхность обнаженного дна.

Через пять минут мы разделились. Обошли насыпь с двух сторон. Бесшумно, будто нас тому учили, перебрались через нагромождения валунов, кучи щебня и оказались под валом. К счастью, мы рассчитали верно: эта территория была необитаемой.

— Работы — конь не валялся, — пробормотал я, осматривая темную кручу и жмущиеся к ней кособокие холмы. И тут же понял, что слово в слово повторил сказанное Карпом о нашем старом лагере. Понял и содрогнулся от дурного предчувствия.

Теперь мы двигались на запад, точно два коварных змея. По узким тропкам между холмами, прижимаясь к склонам, поглядывая на гребень вала: не чернеет ли на фоне южных звезд силуэт цилиндрической формы? И не было никакого четкого плана: добраться до лагеря и действовать по обстоятельствам. Только бы не подвели глаза, только бы там действительно оказались люди! Если мы найдем моряков с «Кречета», то попытаемся расправиться с охраной, а людей увести через пустоши к «Дельфину». Если в лагере обитают незнакомцы, попытаемся захватить одного из них и расспросить о судьбе Северского и матроса Гришки — они должны были проходить здесь приблизительно неделю назад.

Не бог весть какие планы, но ничего лучшего нам в головы не пришло. Чем сильнее сокращалось расстояние до лагеря, тем настойчивее давало знать нервное напряжение. Я вообще-то хороший стрелок: и зрение у меня отменное, и рука твердая. Но в те минуты я позабыл даже то, каким концом ружья стреляет.

Неожиданно что-то остановило меня. Что-то заставило прислониться к валу, выступающему из ближайшего склона. Гаврила тоже затаился. Звук его легких шагов растворился в тишине.

Валун, к которому я столь трепетно прижимался, зашевелился. Встал на тонкие и гибкие, словно ртуть, щупальца. Цилиндрическое тело слабо засветилось — проявился покрывающий его сложный рельеф и вертикальная вязь серебристых иероглифов на боку. Загудели внутренние устройства, приводящие цилиндр в движение.

Ни живой ни мертвый, я упал на пятую точку опоры. Хорошо, что не пальнул из ружья, как тогда на «Дельфине». «Все!» — подумалось мне.

Цилиндр вытянулся, закачался на щупальцах. Он словно раздумывал, что именно следует сделать с наглецом, нарушившим его покой. Механизм возвышался надо мной, словно водонапорная башня — вроде тех, что можно увидеть возле железных дорог. Затем цилиндр передвинулся вбок и под шорох осыпающегося щебня взобрался на холм. На плоской вершине он втянул в себя щупальца, сжался, превратившись в неприметный бочонок.

Я сидел, обливаясь холодным потом, сердце колотилось так сильно, что едва не выпрыгивало наружу через перекошенный рот.

Меня схватили сзади. Цепкие пальцы вцепились в ткань плаща. Лишь смутное понимание, что это может быть только Гаврила, спасло меня от преждевременной кончины.

— Что стряслось? Где? — послышался громкий шепот боцмана.

Вместо ответа я просто указал ружьем на вершину холма. Гаврила дернулся так, будто по ребрам ему наподдали тележной оглоблей.

— Ядрена вошь! — прошипел он и сейчас же вскинул винтовку. Я поймал Гаврилу за предплечье, надеясь остановить боцмана до того, как грянет выстрел.

— Почему он стоит? — недоумевал Гаврила. — Я держу на мушке...

— А зачем? — Я пожал плечами, удивляясь тому, насколько быстро мне удалось овладеть собой. — Мы — люди. Находимся рядом с человеческим лагерем. Мы не пытаемся бежать в пустыню и ничем не угрожаем «хозяевам». Нас незачем атаковать. Не удивлюсь, если в глазах этого механизма люди — что для тебя стая воробьев! Ничем не отличаемся друг от друга.

— Безмозглая машина! — вновь прошипел Гаврила. — Консервная банка!

Мы осторожно двинулись дальше. Было не по себе оттого, что в тылу пришлось оставить верного пса «хозяев». Кто знает, как он себя поведет через час или даже через минуту? Никто. В том-то и дело...

Далеко уйти не удалось: впереди послышалась возня. Шорохи и бормотание сначала звучали неразборчиво, но потом, по мере приближения их источника, все стало яснее ясного.

Я был потрясен: не ожидал, что среди ржавых песков, под чужим холодным небом могут бушевать человеческие до мозга костей страсти!

По узкой тропинке, что пролежала между холмов, навстречу нам шел какой-то мужик. Перед собой он вел упирающуюся девицу, та отчаянно отбивалась и издавала приглушенные вопли. Мужчина, по-видимому, закрывал ей рот ладонью, а вторую руку держал на тонкой шее. При этом бархатистым баском он бормотал то, что плетут мужчины, желающие овладеть женщиной во что бы то ни стало. Угрозы и грязная брань с легкостью уступали место ласковым словам и униженным просьбам. Но, по-моему, этот недостойный тип мог говорить, что душе вздумается. Хрупкая женская фигурка полностью терялась на фоне утесо-подобного бугая — обладателя роскошной бороды, мощного, словно форштевень броненосца, торса и длинных рук. Такой если захочет, то справится и с пятью барышнями, сколько бы те ни лягались и ни звали на помощь.

Эти двое шли просто на меня! Казалось, смысл их бытия свелся к неравной борьбе, которую они вели друг с другом. Еще три шага, и склоненная голова женщины упрется мне в грудь...

То, что произошло дальше, длилось секунд десять, не более. Но эти секунды подарили мне море ярких и не очень приятных впечатлений.

Я, не придумав ничего лучшего, схватил ружье за ствол. Замахнулся как следует и врезал незнакомцу прикладом между глаз. Мужик выпустил барышню, прижал ладони к переносице и начал плавно, словно Пизанская башня, валиться набок.

Вырвавшись, девица смогла сделать шаг или два, затем она упала на спину, сама себе зажала рот руками и заголосила, глядя на меня:

— Ы-ы-ы!!

И тут я опешил. Привела в ужас мысль, что я мог убить негодяя. Бесспорно, этот здоровенный мужик — сволочь редкая... но мне не хотелось бы уподобляться Гавриле, который сначала крушит черепа, а потом корит себя до полусмерти. К тому же темнота не позволяла разглядеть лицо этого человека. Может, я сейчас избиваю моряка с «Кречета»? Может, даже кого-то из офицеров — ведь среди них были личности с весьма плотным телосложением.

И потому-то испытал облегчение, когда мужик начал стремительно приходить в себя. Сначала он забубнил нечто нечленораздельное, а затем выдернул из-за пояса нож с узким и кривым, словно львиный коготь, лезвием. Но радоваться мне пришлось недолго: увалень прыгнул, распрямляясь в воздухе, подобно пружине, подобно атакующему гепарду. Прикладом я отбил руку с зажатой в ней сталью. Завертелся волчком, пропуская пахнущее крепким потом тело мимо. И сейчас же раздался влажный хруст! На лицо мое, как показалось, откуда-то сверху, с неба, упали горячие капли. Мужик опять оказался на земле. На сей раз было ясно, что он больше не поднимется. Из мрака за моей спиной вышел Гаврила. В свете звезд мокрое лезвие прихваченного на «Дельфине» топорика блестело, как глянец.

— Ты уразумел, кто эти персоны? — спросил он таким тоном, что мое негодование относительно чрезмерного насилия умерло в зародыше.

Гаврила склонился над мычащей девицей. Схватил ее за запястья, рванул вверх.

— Вставай! Ты помнишь меня? Нет? Девица затрясла головой, сверкая переполненными страхом глазами.

— Что это значит? — не выдержал я. — Кто это, Гаврила?

— Не узнаешь? — бросил боцман в мою сторону, затем повернулся к девице. — А ну, убери руки от мордахи!

— Галина! — ахнул я. — А это... это... — Я указал стволом ружья на подергивающее ногами тело.

— А это — один из тех, кто так и не привез ее с подружками в Турцию, — пояснил Гаврила.

— Галина, мы моряки с броненосца, — проговорил я, ощущая трепет в груди. — Вы должны нас помнить. Мы не причиним зла...

— Оставь, доктор! — поморщился Гаврила. — Оставь, оставь... Она позабыла этот язык! Она понимает иное обращение.

Боцман вынул из-за голенища сапога нож. Прежде чем я успел издать хотя бы звук, лезвие легло на скулу перепуганного создания.

— Тихо! — потребовал Гаврила. — Сейчас ты ответишь на мои вопросы, красавица. Ответишь шепотом, но вразумительно. А вздумаешь валять дурочку — срежу мордаху. Будешь черепом голым сверкать. Тебе понятно, мазелька?

Галина часто закивала. Я рассеянно огляделся: лишь темные холмы и звезды были свидетелями того, как низко мне пришлось пасть в этом мире. Я стал соучастником преотвратительного действия и, несмотря на то что сердце мое преисполнилось негодованием, не стал останавливать Гаврилу.

— Сколько в лагере человек? — начал допрос боцман.

— Сро... с-сорок, — ответила Галина.

— Где они сейчас?

— В норах. В ямках. Не троньте лицо, дядя! У меня дите будет!

— Поглядим. Кто охраняет?

— Два багатура, паук-бегунец и Мустафа.

— Что за Мустафа?

— Лохмач он. Мустафой его хозяины прозвали. Сказали, шибко на турка, что гроши им за баб платил, похож. Такой же волохатый и нехристь такая же.

— Ясно. К вам приходили новые люди? Этак седмицу назад?

— Ага. Приходили-приходили, дядя. Двое.

— Двое! Слышишь, доктор: Северский нашел этих убогих! Они здесь, мазелька? Наши друзья сейчас здесь?

— А...а... — захлопала губами Галина. — Одного хозяины схарчевали. А, а...

— Как схарчевали? Что ты несешь?

— Так ведь хозяины завсегда кого-то харчуют. Они человечины только и сыты!

— А второй? Что со вторым? Ну же!

— Погодите, дядя! Не режьте! Мне больно!.. В яме он сидит. На рассвете схарчат.

— Ладно... А это что за птица? — Гаврила наподдал мертвецу по голени.

— Это Алексей Уварыч, боцман он.

Гаврила хмыкнул, почесал бороду рукоятью ножа.

— И часто тебя так... этот Алексей Уварыч?

— Как всех, так и меня, — ответила Галина.

Я перевернул мертвого боцмана на спину. С профессиональным интересом пальпировал мускулатуру груди и складки сальника: этому Алексею Уваровичу явно голодать не приходилось. Крепкий, жирный, здоровый мужик, которому даже хватает (хватало) сил насильничать. Мною овладела брезгливость, я поспешно вытер пальцы об одежду мертвеца. А мы-то с презрением относились к Карпу и его шайке — людям, которые не только не оскверняли себя поеданием человечины, но и научили нас, гордецов, добывать

пропитание в условиях Ржавого мира.

— А теперь ты отведешь нас к яме, в которой сидит наш друг, — приказал Гаврила. — Да так, чтобы мы никому не попались на глаза. Все понятно? И сохрани тебя Бог, чтоб закричать или выдать нас каким иным образом. Ступай, голубушка!

Галина послушно закивала. А цель была уже близка. Ноздри защекотал запах костра; за очередным холмом раскинулся пустырь. Отвал земли на противоположной стороне пустыря озарялся дрожащим светом. Очевидно, в склоне была вырыта пещера, а внутри пещеры догорал костер.

...Эти лишенцы не изменяли своему обычаю селиться в пещерах. Я вспомнил печальную находку Северского возле старого лагеря. Несмотря на то что обвал, случившийся в один несчастливый день, существенно сократил количество людей в их отряде...

— Ну и где она? Где, черт тебя дери, яма? — послышался сердитый голос Гаврилы.

— Да вот она! — ответила наша невольная провожатая.

— Где-где?

— Вот!

— Аххх!.. Ядрена вошь!

Меня словно окатили ледяной водой: я услышал грохот, стук камней и приглушенную ругань. Гаврила как сквозь землю провалился! Недолго думая, Галина брызнула в сторону и почти сразу пропала из виду.

Да что же это творится!!!

— Гаврила! — громким шепотом позвал я. Пригнулся к земле. — Гаврила, ты живой?

Как назло, пустырь накрывала тень вала, и я даже предположить не мог, где находятся проклятые «ямки» и «норки». Сколько ни напрягай зрение, поверхность пустыря казалась гладкой, словно ночное озеро в безветренную погоду.

Грянул душераздирающий вопль.

— Убивцы! И-и-и!!! Убивцы! Прокладываетесь! Сюда!!! Скорее прокидайтесь!

Я испытал соблазн, прости Господи, пальнуть Галине в спину. Прикончить эту дуреху до того, как на меня скопом набросятся и работорговцы-людоеды, и «хозяева», и их смертоносные механизмы. Истеричка вопила так, будто не мы спасли ее из лап насильника, а сами собираемся подвергнуть бесчестию. Я был уверен, что ее крик слышали все кому не лень даже на обратной стороне чертовой планеты.

— Паша! — раздался вдруг тихий отчетливый голос.

— Паша, это вы?

— Северский! Георгий!! — воскликнул я, пятясь к ближайшему холму. Мне показалось, что на другом конце пустыря тьма сгустилась и пришла в движение. Замерцал свет в пещере: скорее всего, кто-то принялся маячить перед костром.

— Георгий, где вы? Держитесь! Я вас вытащу!

— Паша. Послушайте меня... Уносите отсюда ноги. *Немедленно!*

— Гаврила, ты жив? Здесь Северский, забираем его и проваливаем! — Северский прав, уходи, доктор! Нас обвели вокруг пальца. Беги!

— Да что вы заладили: беги-беги! — проговорил, обливаясь потом. — Что я вам — дитё малое?

Теперь-то я видел, что ко мне мчат человек десять — десяток сытых, уверенных в своих силах бородачей. Со стороны вала неторопливо, без особой суеты, *зная, что мне не уйти*, приближались двое «червелицых». Их лицевые отростки источали люминесцентное свечение. В руках они держали алебарды с нелепыми пилообразными лезвиями.

Крепко же мы поворошили в этом дупле с дикими пчелами!

— Обо мне не беспокойся, доктор, — неподалеку (я не мог определить, где именно) клацнул затвор винтовки, — я сумею отбиться. Уходи сейчас же, ну!

— Беги, братец! — подначивал меня Северский. — Беги, голубчик!

Я взял ружье в правую руку, левой вытащил из-за пояса револьвер. Чувствуя себя

второстепенным героем приключенческого романа (то есть персонажем, которого не жалко ни автору, ни читателю и которого ожидает неприятная смерть в первой же серьезной потасовке), заорал, что было мочи:

— Стоять, мерзавцы! А ну — ни шагу дальше!

В ответ на мое требование прозвучала матерная ругань и угрозы. Эти люди и предположить не могли, что один чужак будет для них мало-мальски опасным. Они растянулись, на ходу перестраиваясь в неровный полумесяц, — они не собирались давать мне ни единого шанса ускользнуть.

Я выстрелил им под ноги. Из ружья. Не особенно целясь и не особенно беспокоясь, что тяжелая пуля может кого-то покалечить, а то и вовсе отправить в преисподнюю. Охотничья двустволка громыхнула, словно гаубица. Отдачей едва не вышибло оружие из руки, я еле-еле удержал непослушный приклад. Не помню, чтобы на Земле ружья вели себя так же. Эх, и потешит нас планета ржавых песков сюрпризами. Если, конечно, мы — я, Гаврила и Северский — переживем эту ночь.

Сверкнуло пламя, на миг осветив лица приближающихся людоедов. Как я и ожидал, фонтан из песка и мелкого щебня, подпрыгнувший до звезд, произвел на них должное впечатление. Кто-то бросился куда глаза глядят (но подальше от меня); кто-то упал на землю и заскулил, прикрыв голову руками, а кто-то «загремел» в пресловутые «ямки», коих оказалось полным-полно на этом пустыре.

Да еще Гаврила добавил жару, пальнув из своей ямы в воздух. Северский залихватски засвистел, почуяв, к чему пошло дело.

Людоеды, позабывшие, как пахнет порох, бежали, поджав хвосты, — позорное племя, не заслуживающее того, чтобы называться людьми. Но праздновать победу, увы, не довелось: «червелицы» огласили ночь «китовой песней» и ринулись в атаку, нацелив на меня зазубренные наконечники алебард. Апатию и лень с них как рукой сняло.

Я развернулся и дважды выстрелил из револьвера, целясь в светлые пятна лицевых отростков. У одного из «червелиц» подломились ноги, он упал, по инерции перевернулся через голову и застыл в нелепой позе, в которой могут застывать лишь отдавшие Богу душу. Второй метнулся в сторону, бросил алебарду на землю и дал деру за ближайший холм.

— Трусые! — закричал я, опьяненный азартом боя. — Гаврила, Георгий, они сбежали! Дайте мне знак, я помогу вам выбраться!

— Аххх! — крикнул Гаврила. Застучали осыпающиеся камни, зашуршал песок. — Ядрена вошь... Я сам... Я почти вылез, доктор! Ищи Северского!

— Георгий! — позвал я, озираясь. Было темно, чертовски темно. Как бы самому не свалиться в какую-нибудь яму!

— Сюда! Сюда! — откликнулись на мой зов.

Я упал на колени, повесил ружье на плечо, захлопал ладонью по земле. Вот он — провал!

И тут же мое запястье обхватили толстые, словно сардельки, пальцы. Я не успел удивиться, откуда это у обладателя аристократического телосложения Георгия Северского могли взяться руки каменотеса, как меня уже тащили вниз! Вниз в затопленный непроглядной тьмой провал. Я судорожно рванулся в обратную сторону, выгнул спину так, что от нечеловеческого напряжения затрещали кости.

— Доктор! Доктор! Где?! Куда делся?.. — услышал я удрученный голос Гаврилы. Наверняка боцману удалось выбраться из ямы, и теперь он пытался понять, куда исчез его незадачливый компаньон.

— Гав!.. Гав!.. Помог!.. — Вот все, что я, поглощенный борьбой с людоедом, смог выдать из себя. А тот повис на моей руке и тянул, тянул, тянул! Горячее дыхание коснулось лица: невидимый противник подался навстречу. Рядом с моей головой материализовалась обширная лысина; лысина развернулась, большая, словно глобус, и свет звезд отразился в маленьких глазках, пристроившихся под бронированной плитой плоского лба. На перекошенных губах людоеда клочкотала ярость и слюна, а заросшие жестким,

похожим на свиную щетину волосом щеки непрерывно подергивались.

Рыча сквозь сжатые зубы, я описал левой рукой полукруг и кое-как вывел ее в положение для удара. Хватанул людоеда рукоятью револьвера по похожей на купол лысине. Тот по-бабьи охнул, зажмурился и поспешил опустить голову. Я же не преминул добавить ему по темени! Пока он — змей проклятый — не сполз в глубь ямы.

Пальцы-сардельки, стискивающие мое запястье, разжались. Тяжелое тело загремело на дно. Кажется, я вышиб из этой сволочи дух. Да, черт возьми, — людоед не шевелился.

Я вскочил на ноги, затряс рукой, изведавшей хватку окаянного каннибала. Мышцы сводила судорога, а пальцы тряслись.

— Доктор! Гляди, вот прохвост!

Гаврила и Северский успели одолеть половину пути к пустоши. Увидев меня, они остановились и, преодолев сиюминутные сомнения, повернули обратно. Очень благородно! Северский еле-еле переставлял ноги. Не осилить ему и дюжины шагов, если бы не боцман. Я не видел лица офицера, но даже силуэт его был каким-то полупрозрачным: каждым движением он будто говорил мне, мол, мсье, я не ел семь дней.

Не успел сделать и шагу навстречу друзьям, как уловил краем уха механический стрекот, нарастающий за спиной. Внутри меня все оборвалось. Вот враг, с которым ни за что не хотелось бы сходиться лицом к лицу!

— Бегите! — крикнул я. — Спасайтесь! А я его задержу!

Повторять дважды не пришлось. Гаврила и Северский развернулись и помчали в подбеленную первым рассветным лучом пустошь. Помчали... В глубине души я все-таки рассчитывал на винтовку Гаврилы. Но все шло так, как и должно было идти.

Стрекот за моей спиной перерос в угрожающий скрежет. Подобный звук могла издавать стая голодной саранчи, затягивающая небо над облюбованным полем.

Недолго думая, я отпрыгнул. Взмахнул руками, пытаюсь восстановить равновесие на узком каменном мостике между двумя ямами. Тончайшая проволока, светящаяся, словно нить накала в электрической лампе, рассекла воздух в дюйме от моего носа. Закружила в воздухе огненным арканом, а затем втянулась внутрь гибкого, словно ртуть, щупальца.

Цилиндр наклонился чуть вперед, перебежал ближе — ловкий, быстрый и смертоносный, — затем поднял сразу несколько щупалец, и каждое из них выплонуло по светящейся нити. В этот момент время остановилось: широко раскрытыми глазами я глядел на летящую паутину, отчетливо понимая, что вот сейчас она меня накроет и тогда — пиши пропало!

Ружье и револьвер — их я держал просто перед собой — саданули одновременно. Сквозь грохот прорезалось звонкое «дзонг». Цилиндр отшвырнуло (честно говоря, я сам едва устоял на ногах). Огненные нити переплелись в воздухе. Не дотянувшись какого-то фута до моей груди, они рванулись обратно, словно их отбросило от невидимой преграды. Страж не справился со своим оружием: спутанным нитям не удалось вернуться внутрь щупалец гладко, две псевдоподии оказались расщепленными, а одна из нитей вовсе отсекала добрую восьмушку металлического бока, лишив цилиндр подобающей округлости.

Боевой механизм пошел, как краб. Было не понять, особая ли это тактика или же я повредил «жестянке» узлы, отвечающие за координацию движений. Не теряя времени, я разрядил в цилиндр револьвер. «Дзонг! Дзонг! Дзонг!» — выбили пули незатейливую чечетку. Механизм рухнул в одну из ям, завертелся на дне, стреляя в небо электрическими искрами и что-то бормоча на чужепланетном языке.

Я запихнул дымящийся ствол револьвера за пояс. Переломил ружье, вытряхнул под ноги гильзы. Сделал это, одновременно разворачиваясь лицом к пустырю. Я ожидал, что людоеды успели малость оклематься от испуга и, быть может, сдуру решили пойти на меня снова.

Рука с зажатым в пальцах патроном застыла у пояса. Я с опаской наклонился, положил ружье на землю, а рядом с ним — и револьвер. Так же медленно распрямил спину и поднял руки вверх. В правом кулаке я еще сжимал патрон — вещь, нынче абсолютно бесполезную.

Передо мной стояли, чуть покачиваясь на напряженных щупальцах, шесть цилиндров. Они поигрывали в воздухе огненными нитями, как будто примеряясь для удара. Очень походили эти гады на глубоководных рыб, приманивающих собственной люминесценцией прочих доверчивых обитателей морской пучины. Я сплюнул в темноту, улыбнулся бесстрастному неприятелю, радуясь тому, что даже в момент смертельной опасности мой мозг не утратил способность мыслить образно.

Цилиндры перестроились. Слаженность их движений вызвала бы зависть у любого унтер-офицера, собаку съевшего на муштровке новобранцев, рекрутированных в дальних губерниях...

А вот и сам унтер-офицер: за железными каракатицами возник силуэт, который по незнанию можно было назвать человеческим. «Человек» брел в мою сторону, и скупой свет звезд отражался в волнах шерсти, умащенных особым секретом. Я до крови прикусил нижнюю губу: ко мне приближалась «шуба» — этот поганый лохмач, прозванный Мустафой. Я не мог позволить себе дрожать, я слишком далеко зашел, чтобы прятаться за завесой страха и паники. Я больше не жертва, теперь я — солдат. И пусть на этой Богом проклятой планете меня по-прежнему считают животным, пусть: ведь отныне я — волк, пришедший из пустоши.

В нос ударило особое, кислое зловоние «хозяина». Я крепко, по-матросски выругался: отчего-то мне стало ясно, что бестия боится куда сильнее, чем мог бы ее бояться я.

8

Пустырь был изрезан вдоль и поперек траншеями, продырявлен шурфами с крепкими, будто схваченными цементом, стенами. Сейчас, когда восток засиял начищенной медью, мне стало ясно: это — не просто так, это — археологические раскопки.

С ума сойти! Кто же занимается у нас «чистой наукой»? «Шубы»? Или работоторговцы-каннибалы с Земли?

Ветер гонял среди ступенчатых раскопов и обнажившихся фрагментов строений рыжую пыль. В другое время это место привело бы меня в восторг, абсолютно верно — в другое время, никак не теперь. Мне целились в живот моим же револьвером. Руки были связаны, и все, что я мог ими сделать, — только ущипнуть себя за зад, да только зачем?

Будь что будет!

Положения не исправить. Хотя цилиндры разбежались на свои посты, что те тараканы, я остался на попечении племени людоедов и «шубы» Мустафы. Отчаяние незаметно переросло в апатию. Меня постоянно о чем-то спрашивали, я же не размыкал губ. Меня разглядывали со всех сторон, будто экспонат в кунсткамере. И мужики, и бабы их безумные. Они вели себя подобно диким маори, захватившим в плен упитанного европейца.

— И откуда вы такие беретесь? — беззлобно спросил один из трех сытых здоровяков, приставленных ко мне в качестве охранника. — Сначала тот пришел, потом этот...

— Будь у меня ружо, дык и я б повоевал, — мечтательно проговорил второй.

Лысый, как колено, кряжистый малый отобрал у меня плащ и свитер. Теперь он щеголял трофейной одежкой, курил мои папиросы, которые отыскал во внутреннем кармане плаща, и умело поигрывал моим револьвером. Но на лысого я сильно не обижался: с ним мы мерялись силой минувшей ночью, и этого человека я едва не пришиб. Теперь уныло-одинаковый рельеф его черепа разнообразился двумя шишками насыщенного фиолетового цвета.

— Так и у нас на пароходике винтовки были, — ответил ему третий — широколобый мужик с детским лицом и позорной бороденкой, растущей клочками. За его поясом притаился топор с широким лезвием — наверняка таким удобно было колоть дрова и раскраивать головы. — Не шибко они нам помогли, винтовки-то наши.

— Эй, земля! Где раздобыл оружие, а? — спросил меня первый.

Я повесил нос. Промолчал.

— И сколько вас таких — призраков из пустыни?

Я вновь — молчок.

— Не отвечаешь... — обиделся лысый. — Погоди-погоди, Мустафа-ага тебе быстро язык развяжет! Он по этим делам — мастер. И заметить не успеешь, как выложишь все подчистую. Даже то, чего знать не знаешь.

— Послушай, братик, — обратился ко мне обладатель детского лица. — Пока Мустафайчик за тебя не взялся, рассказал бы братьям православным, где, тудыть твою, оружия набрал. — Он бытро огляделся и продолжил тихим голосом: — Мы — ребята крепкие, нам бы оружия!.. Мы бы эту шайку нелюдскую в бараний рог скрутили. Христом клянусь, братик, скрутили бы!

Я поглядел в глаза выродку. В его маленькие мутные буркала. Ничего не ответил. Нет, пусть сей змий-искуситель меня за простака не держит. Я не былинный герой, и если меня станут пытаться, то рано или поздно расскажу нелюдям о «Дельфине». Но не так. Не так просто.

— Тыфу! — не выдержал клочкобородый. — Вытаращился!

— Ты взаправду подумай, паря. — Первый вполсилы врезал мне по ребрам. — Нужно, чтоб твою тайну выведал Мустафа? Нужно?! Мустафа-то что? У Мустафайки забот — полон рот. Его «крепостные» должны работать, быть сытыми и ни о чем дурном не помышлять. Как только он выяснит, где оружие схоронено, в момент нагонит «ходунов», и те уж превратят стволы обратно в руду. А вот если бы мы узнали первыми... Смекаешь? Ты смог бы даже бежать, — он подмигнул мне сначала левым глазом, а затем правым. Наверное, для пущей убедительности. — Чего не случилось в этих поганных местах? Сторожа зазевались — и пиши пропало. Был человек — нету человека. Верно я говорю, ребята?

— Верно толкуешь, Степашка, как по написанному, — согласился лысый. — Ух и врезали бы, не сумлевайся! — Он закрыл глаза и легонько присвистнул. А затем договорил: — Мы — люди вольные. Нас, как волков, — сколько ни корми, все равно в лес глядим. А дружба с этими кикиморами эх и накладная выходит!

— Тише вы! — вдруг оборвал приятеля обладатель детского лица. — Ни полслова! Молчок!.. Прошелестели легкие шаги.

— Галинка! — Мой первый охранник (как я уже понял, звали его Степан) похотливо заулыбался. — А я грешным делом решил: схарчили тебя! — Не, — слышался беззаботный голос молодой женщины. — То Нинку-Бородавку схарчили. А меня не схарчат.

Галина встала передо мной. Секунду она разглядывала меня сверху донизу, потом что-то промурлыкала под нос и подсела к стражам, подобрав под себя ноги и выставив в мою сторону голые ободранные коленки.

— Схарчат-схарчат. Непременно схарчат, — поддержал первого обладатель детского лица. — Посмотри, какие бока жирные! Какой зад круглый! — Он хватанул Галину пониже спины, и та с готовностью взвизгнула.

Лысый затрясся от беззвучного хохота. Револьвер заплясал в упитанных лапах, и я поежился, ожидая, что сейчас в темном дуле вспыхнет пламя. Нет, я не питал особых надежд относительно своего будущего, вот только умереть все равно хотелось... как можно позже.

— Она права, — первый страж потер ладони, — бабу с таким задком было бы обидно схарчить. Галинка — девка хорошая, — пояснил он мне, — со всеми мила. Хочешь, и тебя приласкает?

Я презрительно поджал губы. Нашли, кем соблазнять! Давно не мытой худосочной девицей с мозгами крольчихи. Кто я — круглый дурак по-ихнему?

— Не желает! По роже вижу — не желает, — лысый оскалился. — Давайте-ка лучше мы его схарчим!

Галина поморщилась.

— Будет вам! — с покровительственными нотками в голосе обронила мерзавка. — Озорники! Он — хороший. Он — до-охтор...

— Доктор? — поинтересовался лысый. — Авось черепушку мне подлечит?

— Доктор? — оживился первый. — Ах, доктор!

— Раз доктор... стало быть... должен знать, почему наши мрут, — задумчиво проговорил обладатель детского лица. — Идут до ветру, а потом... потом... — Он побледнел, насупился и не смог закончить фразу.

Я поднял глаза на этого типа. Поглядел пристально, ощущая, что внутри просыпается любопытство. Что такое страшное происходит в лагере, о чем не может говорить вслух прожженный негодяй: работороговец, убийца и людоед? Какая кара Божья свалилась на головы этих лиходеев?

— Идут до ветру, и кровь у них задом выливается, — продал секрет лысый.

Все четверо быстро перекрестились. Надо же — богобоязненные нашлись!

Я продолжал молчать.

И у четверки желание болтать тоже куда-то подевалось. Галина зашмыгала носом; лысый принялся задумчиво поигрывать револьвером, глазенки под бронеплитой лба остекленели, словно их обладатель употребил добрую дозу морфия.

— Я... я отойду, — сказал Степан приятелям. — До ветру нужно... — объявил он жалобным голосом.

— На всякий случай — прощай! — сказал обладатель детского лица, подергивая бороденку.

Галина прыснула в ладошки, лысый захохотал. Я и сам едва уберег бесстрастную мину — пущего пафоса со времен показа «Жизни за царя» в Большом театре мне лицеизреть не приходилось. Весело у них здесь, ничего не скажешь!

Мой доблестный сторож разразился проклятиями в адрес всех и вся. В сердцах махнул рукой и двинул скорым шагом за ближайший отвал земли.

— Что за «ха-ха»? — проревели за моей спиной. Я скосил глаза и увидел крупного человека (черт, они все были как на подбор, как тридцать три богатыря!) с лицом, скрытым густой иссиня-черной бородой, словно разбойничьей маской. Его темные глаза метали молнии. — Это что за смех на посту, акулий корм?

— Капитан! — шепотом бросил мне лысый. — Злитесь малость!

— Тащите эту мразь сюда! — приказал чернобородый капитан. — Мустафайка беседовать желает.

Я поднялся на ноги. Захрустел ноющими после ночного боя костями.

— Сам ты мразь поганая, — сказал я, глядя прямо в горящие злым огнем очи. — Все вы здесь... Но я сделаю вам подарок. Расскажу, почему вы мрете один за другим в собственных испражнениях. — Я повернулся к обладателю детского лица: тот вцепился обеими руками в позорную бороденку и принялся ее терзать. — В Древнем Китае существовала такая изощренная казнь — человека кормили лишь вареным мясом, и через какое-то время его внутренние органы превращались в труху. Такое питание — смерть для человека. Смерть коварная, смерть страшная, как вы могли убедиться на своем опыте. В старом лагере мы справились с бедой при помощи чеснока и пьяной ягоды. Не знаю, найдете ли вы пьяную ягоду в этих широтах. Выглядит... выглядит, как невысокий куст с голыми жилистыми ветвями красноватого цвета, ягоды растут на нижних ветвях, часто они бывают присыпаны землей. Куст можно разыскать среди холмов, часто — на внешней стороне вала.

— Ты все сказал? — с угрозой спросил капитан.

— Нет.

Я поглядел на Галину. Та оробела: втянула голову в плечи, сунула ручонку в рот и принялась грызть ногти.

— Говорят, — обратился к ней почти ласково, — что глаза — зеркало души. В большинстве случаев это действительно так. Но только не в твоём.

Теперь можно было перевести дух. В воцарившейся тишине я услышал, как стучат лопаты на валу, как шуршит песок и вздыхает ветер в пустоши. Как гулко бьется мое сердце.

— Чего-чего? — не поняла Галина.

— Сдается, обложил он тебя, — пояснил ей лысый. — Только шибко уж мудрено.

— Осторожно, сударь, ступеньки...

Ступеньки, ступеньки... Стертые, мелкие какие-то, нога едва помещается. Но высокие. Оступиться здесь — сущий пустяк. Сразу ясно: никто не предполагал, что по ним будут ходить люди.

Меня заставили спуститься в один из раскопов — траншею, рассекающую пустырь перед валом на две неравные части. Я оказался в узком проходе, зажатом с двух сторон гладкими стенами. Здесь я обнаружил вход в помещение, которое поначалу принял за блиндаж, но на деле оно оказалось «тамбуром», предваряющим спуск под землю. По каменной лестнице, не приспособленной для человеческих ног.

Я спускался ниже и ниже. За спиной натужно дышал сопровождающий — человек с детским лицом и клочковатой бородой. Утренний свет померк, однако темнее не стало. Я четко видел каждую грань, каждый стык блоков, использованных древними строителями. В конце концов мне стало понятно, что материал этих блоков — не совсем камень; камень не светится матовым светом, озаряя путь идущего человека, и не тускнеет сразу у него за спиной. Это что-то умное и чужое. Черт! Слишком чужое, чтобы быть понятным случайному пришельцу из века паровых машин и телеграфа.

Сквозь шлифованную поверхность блоков проступали причудливые письмена и рисунки. Да-да, не *на* блоках, а именно *сквозь* их тщательно обработанные стороны, как проявляется мир сквозь запотевшее стекло, когда ты едешь в карете, а снаружи — ноябрь, стылые сумерки и моросит дождь. Со стен меня обмеряли надменными взглядами существа с человеческими телами и звериными головами, подозрительно похожие на древнеегипетских богов. Кажется, они не имели ни малейшего отношения к нынешним «хозяевам» планеты красных песков. Ровные ряды иероглифов текли слева направо и справа налево поверх взирающих на меня зверолодей.

Здесь было чему удивляться. Но только не мне и только не сейчас.

Наступил момент, когда в нос ударила особая тошнотворно-кислая вонь «шубы». Я почувствовал в груди давящий холод. Словно из меня вынули сердце, заменив его не подходящим по размерам остроугольным осколком льда. Ступени заершились.

— Дальше пойдешь один, — сказал охранник. — Не пожелал говорить с нами, а зря. Сейчас поймешь, братец, что зря.

Я почувствовал, как к запястьям плашмя прикоснулось холодное лезвие. Веревка, врезающаяся в мясо, ослабла. Осторожно обернувшись, я увидел, что охранник прячет в карман бритву. Ее он прикарманил, когда делил с друзьями мои пожитки.

Удастся ли мне отнять сувенир с «Дельфина» и перерезать людоеду глотку под общипанной бородашкой? А затем — себе, если так ляжет карта? Все равно терять нечего: там впереди ждет «шуба».

— Давай без шуток! — предупредил провожатый, пятясь. Догадался, какие мысли роятся в моей голове. Умник.

Ладно. Судьба заставляет меня пройти по каждому из кругов этого ржавого ада. Ладно, поздно вешать нос. Роль гордого воителя, которую я выбрал, писалась не для меня, но я доиграю ее до конца.

Я собрал волю в кулак и ступил на вымощенный серой плиткой пол.

Кажется, такие подземные помещения называют криптами. Вырубленные в скале потайные святилища, усыпальницы или что-то в этом духе.

Трапезиевидные, сужающиеся наверху стены. Узкий луч света, проникающий через оконце в своде, лежит на расколотом алтарном камне. Всюду пыль и черепки.

Цивилизация Ржавого мира давно канула в небытие. В Ржавом мире больше нет жизни; только боль, отчаянье и смерть.

Мустафа стоял ко мне спиной. И он не был готов к этой встрече.

С хрустом буро-рыжая «шуба» натянулась на украшенный костяным гребнем хребет «носителя». Наполовину скрылся под плешивой складкой «воротника» черный пузырь черепа. Краем глаза я успел заметить, как что-то бесформенное, что-то многоногое и склизкое нырнуло под «шубу». Это быстро, но без суеты отвратительное существо обрело свое извращенное единство.

Шерсть взыграла волнами, кожа взбугрилась внушительными шишками, часть из которых тут же опала; послышалось утробное урчание. У меня сложилось впечатление, что под «шубой» среди костей «носителя» возится, не желая уступать друг другу насиженных мест, паукообразный ливер.

Но вот волнение улеглось. Мустафа медленно, будто спросонья, повернулся ко мне. Разбросанные по всему шерстистому телу глаза влажно и пытливо блестели.

Глаза старого, усталого палача, призванного к топору в выходной день.

Сапфирные фасетки «носителя», напротив, были не выразительнее стеклянных стразов, которыми модницы из бедных дворянских семей украшают бальные платья.

Пустые глаза бездушного насекомого.

Он двинулся ко мне, оставляя на полу слюдяные следы. Нет, не шагом. А, черт побери, как рояль на колесиках он двигался... Будто под мохнатыми «полами» скрывались бесшумные шасси.

— Чего тебе нужно? — спросил я, задыхаясь. Непроизвольно попятился, но на том месте, где только что был проход, оказалась стена. Досадная неожиданность... Я оказался в ловушке наедине с чужепланетной бестией.

Стараясь не дышать густым зловонием, от которого вышибало слезы и резало в глотке, я предпринял последнюю попытку уйти — вдоль стены на противоположную сторону зала. Буду бегать по кругу, пока хватит сил...

Но ноги неожиданно отказались слушаться. Колени подогнулись. Вес тела, который на этой планете я давно перестал брать в расчет, одновременно обернулся непосильной ношей. Я прижался лопатками к стене, сполз на пол. Грузно сел, вжал голову в плечи и обреченно посмотрел вверх...

Глаза застилали горячие слезы. Сквозь поволоку я увидел, что Мустафа возвышается надо мной — темное и вонючее, злобное чудовище из кошмарного сна.

— Чего тебе нужно? — снова прохрипел я, тратя остаток сил на бессмысленный вопрос. Вряд ли тварь снизойдет до беседы, едва ли она вообще понимает язык людей. Я же здесь, в крипте, что та мелкая рыбешка, которую лавочники бросают живой на потеху своим разевшимся котофеям.

«Полы» «шубы» разошлись. Из шевелящейся глубины вылезли две хрупкие трехпалые лапки, покрытые прозрачной кожей. Лапки вцепились в плешивый «ворот», задрожали от напряжения, вытягивая наружу тщедушное тельце. Уродец выбрался «хозяину» на плечо: отчасти он походил на низшего примата, но весьма... весьма отчасти.

Не успел я понять, что оно такое — низвергнутый эмбрион, симбионт или же один из независимых внутренних органов, — как существо свалилось мне на голову.

Вот те на!

Внутри него что-то булькнуло, что-то хлопнуло. Я бы не удивился, если бы эта немощь растеклась, как разбитое яйцо. Но нет — существо вцепилось лапками в остатки моих волос, повисло возле правого уха, флегматично побалтывая сегментным хвостом перед моими выпученными глазами. От тельца шло осязаемое тепло и — будь я проклят — мерзкое, постыдное тепло действовало словно внутривенная доза успокоительного. Я захотел смахнуть розовокожую дрянь на пол, но не смог поднять рук выше груди. Я собрался стряхнуть ее, мотнув головой, но не тут-то было — мерзость цеплялась за волосы не слабее заправского паразита.

Между пальцев одной из лапок натянулась тончайшая мембрана, превратив конечность в подобие зонтика.

И кожистый зонтик застыл прямо перед моим правым глазом. В сетчатке тут же

заколело, окружающий мир стал стремительно заполняться серо-желтой мглой. Я поначалу силился отвернуться, но вскоре пришлось сдаться. Силы покидали меня; с какой-то отрешенностью я понял, что больше ничего не вижу и не могу пошевелить даже мизинцем.

«Хозяин» заухал.

Смеется? Едва ли... Торжествует? Быть может... Сожалеет? Куда уж там...

Значит, все-таки... разговор. Или какой иной акт вербального общения.

Но если так, то каким образом, дьявол побери?..

Для меня в уханье Мустафы — смысла не больше, чем в звуках, издаваемых трюмной помпой. А жалкий уродец, висящий на волосах, тем временем прижался к щеке теплым склизким брюшком. Он чувствовал себя как дома. Я скривил губы, опасаясь, как бы существо не влезло в рот задней лапой. Радуйся, гаденыш, что я пошевелиться не могу! Иначе быть бы тебе размазанным по полу тонким слоем!

Неожиданно я понял, что разговор между мной и «хозяином» уже происходит.

Это случилось вдруг, я даже не сообразил, что к чему. Словно включился беспроводный телеграф, объединивший наши сознания. Через устье открывшегося канала было не пропихнуться эпистолярной прозе, слишком уж узким оказалось оно. Но короткие, рубленые мыслеобразы устремились в обоих направлениях — от Мустафы ко мне и в обратную сторону. И были они невероятно яркие и разнообразны. Лохматая бестия, ухая, принялась выкачивать из моих извилин все, что ее интересовало.

«Хозяин» стал мной, и он просто вспоминал. Вспоминал, кто я, откуда, зачем здесь объявился и какую опасность могу представлять для его богомерзкого племени...

А я, недолго думая, начал тянуть из Мустафы то, что было нужно мне.

...Первичная жижа бурлит, взволнованная приливом четырех щербатых лун. Мне не понять: день ли сейчас или ночь. По крайней мере, солнца не вижу. Все вокруг серое: серые волны, серые скалы, торчащие из бурлящей бездны, серое небо и даже луны серо-серебристые. А пятна на них — черные-черные, как чернильные кляксы.

Если погрузиться в первичную жижу, уйти с головой, то окажешься в мире неподвижном и безмятежном... впрочем, головы у меня нет... или это тела нет, а вместо него — одна голова. Я плыву, раскрыв лепестки челюстей, к манящему зеленоватым свечением облаку крыля...

Я — всего лишь часть от целого. Личинка, которой в будущем суждено стать вместилищем сознания...

Разум «шубы» был для меня что капля воды под микроскопом. Сумрачный нечеткий мир, заполненный тенями и полутенями, аквариум, кишачий прожорливыми порождениями хаоса.

«Шуба» не сразу поняла, что лишенная воли, парализованная жертва... смеет копаться в мыслях «хозяина». Не заметить это было невозможно, а вот поверить... Да-да, я сам изумился такой способности, а Мустафа вовсе оказался редким тугодумом. Когда же он наконец осознал, что и я могу вспоминать за него (мемуары бестии, надо заметить, не доставили мне ни секунды удовольствия), то пришел в столь дикий ужас, что едва не рассыпался на составные части. Мой миокард тоже чуть не лопнул по швам, ведь в тот момент мы с Мустафой чувствовали и мыслили почти одинаково, поэтому в какой-то мере оказались в похожем плачевном положении.

Мустафайка запаниковал. Да и как ему было не паниковать? Ведь сейчас в этом подземном зале, построенном много тысячелетий назад древними повелителями красной планеты, проклятая раса «шуб» впервые столкнулась с существом равным по интеллекту или даже находящимся на более высокой ступени развития. Мустафа был раздавлен и унижен. Он боялся (да, боялся) меня и раньше — до того, как нашим сознаниям довелось слиться воедино. Он видел, какой винегрет я сделал из «непобедимой» живой машины; он видел, как легко я одолел могучих союзников — двух воинов безликой расы с непроизносимым человеческим языком названием. Он все видел и поэтому страшился встречаться со мной

тет-а-тет, в сумраке крипты. Но он решился: вооруженные винтовками призраки ночных пустошей представляли слишком серьезную угрозу для лохматой и «червелицей» братии, а также для *их общего дела*. Врага требовалось узнать ближе. И сделать это было необходимо во что бы то ни стало.

...Пуля, летящая быстрее звука, пуля, утратившая в Ржавом мире половину своего веса, но сохранившая массу до миллиграмма. Пуля пробивает листовую броню боевого механизма (та предназначена противостоять совершенно иному оружию, принцип его действия мне неясен... что-то связанное с излучениями высокой энергии) и крушит хрупкие металлические органы. Точнейшую механику и электрическое оборудование превращает в хлам... один цельнометаллический цилиндр. Одна пуля...

Но вот незадача: вышло так, что это я познал своего врага. Это я в результате соития разумов получил выгоду, несоизмеримо большую, ведь «шубы» использовали людей в качестве рабов не один месяц и приблизительно знали, из какого теста они сделаны, для меня же природа «хозяев» и их цели по-прежнему оставались тайной.

...Я вновь слышу грохот охотничьего ружья. Пуля входит в круглый бок цилиндра, высекая оранжевые искры, и боевой механизм лишь вскидывает щупальца в человеческом жесте отчаяния. Железный вепрь пустыни повержен. Я вскидываю ружье, прижимаю приклад к плечу, щурю левый глаз, задерживаю дыхание и плавно жму на спусковой крючок... Стремительный летун, захлебываясь ревом двигателей, мчит к земле. За ним тянется шлейф жирного дыма. Дальнейшая судьба летающей машины меня не заботит. Я поворачиваюсь, словно платформа башенного орудия, и вижу, что мчит, атакуя, сакральная пара отважных «червелицых» воинов-монахов. Зазубренные наконечники ритуальных алебард смотрят мне в живот... но куда благородному древковому оружию против адского ружья?

...Пароход «Дельфин» покоится на дне кратера... Облизанная подземным пламенем базальтовая гора... Нет, ошибка. Не старый вулкан, а след, оставленный метеоритом... В трех переходах к юго-востоку от нынешнего моего местонахождения.

...Я вновь слышу грохот охотничьего ружья...

...Орудия «Кречета» крушат горы. Вздываются до туч безобразные грибы взрывов, и темно-бурая пыль застилает небо. Тяжелые двенадцатидюймовые снаряды, начиненные пироксилином, пронзают близкий горизонт, они перемахивают через континенты, и спастись от них можно лишь в самых глубоких, самых древних подземельях либо на других планетах...

Мгновения, мучительные для нас обоих, текли неторопливо, превращаясь в призму субъективного восприятия в годы и десятилетия. Настал момент, когда Мустафе удалось овладеть собой. Ланцет его разума снова стал острым и целенаправленным. Мустафа возобновил вивисекцию моего «я», со знанием дела перебирая запутанные узлы нейронных связей. «Хозяин» смог абстрагироваться, отбросить второстепенное, свой животный страх, в том числе и теперь старался докопаться до главного. Он принял неожиданное решение узнать: какая такая планета плодит опасных уродов, обладающих высокоорганизованным разумом и примитивным, но действенным в условиях Ржавого мира огнестрельным оружием.

Я в свою очередь жадно впитывал то, что мне удавалось почерпнуть из наполненного тьмой и злобой чужепланетного разума.

В общем, я вел себя словно голодный бродяга, который по иронии судьбы очутился на адмиральском банкете и теперь старается схватить из той тарелки и из этой, а затем — из двух рюмок одновременно...

...Две чужеродные цивилизации, два разных народа, две непохожие друг на друга расы. Чужеродные мысли, чужая анатомия, чужая биология. И нет ни одной точки соприкосновения. Лишь страх и ненависть — на двоих. Как всегда. Как случилось не раз на

Земле. Как, оказывается, повсеместно происходит в космосе. Но почему?..

«Хозяева» добывали рабов на дюжине планет. Трудно поверить, но им не приходилось бывать ни на одной из них. Они действовали точно рыбаки, закидывающие невод в темную воду. Они вытягивали на песчаный берег новую партию страдающих от помутнения рассудка, беспомощных людей и нелюдей. А откуда эти создания, под каким солнцем родились, для «шуб» и остальных было не суть важно.

Главное, чтобы они могли кидать землю.

Так продолжалось до сегодняшнего дня.

На беду Мустафы, мои познания в астрономии были поверхностными. «Шубе» удалось вывести с гульки нос: люди — обитатели планеты, которую они называют Земля, что это небесное тело имеет один спутник и является третьей по счету планетой от центрального светила... Какое солнце? Желтое, ослепительное. Какое еще? Двойное или тройное? Одинарное, кажется... но не факт. Сколько планет в системе? Семь... скорее всего.

«Хозяин» тщетно буравил мой разум, силясь отыскать в его глубинах какие-то цифры, координаты или еще черт знает что. На мое счастье, в астрономии Мустафа был такой же профан, как я, только смотрел на задачу шире и под иным, недоступным мне ракурсом. При этом ум чужепланетянина не обладал гибкостью, присущей большинству людей. Мою версию о том, что Земля может находиться в той же звездной системе, по соседству с Ржавым миром, он почему-то отмел сразу как самую невероятную... Боже, как все-таки повезло, что в лапы «шубы» угодил именно я, а не штурман «Кречета»! Для меня рисунок звезд — китайская грамота, для Мустафы, кстати, тоже. А вот для штурмана Купелина, собаку съевшего в изучении движения небесных светил, эти премудрости не сложнее таблицы умножения. Сам того не желая, он растолковал бы «шубе», в каком созвездии сияет наше солнышко, и тогда...

Тень проползет через пустоту космоса, окутав в конце концов земной шар. И тогда... Океаны вскипят, плодородные земли превратятся в пустыни, а пустыни — в долины мутного стекла. И тогда... участь людей будет...

...не веселее участи трески, угодившей на сковородку, если говорить прозаически.

Вот так. «Хозяева» не были намерены делить космос с расой чужепланетян, могущей устроить показательную вендетту.

Но поскольку в переделку попал «приземленный» судовой врач, а не штурман Купелин, «хозяин» решил подойти к поиску с другого бока. Неугомонная тварь! Имелось у него кое-что еще, чем можно было удивить человека.

Мустафа стал показывать виденные им через неведомый прибор за долгую (долгую?) жизнь планеты, надеясь, что чувства выдадут меня, когда я узнаю родной мир.

Перед внутренним взором возникали и исчезали красивейшие космические пейзажи: сферы, затянутые облаками, освещенные золотистым светом похожих на Солнце звезд. Такое невозможно увидеть ни в один телескоп, даже в самый мощный. Я же смотрел, как резвятся циклоны над серо-синими океанами, как проплывают узорчатые долины и как чужие леса приветливо зеленеют сквозь проплешины в облачном покрове. От зрелища захватывало дух. Я даже на время забыл, где нахожусь и что со мной происходит. Мне довелось наблюдать парад планет в прямом смысле этого выражения!

Но и здесь Мустафу поджидала неудача. Я ведь понятия не имел, как выглядит Земля из космоса. Хоть убей, хоть ты тресни, а в наше время люди покидают планету только в фантазиях Жюль Верна и Герберта Уэллса.

«Шуба» сконфузилась окончательно. Следующая мысль «хозяина» была выражена столь очевидно, что я понял ее от начала и до конца.

«Что за уроды такие?! — вопрошала „шуба“. — | Научились создавать совершенные в своей простоте и эффективности орудия убийства, однако до сих пор не способны выйти за пределы атмосферы препаршивого, затерянного в космосе мирка!»

Недоумение бестии было отчасти справедливым. Я не раз наблюдал, как крестьяне в

моих деревнях обрабатывают землю. Они трудились, применяя те же методы, те же орудия, что их предки во времена Ивана Грозного. И это в начале двадцатого века, когда на верфях строятся корабли класса «Кречета», напичканные самыми совершенными механическими и электрическими приборами!

«Кречет»... Плавающая крепость, заброшенная в безводный океан каменистых пустошей чужой планеты. Последняя стоянка... Две трубы возвышаются над рваным лабиринтом пересохиших речных русел. Скальные помосты, когда-то бывшие островками, подпирают крутые борта. «Кречет» находится... на севере, в двух неделях пути ...

Спасибо, гадина!

Я разлепил веки. Внутри правого глаза еще сидела тупая боль, но теперь я снова был зрячим.

«Хозяин» как-то жалобно хрюкнул и отодвинулся. Оболочка из чужепланетных флюидов, окружавшая его, поредела. Невидимая сила, что принуждала меня, человека, стоять на коленях перед косматой образиной, ослабла. Зато смердеть от чудища стало сильнее. Куда сильнее, чем прежде.

Что-то горячее затрепыхалось возле уха, тонкие коготки заскреблись по щеке и подбородку. А я-то успел забыть о паразите, посаженном мне на голову...

Поднял руку (к счастью, способность двигаться тоже постепенно возвращалась), стряхнул заморыша на пол. Тот пискнул и шлепнулся на серую плитку, будто перезрелый помидор. Над потерявшим форму тельцем зашипели дымные струйки.

Скрипя зубами от напряжения, я попытался встать на ноги. Колени дрожали, как у восьмидесятилетнего старика, но в целом у меня почти получилось...

Мустафы поблизости не было. Как сквозь землю провалился, шайтан смердящий. Сбежал, будь ты трижды проклят! Исчез... Но как? Вот только что был здесь и вдруг пропал...

Я остался один, замурованный в древней крипте. Со стен на меня взирали властители Ржавого мира — обладатели человеческих тел и звериных голов. На сей раз в их взорах не было надменности. Сейчас канувшие в веках благосклонно глядели на меня, поздравляя с тем, что сегодня я отвоевал право на жизнь.

10

Мысленный поединок, который мне удалось блистательно завершить в свою пользу, отнял уйму сил. Даже страшно представить, сколько... В мухе, выпитой пауком, было жизни больше, чем во мне в тот момент. Поэтому я несколько не удивился, когда вдруг обнаружил, что довольно долго лежу посреди зала. Плиты пола холодили разгоряченную спину, и все, что я мог сделать, — это свернуться в позе эмбриона, дабы сохранить утекающее в никуда тепло. А потом пришел тревожный сон, к счастью, лишенный сновидений. К большому счастью...

С шорохом разошлись блоки, явив проход, за которым виднелись ступени, ведущие на поверхность. Заструился чистый воздух; его запах показался мне медовым благоуханием, пришедшим на смену атмосфере удушливого смрада, к которому я, кстати сказать, успел-таки привыкнуть.

И тогда я мгновенно проснулся. Замотал головой, вытряхивая из нее осколки сна. Двинулся к лестнице, едва переставляя ноги.

Эх, и тяжело мне дались первые ступени. Я обливался потом, кусал губы, то и дело останавливался, чтобы перевести дыхание, но упрямо поднимался вверх, туда, откуда тек воздух, наполненный сладкой свежестью. Туда, где светило солнце и блистало морозной бирюзой небо. Там, наверху... очевидно... меня не могло ждать ничего хорошего. Но и умирать внутри древней крипты тоже не улыбалось.

Я одолевал ступень за ступенью и в конце концов увидел... нет, не пятно света,

олицетворяющее выход, а черное дуло револьвера, глядящее мне в лицо.

Приехали!

На миг я ощутил какую-то детскую пронзительную обиду. Однако, рассудив, что на поверхности меня все равно бы ждал прием, неотличимый от одного, не стал почем зря травить душу и тут же овладел собой.

От судьбы долго не побегаешь. Подумаю напоследок о прекрасном. Или о вечном. Или о том и другом сразу.

— Ваше благородие! Павел Тимофеевич!

Револьвер дрогнул в татуированных руках. Я по-стариковски выставил вперед правое ухо и прислушался к знакомым обертонам этого голоса. Лица вооруженного человека я не видел: оно было скрыто густой тенью. Да-да, так и есть: невысокий, крепко сбитый...

— К-кирилл? — спросил я, не веря глазам, ушам и прочим органам. — Лаптев?

— Ха-ха! Ваше благородие!!!

Меня сграбастали в объятия, затем сурово встряхнули за плечи.

— Полегче, брат! — вяло отпихнулся я. По моим щекам вдруг покатались крупные слезы, а голос задрожал. — Полегче...

— А мы и не чаяли увидеть вас живым! Ваше благородие!!!

...Мустафа лежал неподвижно, ветер ворошил его бурую с рыжинкой шерсть. На четырех огнестрельных ранах, алеющих посреди широкой спины, пузырилась прозрачная жидкость, напоминающая лимфу. Трое незнакомых мне матросов деловито обкладывали «хозяина» хворостом. Вот кто-то, носящий фельдфебельские нашивки, поспешил к будущему костру с коробком спичек. Над поверженным врагом молчаливым стражем возвышался Гаврила, дуло винтовки он держал у глянцевого черепа «носителя».

Увидев меня, боцман взмахнул рукой. Заросшее курчавой бородой лицо озарилось улыбкой.

— Рудин! — окликнули меня.

Батюшки! Выходит, чудеса случаются не только в цирке!

Я оглянулся и увидел, что ко мне мчат наперегонки Северский и изрядно похудевший отец Савватий.

— Тише вы, с ног собьете! — Я предусмотрительно выставил перед собой ладони. Почему все они думают, что после подземелья и допроса «шубой» я остался живчиком?

— Моряк! Настоящий балтиец! — Северский едва не оторвал мне руку. Прищурил налитые кровью глаза (после драки в старом лагере его лицо оставляло желать лучшего). — Да не упирайся, чай, братец, не девка!

И он принялся истоиво барабанить кулаками по моим ноющим плечам и лопаткам. С этим я ничего не мог поделать. Разве только выбить на его спине ответную дробь.

После я обратился к священнику:

— Отец Савватий, благословите раба Божьего Павла...

— Бог благословит, — ответил духовник, утирая слезы. — Выдюжил! А мы все места не находили! Молились за то, чтобы найти тебя живым!

— Нашли! — От переполнявших чувств кружилась голова. — Господи, как же я рад вас видеть! Словно с эшафота сошел! Живым!

— Всё Георгий и Гаврила! — пояснил отец Савватий. — Это они повели людей, чтобы отбить тебя у лиходеев.

— Да это же наши ребята! — воскликнул Северский. — Их совсем не нужно было поднимать, батюшка. Они и без того пришли бы на выручку дорогому доктору, укажи только место.

Я развел руками: мол, ничего не знаю, ничего не понимаю. Как случилось, что Мустафа валяется с дырками в спине? Откуда взялись «наши ребята»? А что это дымится на валу? Обломки летуна?! Ой, братцы... Видимо, я слишком крепко спал...

— Мы с Кириллом встретили их в пустыне, — поглаживая бороду, рассказал отец Савватий, — пятьдесят моряков с «Кречета» во главе со штурманом Владиславом

Купелиным. Они смогли отбиться от охраны и бежали под покровом бури. Молодцы!

— Молодцы! — согласился Северский. — Я с первых дней плена предлагал сделать то же самое. А вы поверили Лиху Одноглазому, который вещал, что идти в пустошь — это гибель. Все твердили: Северский — чугуноголовый солдафон! Северский только и делает, что рубит сплеча! На большее он неспособен!

— Оставьте, Георгий, — с улыбкой возразил я, — в словах Карпа был резон. Большое счастье, что отряду Купелина удалось выжить в пустыне.

Северский хмыкнул:

— Вам бы все спорить, господин Пилюля...

— Поверьте, мне сейчас не до споров, — отвечал я, прижимая руки к сердцу.

— Что с вами стряслось, Павел? — забеспокоился тогда офицер. — На вас, батенька, лица нет! Вы ранены?

Ответить я не успел: к нашей компании присоединился штурман Купелин.

Этот уже не молодой, но еще не старый широкоплечий офицер входил в пятерку талантливейших навигаторов царского флота. Он, как и я, рано начал лысеть, и на голове его нынче поблескивала широкая проплешина, кое-как зачесанная грязными седыми волосами. Вообще Купелин походил на меня так, словно приходился старшим братом. Единственное, что всерьез рознило нас, — это внушительного вида нос штурмана. Сия существенная деталь не позволяла спутать Купелина с кем-либо другим, даже если этот «другой» обладал схожим телосложением, формой лица и... гм... одинаковыми трудностями с волосами.

Мы пожали друг другу руки. Ирония судьбы: давеча его я поминал всуе. Если бы Купелин побывал в лапах Мустафы, то о местонахождении Солнца и Земли «хозяевам» стало бы наверняка известно. Наш штурман знал астрономию так же хорошо, как отец Савватий — Евангелие.

— Что вы на меня смотрите, любезный Павел Тимофеевич? — полубопытствовал штурман. — Или не признаете?

— Признаю. Простите, Владислав Григорьевич... Думаю, вам уже известно, куда занесла нас нелегкая, не так ли?

Почему мне нравится наш штурман, так это потому, что он никогда не переливает из пустого в порожнее. Не юношеской горячностью было наполнено его сердце, а степенным мужеством бывалого солдата. Быть может, благодаря этому свойству ему удалось сохранить боеспособность своих людей и самое главное — их жизни.

Купелин ответил без раздумий:

— Сомнений быть не может. Мы на Марсе, господа.

Северский присвистнул.

— Значит, Марс. — Он подумал и добавил:

— У-у, м-марсиане проклятые... — Все-таки вы рубите сплеча, Георгий, — перебил я артиллериста. — «Хозяева» — не марсиане, говорю со всей ответственностью. На этой планете они такие же чужаки, как и мы.

— Хм? — поднял бровь Купелин. — Да неужели?

— Я гляжу, вам удалось познакомиться с неприятелем ближе, — проговорил Северский, не сводя с меня налитых кровью глаз. — Быть может, расскажете что-нибудь полезное?

— Всенепременно. Но не сейчас, — отмахнулся я. — Сейчас нам не помешает найти убежище.

— Убежище имеется, — сказал Купелин таким убежденным голосом, будто у нас под боком находилась по меньшей мере Петропавловская крепость.

— Вы знаете, что случилось с капитаном? — спросил я штурмана.

Из Купелина словно выпустили воздух. Он опустил плечи, ссутулился и ответил со вздохом:

— Иоганн Карлович умер.

— Умер? — в один голос переспросили его Северский и отец Савватий.

— Бедный Иоганн Карлович... — обронил я.

Штурман перекрестился.

— На первых порах нас держали в какой-то пещере, как скот в хлеву. Многие были без сознания, но со временем все понемногу стали приходить в себя. К сожалению, наш капитан оказался единственным человеком, которому не довелось открыть глаза. Наверное, случилась остановка сердца, ведь Иоганн Карлович был давно немолод.

— Но позвольте! Как вы оказались в этих краях? — Я задал штурману терзающий меня вопрос. — Что вообще здесь произошло?

— Как мы оказались здесь, об этом поговорим позднее, доктор, — отрезал Купелин. — Когда окажемся в безопасности. Ну а что произошло здесь — в пояснениях не нуждается... поскольку произошла здесь драка. И погибли в ней пять... нет, уже шесть человек.

Я проглотил горький комок. Мне вдруг стало невыносимо стыдно и больно. Тут еще, как назло, на глаза попала лужа запекшейся крови и отсеченная кисть руки, лежащая на покато́й макушке валуна, словно большой красный скорпион, взобравшийся погреться на солнце. Драка была яростной, матросы не жалели жизней... И ради кого? Уж лучше бы Гаврила и Северский повели их к «Дельфину».

— Они погибли из-за меня? — спросил я севшим голосом. «И зачем мне посчастливилось выжить в ночной битве? Почему не позволил цилиндрам нарезать себя на ремни? — подумал с сожалением. — Непросто осознать, что ты дышишь и что сердце твое бьется за чужой счет...»

— Оставьте, друг мой! — Купелин подобрал с земли гранитный осколок, взвесил его на ладони. — Не смейте посыпать голову пеплом. Они погибли как солдаты. Они достойно сражались с врагом. Даже если бы мы не знали о вас, все равно не прошли бы этот лагерь стороной. Ведь здесь — люди! Так или иначе, пришлось бы считать жертвы.

— В самом деле, Павел! Приберегите сантименты до лучших времен, — поддержал штурмана Северский. — Пойдемте, господа, покажем нашему мягкосердечному доктору пленных. Быть может, и да проснется праведный гнев в чистой душе?

— Время дорого. — Купелин выронил гранитный обломок, отряхнул ладони. — А мы до сих пор не решили их участь. Быть может, вы подскажете нам верное решение?

— На вашем месте я бы на это не рассчитывал, — пожал плечами я.

Мы пошли через изрезанный раскопами пустырь к валу. Со мной постоянно здоровались, я рассеянно отвечал, крутил головой, вглядываясь в знакомые и одновременно незнакомые лица. Было странно и радостно видеть вокруг себя людей, облаченных в белые «форменки». Это многолюдье внушало обманчивое ощущение безопасности.

И как все-таки Купелин умудрился не растерять людей? Ведь эти моряки провели на планете ржавых песков тот же срок, что и мы! И землю им приходилось кидать похожими на весла лопатами... Ну, не подрастерял — и хорошо. Видимо, таков промысел Божий. К счастью, не всем на голову несчастья сыплются с той же щедростью, что и нам. Нам... Из «нас» в живых остались только Северский, отец Савватий, Лаптев, я и все. Отставить! Еще Гаврила остался...

Я поглядел на боцмана. Гаврила стоял возле Мустафы и покрикивал на матросов, которым никак не удавалось разжечь огонь погребального костра. Шерсть «хозяина» колыхалась из стороны в сторону. Быть может, это шалил ветер, а может, из-под подпорченной «шубы» с монотонной настойчивостью кто-то пытался выбраться наружу.

Что ж, в любом случае матросам следовало действовать расторопнее.

— Вы только поглядите на этих красавцев... — сказал кто-то из моряков.

Я посмотрел на людей, построенных шеренгой вдоль вала, и понял, что Галина во время памятной мне ночной «беседы» приврала о численности своего лагеря (или она просто не умела считать?).

Нет, в шеренге стояли не сорок человек. Семь молодых женщин: жутко исхудавших, с ввалившимися глазами. Четырнадцать мужчин, на вид вполне упитанных и крепких, но на деле сточенных гниением изнутри, как это бывает со многими деревьями, которые кажутся

здоровыми и даже могут позволить себе роскошь свежей листвы. Среди прочих стоял человек с детским лицом и общипанной бородкой, замыкал шеренгу лысый здоровяк, с которым мне довелось мериться силой. На его голове темнели два выпуклых напоминания о той схватке: захочешь — не забудешь. Галина затравленно глядела на моряков, а те пялились на нее...

В руках матросов, охранявших пленников, поблескивали трофейные ножи и заточки. Что меня не перестает удивлять, так это то, насколько быстро в Ржавом мире меняет владельцев оружие, утварь или добрая одежда. Просто какой-то круговорот артефактов цивилизации землян в природе.

— Доктор Рудин! — окликнул меня сухопарый морячок. — Примите, благородие, это — ваше!

Он передал объемистый сверток: в нем были прихваченные на «Дельфине» плащ и свитер, бинокль и фляга (само собой, пустая). От одежды смердело потом. Вполне возможно, что моим потом... но все равно надевать эти вещи не хотелось.

— Позвольте, а где револьвер? Где ружье? — спросил я морячка.

— Здесь, ваше благородие, у нас! — откликнулся матрос — один многих, получивших приказ охранять пленников. — Извинения просим, но возвращать пока не велено. Доколе вот эти рядом...

Я поглядел в злодейские лица пленников. Чернобородый капитан сверлил меня взглядом. По всей видимости, он жалел, что не «схарчил» пришельца из пустоши, когда имел такую возможность.

— Гришку убили на моих глазах, — тихо поведал о судьбе своего спутника Северский.

— Освежевали его тоже на моих глазах. Варили вон в том котле, — артиллерист указал рукой на нехитрый скарб, разложенный перед входом в пещерку людоедов. — Бабы не ели, нет. Они, кажется, вообще святым духом питаются... а мужики попиروвали славно. Чертовы выродки!

На меня вновь обрушилась дурнота. Что-то я тогда совсем расклеился...

— Что делать с вами, православные? — обратился к пленникам Купелин.

Чернобородый капитан прочистил горло и на шаг приблизился к нам.

— Отпустите, моряки, — прозвучал его хриплый, похожий на ворчанье медведя голос. — Отпустите, и если судьба сведет нас снова, то за добро мы расплатимся добром. Отпустите. Не убивайте.

— Губа — не дура... — вздохнул Северский и сплюнул.

— Отпустим их, — предложил я Купелину. — Пусть ковыряются в земле на радость своим богомерзким «хозяевам». Они сами съедят друг друга, не пройдет и месяца.

— Отпустим, — поддержал меня отец Савватий. — Сегодня и так дождем лилась кровь. — Только баб заберем с собою, — предложил Северский.

Пленники вознегодовали.

— Еще чего придумали! — выкрикнула какая-то дерзкая молодка. — Вишь, орда нагрянула! И глядите на нас, как козлы на капусту. Не пойдем с вами!

— Я пойду, — неожиданно брякнула Галина. — Мне их дохтор... обещал пособить.

Когда это я успел? Не было такого!

— И пропадешь с ними вместе, — пробормотал капитан. — Как пить дать, до завтрашнего утра не доживешь.

— Ладно! — Купелин двинулся неспешным шагом вдоль угрюмой шеренги. — Кто еще из барышень желает присоединиться? Никого неволить не станем, но заберем всех, кто согласится идти с нами.

...Через четверть часа наш отряд покинул лагерь людоедов. Три молодые женщины, примкнувшие к нам, пока держались особняком. Они часто утирали слезы, то и дело оглядывались назад, на своих бывших... не знаю, как их назвать... Владельцев? Господ?

Те же кинулись приводить лагерь в порядок: разбирать обломки летуна, тушить песком обугленные останки Мустафы. Вслед нам душегубы старались не смотреть, однако даже на

расстоянии нельзя было не почувствовать эманации их черной зависти.

Еще бы: наша свобода дорогого стоила.

И вот снова под ногами плотно каменистой пустоши. Бескрайней, словно океан. Ни воды, ни жизни, только вялый ветер сеет пригоршнями песок.

— Куда теперь? — поинтересовался я у Купелина.

— Попытаемся прорваться к «Дельфину», — ответил штурман. — Пополним запас провизии, заберем одежду, инструменты... может, и оружие какое-никакое найдется.

Эх, раскатали губу, господа офицеры!.. Мустафа из моей головы вынул то, что требовалось ему знать, и передал вынуженное куда следует. О беспроводном телеграфе не только на Земле известно! Едва ли отряду удастся достигнуть кратера — скорее всего, нас перехватят на половине пути. Расстреляют с летунов, как движущиеся мишени в тире.

— К «Дельфину» нельзя, — выложил я правду-матку. — Сегодня «хозяева» пошлют к пароходу тьму «цилиндров». Корабль будет превращен в груды железного лома. Мы же рискуем угодить в засаду.

— Как-как? Вы уверены?

Мне показалось, что Купелин растерялся. Из его рук ускользала блестящая возможность, и навигатор, успевший проявить себя толковым боевым командиром, впервые попал впросак.

— Страшно представить, какой ценой тебе удалось вывести планы «хозяев», — прокомментировал с другого бока Северский. — Но черт возьми! Неужели я мечтаю о многом! Помыться бы с мылом и выпастись на пробковой койке!

Гаврила, который шел чуть впереди, обернулся и бросил через плечо:

— Доктор, думается мне, что-то замыслил...

Замыслил, как же! Будто в последнее время я только и делал, что замышлял, планировал и комбинировал... Никак нет, господа! Эта идея четко оформилась в моей голове только сейчас, когда свежий ветер полностью выдул из извилин затхлость крипты и смрад Мустафы, когда почти растаял за спиной вал и слился с горизонтом лагерь каннибалов, говорящих со мной на одном языке.

Я мысленно сосчитал до десяти, пытаюсь унять галопирующий миокард.

— Если бы мы смогли перебраться через канал... Если бы мы осилили двухнедельный переход...

— Не томите, доктор, — прервал мои размышления Купелин. — Говорите, что у вас на уме.

— Господа, я знаю, где «Кречет».

Немая сцена длилась секунды три, не больше. Затем кто-то выругался, кто-то недоверчиво хохотнул, кто-то поблагодарил Бога, а кто-то помянул добрым словом меня. Наверняка сейчас каждый словно воочию увидел заполненные до краев ахтерлюки, арсеналы, в которых под промасленной бумагой ждали своего часа новенькие ружья. Представили камбуз и буфет в офицерской кают-компании и даже стоящее там черное фортепиано — прихоть покойного капитана Германа.

— Скажем... — Купелин замедлил шаг и потер разгоряченный лоб ладонью, — есть способ перебраться через канал.

Штурмана тронул за локоть Северский:

— В самом деле, господа! Я не вижу причин, чтобы не попытаться завладеть арсеналом броненосца. — В голосе артиллериста зазвучали азартные нотки.

Мне было безумно жаль рушить очередную мечту, тем более я сам заговорил о ней вслух, но ложку дегтя подбросить-таки пришлось.

— Боюсь, что к каналу, — я обернулся и указал рукой на тающий вдали вал, — нынче будут стянуты все мобильные подразделения «хозяев». Не только цилиндры, но и летуны. Они не спустят нам с рук сегодняшней виктории.

— Тогда уйдем на север через систему подземных тоннелей, — неожиданно предложил Купелин. — Не думаете ли, уважаемый доктор, что мы могли остаться незамеченными

«хозяевами», находясь на открытой местности? Все то время, которое минуло с момента нашего побега?

— По-моему, вы вообще явились как снег на голову, — хмыкнул я. — Будто из-под земли выросли.

— Ха-ха! — рассмеялся штурман. — Верно! Почти в яблочко! Работая на валу, — продолжил он, — мы откопали что-то похожее на... мм... колодец. Или на вентиляционную шахту. Мы осторожно проверили, насколько глубока горловина, куда она ведет, и... мм... таким образом открыли разветвленную систему подземных тоннелей. Да-да, они тянутся под поверхностью Марса на многие версты. Мне до сих пор непонятно их назначение... однако мы воспользовались тоннелями по-своему. В разгар песчаной бури «дали прикурить» охране и ушли под землю — терять нам было нечего. Несколько дней брели, считай, наугад. Думали, помрем там все до одного — под землей... Пыль и ни души, воздух спертый. Темноты, к слову, не было. На стенах тоннелей светились камни...

— Мягким матовым светом, — дополнил я штурмана. — Сквозь свечения проступали рисунки: люди со звериными головами и какие-то письмена.

— Абсолютно точно, — кивнул Купелин. — В конце концов тоннель привел на поверхность. Мы оказались в пустоши... и к концу дня на нас набрели отец Савватий и Лаптев. Они поведали о том, что, собственно, с вами приключилось. Мы двинули к условленному месту встречи и нагнали на полпути Георгия Ивановича с Гаврилой Аристарховичем. А что было дальше, вам, глубокоуважаемый доктор, известно.

— Мешочки с провиантом, которые вы припрятали под камешком, — продолжил Северский, — здорово облегчили всем жизнь. Сколько вам, бедолагам, пришлось тащить их на себе...

— Пустяки, — пробормотал я, смутившись. — Вы и представить не можете, как я рад вас видеть, друзья мои.

— Итак, господа! — Штурман повысил голос. — Если дорога к «Дельфину» нам заказана, остается одно. Вернуться в подземелье, а потом...

— А потом — полным ходом к «Кречету», — решительно договорил Северский. — Пусть ведет доктор!

— Что вы! — запротестовал я. — Мне, право, неизвестен точный путь к броненосцу. Я могу указать лишь направление да некоторые приметы: например, русло пересохшей реки там должно быть, скалистые острова...

— Летуны!!!

Я замолчал на полуслове. Одновременно с остальными впился взглядом в зенит. По бирюзовому полю плыли перистые облака: какие-то неприятные на вид, зазубренные, точно лезвия рыбацких ножей. Но машин «хозяев» я не увидел. В голове даже успела оформиться мысль, что тревога ложная, что кому-то померещилось... Но не тут-то было: послышался отдаленный гул.

— Бегом, братцы! Побежали, кто жить хочет! — закричал Северский, вырываясь вперед.

— А ну! Припустили что есть мочи, белуги на сносях! — поддержал его ревом Гаврила, возвращаясь к боцманским обязанностям.

Все побежали, и я побежал. Побежал, не совсем понимая, куда несут ноги и откуда взялись силы... Но бежал, бежал, бежал, стараясь не спотыкаться и не толкать ближних...

И почему, собственно, мы запаниковали? Удалось же сбить летуна над лагерем людоедов (я собственными глазами видел дымящиеся обломки) — чего теперь бояться? Собьем и во второй раз. И в третий, покуда глаза зрячи и патроны имеются. И броня на летунах не стала крепче...

Над горизонтом висела черная туча. «Пчелиный рой из ада», — почему-то подумалось мне. Туча медленно расплывалась, и вскоре стало возможно рассмотреть каждую железную «пчелку». Не знаю, сколько их там было. Не меньше двух десятков. Двигатели летающих машин надсадно ревели, звуковая волна буквально толкала нас в спины.

Откуда их столько взялось? Неужели «хозяева» бросили против нас все силы, которые только смогли собрать?

— Чего отстаешь, дурило?! — заорал мне в ухо охмелевший от груза свалившихся полномочий боцман.

— Оставь, дружище, — ответил я, не отрывая взгляд от надвигающейся беды. Эволюции железного облака действовали на меня гипнотически. — Сколько можно играть со смертью в орлянку?

Гаврила в сердцах сплюнул, зашипел нечто угрожающее, словно на страдающего от морской болезни нерасторопного матроса, но тут впереди воскликнули:

— Вот оно! Нашли! Скорее, братцы! Прыгай!

И боцман с силой пихнул меня между лопаток. Я запоздало поглядел вниз, но пыльная расщелина уже разверзлась под ногами...

11

Слабое эхо дрожало под округлыми сводами. Где-то рядом звонко шлепала вода. Крупные капли срывались сверху и били по лужам, точно палочки по пластинам ксилофона. Да-да, мы находились прямо под каналом, чуть восточнее лагеря наших любезных людоедов. Кто бы мог подумать, верно?

Это казалось фантастикой, но вода, сочившаяся на стыках древней кладки, была чистой и... свежей, что ли? Хотя мы, загнанные клячи, не побрезговали бы и болотной жижей.

Лаптев наполнил мою флягу и вернулся из темноты к остальным. Мы сидели, сбившись в тесный кружок, а точнее, в овал, стиснутый с двух сторон стенами тоннеля. И «умные» блоки, словно почуяв людей, лили белый свет особенно щедро. Отшлифованные до зеркальной гладкости стороны непрерывно демонстрировали бегущую вязь загадочных символов. Гордые зверюды взирали на грязных существ в бесформенной одежде едва ли не с мольбой: постигните же смысл послания! Мы неустанно взываем к вам! В наших письменах — смысл бытия! Тайны зачатия и рождения Вселенных, происхождения и эволюции разума! Мы научим вас строить мосты между звездами и путешествовать пешком с планеты на планету, с луны на луну...

Я потер виски ладонями, выгоняя из головы некстати зазвучавшую в ней романтику (это же надо было додуматься: мосты между звездами!). Принял флягу, сделал два крупных глотка и передал ее Северскому.

По кругу пустили последние три банки тушенки, остатки сухарей и поломанные галеты.

— Рассказывай, доктор...

Я кивнул. Собрался с мыслями. Было нелегко, ой как нелегко при помощи слов передать то, что удалось выудить из уродливой головы почившего Мустафы.

— Представьте себе, друзья мои: существует предприимчивая компания, которая за немалую сумму способна превратить Антарктиду в тропический курорт, Сахару — в цветущую долину, а на месте Гималаев сотворить лужайку для игры в крокет.

— Мы оказались неизвестно где и неизвестно каким образом, — пробурчал Северский, — продолжай рассказ, доктор. Мы готовы верить даже в джинна из бутылки.

— Тогда представьте, что таких компаний на Земле несколько и что все они жестоко конкурируют друг с другом. Сами понимаете, какова ставка в игре.

— Земля тесновата будет для такой своры, — перебил меня Гаврила, но я не обиделся.

— Дальше — хуже. Появляются маленькие компании... или попросту шайки, которые берутся выполнять ту же работу, но за куда более скромные гонорары. Они действуют вне закона, вопреки закону... — Я перевел дыхание, промочил горло водичкой и продолжил: — Поскольку действие происходит не на Земле, поскольку космос невообразимо велик, поскольку существуют мириады безымянных, никому не нужных планет, нашей шайке удавалось вести дела так, чтобы ее интересы не пересекались с интересами больших и

серьезных компаний, работающих в рамках закона.

— Но однажды интересы пересеклись? — предположил Северский.

— Да! Свершилось невероятное: однажды интересы пересеклись. Крупная межзвездная компания готова начать работы на планете, где всю действует шайка... шайка «хозяев». Это объединенная группировка, в которую входят ренегаты из самых разных уголков галактики: «шубы», «червелицы», «старики», цилиндры. Да, я не оговорился. Цилиндры — особая форма жизни.

— Ядрена вошь... — процедил Гаврила.

— Ставка в игре велика, — напомнил я. — С «хозяевами» не станут вести переговоров, не будет судебных процессов или чего-то похожего на разбирательства. «Хозяев» попросту уничтожат. Без сомнений и рассуждений! Прихлопнут, как мы прихлопываем ладонями моль. Большая компания не потерпит воронья в своем огороде.

Матросы зашумели:

— Вот и славно!

— Посмотреть бы хоть одним глазком, как их к ногтю прижмут!

— В петле запляшут!..

— Поделом будет гадам!

— Гибель «хозяев» здесь грозит обернуться крахом для всей шайки, — предсказал я развитие событий, — ведь на Марсе работает филиал «хозяев». На самом деле шайка — это гидра, ведущая темные делишки на дюжине планет с гаком... Поэтому они бегут с Марса. Поэтому они судорожно пытаются скрыть свои следы. Делают это в спешке, непродуманно, непоследовательно, зачастую наступая самим себе на ноги.

Матросы притихли, внимая каждому моему слову. — Почти всю тяжелую технику они переправили обратно... Не знаю, куда именно. Прочь отсюда. Транспортировка техники требовала уйму энергии, поэтому «хозяева» сделали это сразу, в первые дни исхода. С Марса убрали машины, убрали заводы по преобразованию климата, почв, рельефа... А то, что сначала следовало бы сровнять с землей грандиозную ирригационную систему, это просочилось сквозь пальцы. Когда «хозяева» опомнились, на планете оставались считанные единицы техники. И вот поэтому, друзья, они осмелились на отчаянный шаг. Решили призвать с обитаемых планет миллионы рабов и их руками подчистить следы преступления. Миллионы рабов трудятся сейчас с лопатами в руках. Каждый день гибнут тысячи, и каждый день на Марс призывают десятки тысяч.

— Выходит, мы — рабочие муравьи. — Купелин почесал горб на переносице. — Они, выходит, великие боги, и дела у них — не плюнуть и растереть, а мы — всего-навсего насекомые?

— Но сколько жизней потребуется, чтоб сровнять хотя бы один канал? — спросил Северский. — Они ведь — что судоходные реки...

А вот это — в точку.

— Человеческой жизни бы не хватило, — ответил я, — это верно подмечено. А вот на других планетах обитают создания более... гм... продуктивные. Дело в том, что «хозяева» «тянут» рабов наугад. В других обстоятельствах они ни за что бы не осмелились связываться с людьми. Спросите почему? — Я приложил указательный палец к виску. — Просто у нас вот здесь работает немного быстрее, чем у них. У нас есть технологии и знания, при помощи которых мы можем оказать «хозяевам» достойное сопротивление. Они разделили нас на малочисленные группы, они опустили до скотского состояния, и все же мы сейчас на свободе, а там, — я ткнул пальцем вверх, — дымятся обломки летуна и дергает щупальцами простреленный цилиндр.

Сказать, что мой рассказ произвел на моряков впечатление — значит ничего не сказать. Под сводами тоннеля зазвучали оживленные голоса. Меня дергали за рукава, меня забрасывали вопросами. В глазах матросов читался и восторг, и недоверие; в общем, глядели они на меня, будто я стал, прости Господи, их пророком. Я же неожиданно понял, что эта роль мне в тягость. Какой из меня пророк? Вздумалось мне, помнится, стать лидером в

старом лагере, и ничего путного из того не вышло. Гавриле на горбу всех пришлось вытаскивать.

Чумазый ясырь, захваченный в лагере каннибалов, — три молодые женщины, пожелавшие отправиться с нами в путь, — сидели, будто мышки. Молча грызли сухарики и слушали, слушали, слушали... Я заметил, что Галина... что эта чертовка приосанилась, что выпятила грудь чуть сильнее, чем следовало бы в ее положении. Никак уже присмотрела себе матросика усатого.

— Ваше благородие! — обратился ко мне тот самый усатый матрос-минер Тульский. — Полагаете, победим мы «хозяев»?

— Победим! — ответил за меня Северский. — И не смей сомневаться, каналья! Победим как миленькие!

— Если с голоду не опухнем, — проворчал Гаврила.

— Ну, вообще-то речь шла о том, что мы можем оказать сопротивление, — улыбнулся я. — Хотя... чем черт не шутит? Ох, простите, отец Савватий! «Хозяев» на планете мало: не больше пяти сотен «шуб» и «червелицых», несколько тысяч «стариков» и цилиндров. Полноценной боевой техники у них нет, и времени «подтянуть» на Марс что-либо смертоносное тоже не хватит: вот-вот нагрянут конкуренты.

— Доберемся до «Кречета», — подхватил Северский с известной всем горячностью. — Пушки ждут не дождутся, когда из них постреляют. Господа, предлагаю: возвращаем себе «Кречет» и превращаем его в полевую крепость. Вспомните: сегодня мы сбили летуна ружейной пулей, а на броненосце — «максимы», «гочкисы», тяжелая артиллерия. Если «хозяева» не выведут против нас иную боевую технику, их карта бита. А наземные войска — «старикки», цилиндры или «червелицы»... да пусть они осмелятся подойти на дальность выстрела пушек Кане!..

— Останутся рожки да ножки, — пробормотал гальванер Лаптев.

— Итак, вы предлагаете запереться на «Кречете» и стоять, таким образом, до прибытия пресловутых конкурентов... — задумчиво проговорил Купелин, — отбивая любые атаки...

— Ну конечно, Владислав! — всплеснул руками Северский. — Другого выхода я не вижу! Другого выхода просто нет!

— Хорошо, — изрек штурман. — С этим более или менее ясно. Что мы можем ожидать от конкурентов? Павел, вам это известно? Миллионы рабов останутся на планете... Не сотрут ли их новые «хозяева» с лица Марса, точно пыль с комода? Зачем эта обуза конкурентам? Зачем лишние души на планете, которую они станут перекраивать вдоль и поперек по вкусу очередного заказчика?

Купелин был прав. Конкуренты совсем необязательно станут благодетельствовать врагам «хозяев». Формула «враг моего врага — мой друг» не есть аксиома для космических сообществ.

— Быть может, — продолжил Купелин, — конкуренты начнут работы на планете с того, что заменят воздух угарным газом.

Я развел руками.

— Ребята, вот что... Может всякое случиться. Чего ждать от конкурентов, я не знаю. Владислав Григорьевич прав: хочешь мира, готовься к войне. Нужно надеяться на лучшее, но...

Северский вскочил на ноги. Заметался туда и сюда.

— Не терплю нерешительности и пустословия! Вы ведете себя словно штабные тихоходы. Доведите меня до «Кречета», и стальная крепость оживет! Этот корабль, да будет вам известно, — самое совершенное оружие, построенное человеческими руками. Пусть выродки с других планет не надеются, что им удастся взять нас, не поломав зубов!

Мы с Купелиным переглянулись.

Северский не видал того, что довелось увидеть мне. Вмиг я вспомнил все. Вспомнил матросов возле разбитой «камбалы». Их тела были вплавлены в песок... в песок, ставший стеклом. Мы так и не узнали, какое оружие их сразило. Я вспомнил, как четко и слаженно

движется полчище цилиндров, как дрожит горячий воздух над железными внутренностями. Вспомнил, что в сегментных щупальцах скрываются светящиеся нити, которые режут железо, точно ножницы бумагу.

Северский стал участником нескольких стычек, в которых нам чудом удалось одержать победу. Теперь ему подавай настоящую войну!

— Тоннели не предоставят нам постоянное укрытие, — сказал Купелин. — Скоро нужно будет подниматься на поверхность. А там — пустошь. Воды нет, пищи нет, в небе — летуны. До «Кречета» путь-дорога далека.

— Выдвигаемся немедленно, — предложил Северский. — Пока хватает сил для рывка!

Я усмехнулся.

— Сколько раз я слышал подобное...

— Чего-чего? — переспросил Северский с фальшивым гневом в голосе. — Опять вздумали спорить, господин Пиллюля?

— Выдвигаемся, — поддержал я. — По дороге к «Кречету» успеем вволю поспорить.

— Выдвигаемся, братцы! — объявил Гаврила матросам. Затем прочистил горло, харкнул себе под ноги и прорычал: — Чего расселись-то, селедки малосольные? Или слух отнялся? Вперед, варяги!

Северский подпер бока. Поглядел сверху вниз на растерявшихся девиц:

— Ну-ка, барышни! Подъем! Как доберемся до корабля, я вам — так и быть! — на фортепьяно побренчу. Кадрильку какую-нибудь или вальс. А пока вы обязаны выполнять приказы Гаврилы Аристарховича, будто простые матросы. Вам все ясно, каналы? Тогда чего сидите сиднем?!

Мы двинулись вперед по узкому тоннелю под каналом, под звон срывающихся со свода капель. Мы шли долго и, по-моему, наугад. Сворачивали на частых развилках совершенно случайным образом. И повсюду нас сопровождало мягкое свечение, льющееся со стен. Временами мне даже казалось, что ведут нас через подземный лабиринт эти самые неведомые строители тоннелей — древние властители Марса, оставившие о себе в качестве напоминания живые письма и изображения людей со звериными головами.

12

На следующий день мы покинули подземелье. Поднялись по узким, не приспособленным для человеческих ног ступеням на поверхность Марса. Купелин что-то подсчитал, беззвучно шевеля губами, и потом заявил, что мы находимся в двадцати милях к северо-востоку от лагеря людоедов.

Было тепло — словно в погожий день бабьего лета. Маленькое красное солнце висело в зените. Вокруг нас шумели ветвями деревья. Высокие деревья негустого леса, протянувшегося вдоль северного берега канала.

Мы стояли, очарованные местом.

— Это никакая не пустошь... — обронил Северский. — Что-то вы, следопыты, перемудрили.

Ветер сдувал с крон листву бронзового цвета; листья медленно падали на землю, вращаясь в воздухе: сотни маленьких, изящных спиралек. Между ветвей, покрытых блестящей корой, порхали крошечные существа, как две капли воды похожие на земных колибри. Птички (или насекомые?) переговаривались друг с другом, издавая отрывистые трели. Шелестела вода — рядом, скорее всего, пробежал ручей или даже речушка.

Оазис!

Я почувствовал на глазах влагу.

Здесь было так мирно, так спокойно. Казалось, все ужасы, которые нам довелось пережить, случились в другом мире, за десять тысяч световых лет от этого сказочного места. Казалось, мы проснулись, и кошмарный сон, во власти которого находились целый месяц, наконец-то закончился. А грядущая война страшна не сильнее, чем далекая гроза за

горизонтом.

— Не терять бдительности, моряки! — приказал Купелин тихим голосом. — Кто знает, что водится в здешних лесах... Едва ли пушистые кролики.

Мы растянулись цепью и двинулись через заросли кустарника пьяной ягоды на шум воды. За облепленными белесыми лишайниками валунами действительно оказалась речушка...

Часть третья Вымпел над пустыней

1

Я лежал на вершине холма, упираясь локтями в подстилку из охряного мха, и рассматривал в бинокль наш броненосец. «Кречет» ждал возвращения команды: над стальной крепостью, заброшенной злой волей «хозяев» в пойму давно пересохшей марсианской реки, трепетали обрывки флагов. Скалистые берега подпирали корабль с обеих сторон, поэтому он стоял ровно и даже можно сказать — гордо приосанившись.

До «Кречета» — рукой подать. Добрались, братцы мои! Добрались, дорогие!

Рядом посапывал отец Савватий. Солнышко нагрело ему спину, и священник не преминул задремать. Горе-разведчик... И чего, спрашивается, его понесло с нами? Гаврила лежал на боку и терпеливо ждал, когда я передам бинокль. Северский напротив — грыз ногти, точно школяр; он постоянно ерзал и ругался шепотом. Как так можно? Право, слов у меня не находилось. Боевой офицер, а выдержки — ни на грош...

Впрочем, мы давно уж не те, что раньше. Марс, этот злобный божок из седой древности, расплавил нас в своем горне и отлил заново. Отлил такими, какими хотел видеть. Кого-то он надломил, а кого-то закалил. Кого-то сделал благороднее и самоотверженнее, а кого-то — случилось и такое — подлее и низменнее.

Мы изменились. Все до одного.

«Кречет», надо сказать, звал нас. Манил, как манит путника долгожданный оазис. Хотелось наплевать на осторожность, встать в полный рост, а затем броситься сломя голову к крепости, сулящей безопасность и... Господи! Нас ждут полные трюмы провизии! И воды должно быть вдоволь! И табака, и лекарств, и оружия! А Северский тут еще подзуживает, аки змий-искуситель:

— Ха! Развалились! Тюлени на лежбище! Что на той горке битый час торчали, что на этой. Да никто не охраняет корабль! «Дельфин» охранялся? Нет? Так чего ради «хозяева» станут расставлять посты вокруг «Кречета»? Чтобы сцапать нас? Как бы не так, господа! Много о себе мните! Если бы они собирались это сделать — наслали бы летунов... Да-да, тогда бы и наслали, когда мы тащились через пустошь неделю кряду...

Северский отчасти был прав. «Хозяева» не напоминали о себе приблизительно две недели. Мы беспрепятственно пересекли лесистые взгорья, свободно одолели около двух сотен верст по открытой местности.

Меня до сих пор бросает в дрожь, когда я думаю о том, какими мы были уязвимыми на пути через гладкую, как застеленный скатертью стол, равнину. Скорее всего, «хозяевам» оказалось просто не до нас. Спрашивается: какого черта тратить время и силы на кучку бунтарей, которым, как ни крути, суждено сдохнуть на чужбине? Убедившись, что мы удаляемся от канала и что сбивать с пути истинного других рабов не собираемся, «хозяева» махнули на нас рукой... точнее, лапой.

Жалкие бестии! Они озабочены предстоящим прибытием конкурентов, они катастрофически не успевают замести следы!

— Давайте сделаем так, — не унимался Северский, — я осторожно проберусь к «Кречету», а вы смотрите в оба глаза и прикрывайте меня. Если за камнями что-то и

прячется — цилиндр или какая другая сволочь, она, держу пари, себя непременно выдаст. Чего терять зря время? Ну, я пошел...

— Куда?! — зашипел я. — Лежать! — Тьфу ты, каналья! Павел... — открыл было рот Северский.

— Георгий, мы ведь договорились в лагере, что отрядом командую я. Вам разрешили присоединиться к разведчикам только с условием четкого соблюдения субординации! — пришлось напомнить «горячей голове». — Вы дали слово, что станете вести себя тише воды и ниже травы, Георгий!

Северский скривился, точно хватил стакан уксуса.

— Теперь я не сомневаюсь, господин Пилюля, что вы выбрали не ту профессию. Если ваша тяга командовать оловянными солдатиками столь сильна, нужно было поступать в юнкерское училище... а не резать в прозекторских мертвякам уши.

— Вопрос не в том, кого к чему тянет. Вопрос в том, что кто-то опять норовит перетянуть одеяло на себя, — возразил я Северскому. — К тому же я отнюдь не господин Пилюля. Я скорее — господин Ланцет. И сохрани вас Бог, Георгий, познакомиться с этой моей ипостасью.

Северский захихикал. Гаденько так, тоненько... Я не выдержал и выругался. Гаврила, оценив мою тираду, одобрительно покачал косматой головой. А Северский поморщился и обхватил впалый живот руками. Уж не знаю, действительно ли у него случился колик (что может быть, учитывая, чем нам приходилось питаться) или же офицер продолжал валять дурака.

— Двинули тогда обратно, — предложил он наконец самым серьезным тоном. — Вернемся в лагерь. Галина наверняка лягушек нажарила. Поедим на сон грядущий, желудки утешим. До корабля мы доползли, а большего никто не требовал — в этом вы абсолютно правы.

Я молча передал боцману бинокль. Гаврила принялся изучать вылизанное водой скалистое русло, лысые горбы островков, их ступенчатые склоны. Вот так по двести раз мы перепроверяли каждый валун, каждую рытвину, прежде чем двинуться дальше. Мне бы не хотелось привести пятьдесят восемь человек в ловушку тогда, когда все полагают, что путешествие подошло к концу.

А русло марсианской реки — это критский лабиринт. Сам черт ногу сломит! Скалы торчат частоколом; протоки пересекаются с затоками, они ветвятся, точно молнии. И еще здесь случаются туманы. Дважды я был свидетелем того, как на рассвете русло наполняется белесой мглой, и местность преображается. В клубящейся мути растворяются очертания островков и скал, туман поглощает солнечный свет, глушит любые звуки. Словно не туман это вовсе, а призрак протекавших когда-то по руслу потоков.

Поэтому мы называли мертвую реку Стиксом. Стикс... убежище для пришельцев из пустошей Ржавого мира.

— Господа, я возвращаюсь в лагерь! — объявил наконец Северский. — Вы — как хотите. Сидите в засаде хоть до конца времен, а мне все равно. Пас! Умываю руки!

Я воспринял это известие едва ли не с облегчением. — Идите, Георгий, с Богом! Помогите Галинке кашеварить. И передайте, пожалуйста, Купелину, что мы вернемся после заката.

Северский деловито покивал, сполз к подножию холма и исчез за ближайшей грудой камней.

— Похоже, тишина кругом, — прошептал Гаврила, не отрываясь от окуляров бинокля. — Но вот какая мыслишка, доктор, меня грызет... Как мы управимся с вооружением корабля? Ведь нас раз-два и обчелся. Ну, две-три пушки оживим, ну, автоматика, тудыть-растудыть, ну, элеваторы, нории... Специалистов у нас мало, а ежели после первого боя человек двадцать поляжет, то мы и вовсе окажемся против «хозяев» с винтовками, пулеметами и «гочкисами».

Мы с офицерами говорили об этом накануне. Из беседы я узнал некоторые новые для

себя факты. Оказывается, на подаче снарядов и пороха для артиллерии главного калибра в трюме обычно работают сорок человек. А в самой башне задействованы двадцать пять моряков да еще офицер — башенный командир. Хороша арифметика! Произведя нехитрые подсчеты, я понял, что встретить врага огнем со всех стволов мы не сможем ни физически, ни химически.

Тем не менее глупо было отказываться от затеи отвоевать корабль. Ведь «Кречет» — это довольно крупный осколок Земли, упавший на Марс.

— Раньше мы о винтовках мечтать не смели, — ответил я, лениво почесываясь. — Но если Кириллу посчастливится и за северной пустошью он наткнется на лагерь людей, я лично напою его шампанским из офицерских запасов. Сотня-другая бойцов нам бы крепко не помешала.

— Я вот что думаю, — снова пробурчал Гаврила, — здорово было бы отыскать всех наших и забрать их на «Кречет». А то... как короли собираемся жрать тушенку с кукурузной кашей и спать на матрацах, когда другие морячки неизвестно где: ютятся у костра и сходят с ума от голодухи и тоски.

Я едва не брякнул, что до *той* ночи Гаврила не шибко церемонился с этими самыми «морячками», а нынче печется о них, точно курица-наседка. К счастью, вовремя прикусил язык. Ляпнуть такое было бы по меньшей мере бесчестно по отношению к человеку, не раз спасавшему мою шкуру, к человеку, которого сегодня не без причин считаю своим другом.

— От голодухи и тоски... — повторил я, глядя вдаль. На горизонте клубились грязные тучи. В вечернем свете они неторопливо наливались воспаленной краснотой. Так, жди к ночи песчаную бурю...

— Что думаешь, доктор? — толкнул меня в бок боцман.

— Ты, несомненно, прав, дорогой друг, и устремления у тебя самые благородные, — ответил я и почесал голову. Волосы были жесткими, как крысиная шерсть, и шершавыми от пыли. Сколько я уже не мылся? Подумать страшно...

— Северский... — начал говорить, возмущенно повышая голос, Гаврила. Но я не позволил ему высказаться.

— Северский готов идти войной против всей планеты. По-моему, его зовут не Александром Македонским...

— Нет! — Боцман сел, вытянул руку с зажатым в кулаке биноклем. — Вон — Северский! Крадется к «Кречету»!

— Где? — Я прижал ко лбу ладонь козырьком.

Точно! Идет вдоль русла; пригнулся, втянул голову в плечи, светлые волосы его треплет ветер. В нашу сторону, шельма, не смотрит. Будто сам по себе. Боже! Ведь из оружия у него — обломок лезвия кухонного ножа в сапоге! А если за островом — цилиндр? Чем он собирается отбиваться от шупалец стража — грубыми словами?

Я вскинул охотничье ружье — верный трофей с «Дельфина», прижал приклад к плечу. Сердце заухало, как трюмная помпа, а мысли понеслись галопом, опережая друг друга.

Не знаю, смогу ли прикрыть подлеца с такого расстояния. Только бы никто не выскочил из-за загораживающих обзор островков! А у Северского на пути к кораблю таких три. Слева, справа и еще у самого корабля — слева.

Гаврила растормошил отца Савватия. Наш добрый священник залился краской: ему стало так стыдно, будто он заснул на патриаршей службе, во время чтения акафиста. Дабы перебороть смущение, он принялся разминать свое оружие: кожаный ремень, к концу которого был привязан увесистый гранитный обломок. Кажется, эту штуку придумали новозеландские маори, и называлась она «мэр». Голь, как говорится, на выдумку хитра. Матросы за минувшую неделю вооружили «мэрами» и пращами себя и всех желающих.

Северский шел быстро; минута-другая, и он уже у киля «Кречета». Задрал голову вверх, задумался: как, мол, ему подняться на борт. Штурмтрап сбросить некому, и присоски, наподобие тех, что позволяют мухам на потолке сидеть, из ладоней не вырастут.

Он был от нас далеко, слишком далеко...

Северского выгнуло дугой. Он вскинул обе руки вверх и дернулся в сторону, будто кто-то невидимый с силой рванул его за пояс. Офицер исчез — скрылся за горбом островка, подпирающего нос «Кречета».

Мы с Гаврилой переглянулись и, не говоря друг другу ни слова, бросились вперед. Отец Савватий поспешил за нами следом, накручивая на запястье ремень мэра. На ходу мы приняли некое подобие боевого построения. Впереди — Гаврила, вооруженный револьвером, я — в четырех шагах позади боцмана и чуть правее. Священник — сразу за моей спиной, охраняет тылы.

Дно марсианской речки было бугристым и твердым, вроде столичной улицы, выложенной брусчаткой. Бежалось по нему легко, громада «Кречета» надвигалась быстро. Ниже ватерлинии корабль был покрашен в красный цвет, а его надводная часть — в черный, две трубы — в желтый. Вот так, вопреки первоначальным планам, мы оказались на расстоянии вытянутой руки от броненосца.

Приближаясь к островку, возле которого пропал Северский, мы непроизвольно замедлили шаг. Наши спины холодил ветер, шелестел песок, где-то на верхотуре монотонно скрипел рангоут «Кречета». Хотелось затаить дыхание и красться. Красться на цыпочках; мне показалось, будто из-за островка доносится унылое мяуканье. Точно за лысым горбом десяток дворовых котов задумали концерт играть.

А потом закричал Северский, закричал во всю глотку... в общем, ни за что бы не поверил, что этот волевой человек способен так кричать.

Мы метнулись вперед. Невидимая преграда, сдерживающая наш шаг на последнем этапе пути, не выдержала натиска. Осторожный страх развеялся, холодная решимость наполнила сердца и... и горе всем тем, кто осмелится встать у нас на дороге!

Спины. Сморщенная пергаментная кожа. Выпирающие кости.

Спины над нашим другом. Щелкают алчные зубы, раздуваются широкие ноздри, горящие глаза прищурены... Стоит сильный запах мускуса и нечистот.

«Старики»! Боже, сколько их здесь! Дюжины три или около того.

Скалистый бок островка был испещрен сетью темных нор. Из нор друг за другом выползали «старики» и их похожие на слизней, лишённые конечностей личинки. Желтели гроздья продолговатых яиц, приклеенных к нагретым солнцем валунам. Неподалеку сидели особи, обремененные непропорционально большими, просто огромными яйцекладами. Последние бестолково таращились выпученными глазами, не прекращая тужиться и «метать» свою преотвратительную икру.

Мы угодили в гнездовье «хозяйских» легавых!

Гаврила пальнул в воздух, залиvisto засвистел, заорал, затопал.

«Старики», нависшие над Северским, нехотя, как бы сомневаясь, стоит ли на нас вообще обращать внимание, отступили. В маленьких глазенках блестела злоба хищников, у которых отнимают законную добычу. Повисла душная тишина, даже неугомонные личинки перестали пищать, ощущая общее напряжение. И не успел я перевести дух и удобнее перехватить ружье, как твари в один миг отбросили сомнения. Ринулись со всех сторон, давясь кашляющим лаем.

Боцман принялся стрелять направо и налево, но не успел его револьвер разразиться холостыми щелчками, как Гаврилу сбили с ног и облепили точно так же, как Северского за минуту до того.

Я выстрелил в мчащегося на меня «старика». Тяжелая пуля угодила уроду в плечо, отделив конечность от тела. Фонтаном брызнула огненно-красная, насыщенная железом кровь... но через завесу рубиновых капель на меня уже несло следующее существо. Я опять нажал на спусковой крючок, и «старик» словно врезался в стену. Его перевернуло в воздухе и отшвырнуло в диаметрально противоположном направлении.

У меня не было времени перезаряжать ружье. Уроды тянули ко мне лапы, оканчивающиеся скрюченными пальцами. Я саданул прикладом по голове одного, вышиб зубы другому; левой рукой выхватил из-за пояса нож и тут же вонзил под ребра твари,

вздумавшей повиснуть на моей шее. Завертелся, раздавая удары. Мельком заметил, что отец Савватий сражается как лев, что и его мэр кружит со скоростью пропеллера аэроплана.

Гаврила вырвался, раскидав навалившихся на него гадов. Безбожно ругаясь, заработал тяжелыми кулаками, некогда отправлявшими на больничную койку нерадивых матросиков.

Через секунду-другую возле нас поредело, и я смог наконец перезарядить ружье. Выстрелил вслед убегающим прочь «старикам», а затем еще раз — по неповоротливым «яйцекладам». И в обоих случаях промахнулся...

Отец Савватий упал на колени рядом с Северским. Поднял раненому голову, торопливо растегнул на нем изодранный в клочья китель. Артиллерист выглядел плохо. Однако досталось ему куда меньше, чем я опасался.

— Ха-ха-ха! — рассмеялся наш «Победоносец», кривя от боли рот. Поглядел на меня и с чувством Добавил: — Накаркал, генералиссимус. Теперь давай, штопай меня, господин Ланцет! — И по грязным щекам офицера потекли слезы.

Очевидно, Северский закрывал руками горло. В результате до глотки «старики» не добрались, зато здорово искушали оба запястья. Но не это было самым страшным. Какая-то зверюга разодрала офицеру левое плечо до самой кости; обнажился сустав, из поврежденной артерии толчками била кровь... Вот это — чрезвычайно опасная рана; теперь каждая секунда бездействия отнимала у раненого шансы на спасение жизни.

— Отец Савватий, вы можете помочь? — обратился я к священнику.

— К-конечно, с-сын, — ответил тот, с трудом справляясь с речью.

— Вам нужно будет зажать вот здесь... Только крепко! Сможете?

Я положил руки отца Савватия на плечо Северского. Артиллерист зашипел и зажмурился — его стало знобить. Впрочем, знобило нас всех...

Гаврила пытался перезарядить револьвер, но патроны, неожиданно сделавшиеся скользкими, словно подтаявший лед, то и дело вываливались из дрожащих пальцев. Из-за скал на нас испуганно глядели «яйцеклады». Где-то вдалеке, в глубине русла, зазвучал кашляющий лай. Трутни «стариков» прекратили паническое бегство. Похоже, они вот-вот залижут раны и нагрянут снова. Дорога была каждая минута! Да и Северский потерял уйму крови...

Я тронул боцмана за плечо:

— Гаврила, будь начеку!

Боцман кивнул, поднимая обеими руками револьвер. Я же повесил ружье на шею и кинулся к скалам. «Яйцеклады», увидев, что я приближаюсь, затрусили кто куда — тяжелые и неуклюжие, точно обьевшиися дерти гусаки. При этом они не прекращали мяукать препротивными голосами и извергать из себя осклизлые яйца. Мне было на них наплевать, я принялся взбираться на горб островка. В какой-то момент из непримечательной трещины высунулась личинка и укусила меня за ладонь. Зубки у коварного слизняка оказались отнюдь не молочными. От неожиданности я едва не сорвался вниз, на камни. Но «чуть-чуть», как говорится, в счет не берется.

На вершине горба я долго не задержался. Разогнался, насколько это было возможно, и перепрыгнул на карниз, выдававшийся из крутого берега соседнего острова. А с карниза, перекрестившись, махнул на броненосец: эта площадка находилась как раз на одной высоте с палубой «Кречета». Я рисковал... я дьявольски рисковал! Расстояние между карнизом и палубой было — о-го-го! Мне, конечно, играла на руку марсианская сила тяжести... но, с другой стороны, если бы я не дотянул до палубы, то расшибся бы наверняка! Тут не спасла бы и гравитационная фора... Но я дотянул! Зацепился руками за леер и повис, стуча ногами по борту.

Подтянулся, крикнул и закинул себя на палубу.

— Эй-эй! — забеспокоился Гаврила. — Доктор, ты там как? Цел?

Три долгих секунды я лежал на спине, глядя в небо и ощущая дрожь каждой жилки. Только теперь я позволил себе испугаться, только теперь голова моя пошла кругом, а в глазах защипало. Это продолжалось те самые три секунды...

Затем вскочил на ноги и побежал куда глаза глядят. Я искал штормтрап или подходящий по длине фал. Вокруг все было до слез знакомым и одновременно незнакомым. В неземном красноватом свете я узрел декорации, в которых прошли последние полгода моей жизни, однако теперь эти декорации выглядели так, будто их достали из пыльного чулана и в беспорядке разложили на полутемной сцене.

Под парусиновым тентом я отыскал свернутую в бухту тросовую лестницу. Бросил ее конец за борт и первым делом позвал наверх боцмана.

Через две минуты Гаврила стоял рядом со мной.

— Спустим шлюпку, — предложил он с ходу. — Поднимем Георгия Иваныча на ней.

— Точно! — одобрил я. — К шлюпбалке!

И в этот момент над мачтами броненосца с ревом пронеслась летающая машина. Мы с Гаврилой по привычке пригнулись. Летун описал над «Кречетом» круг и двинул на юго-восток.

Итак, с этого момента «хозяевам» известно, что строптивые земляне добрались до своего боевого корабля.

В конце концов, перед бурей всегда следует затишье. Затишье, дарованное нам Небесами, подошло к концу.

...Мы спустили шлюпку при помощи неподатливой лебедки. Отец Савватий уложил Северского в лодку («Победоносец» теперь был вынужден самостоятельно зажимать артерию) и вскарабкался на борт по тому же штормтрапу. Втроем мы навалились на ворот лебедки, приводя в движение забитые ржавым песком шестерни, и подняли-таки наш драгоценный груз...

Когда Гаврила и отец Савватий погрузили артиллериста на носилки, внизу, у киля корабля, уже кружил десяток вернувшихся к «гнездовью» человекоподобных тварей.

2

— Вы боитесь крови, отец Савватий?

Священник задумчиво поглядел на руки: они были по локти покрыты бурой коркой.

Гм, очевидно, я задал ненужный вопрос. И все-таки Савватий ответил:

— Священник, Паша, это одновременно учитель, врач и воин. Поэтому я не боюсь крови... Точно — не боюсь.

— Что ж, весьма кстати. Весьма рад, что у меня такой ассистент... Ну-с, Георгий Иванович, начнем, что ли?

В операционном пункте горели две керосинки. От моих рук на бледное лицо раненого падали черные тени. Руки двигались быстро, тени металась еще быстрее, словно стремясь подчеркнуть драматизм ситуации. Отец Савватий прижимал к плечу артиллериста марлевую салфетку и напевал под нос какую-то молитву. Сильно пахло спиртом, потом и кровью. Все было в добрых традициях русской полевой хирургии... Вот я беру шприц и ввожу иглу в правое предплечье Северского...

— Что это? — спросил тот, уставившись на меня. В глубине не знающих страха глаз прорастало зерно паники. Я знал этот взгляд — видел добрую сотню раз под час своей хирургической практики в Смоленске и Петербурге. Краснощекие молодцы, которые не струсят побороться с медведем, приходят в ужас от одного только вида медицинского инструмента. И Северский не был исключением.

— Это? Морфий, батенька, морфий...

Эх, не ожидал лихач оказаться на «Кречете» вот таким образом. Все — проклятая спешка и самоуверенность. Хотел как лучше, а подставил всех, да и сам оказался на столе в плачевном виде. Ну да ничего, я заштопаю удалца. Зато потом, когда он встанет на ноги, собственноручно порежу на ремни: в следующий раз он, каналья, меня не подведет! По его вине мы оказались отрезанными от основного отряда, да еще с раненым на руках. Как теперь подать знак Купелину? Как предупредить о логове «стариков»? Да и «хозяева» нынче

осведомлены, что мы добрались до «Кречета»...

— Павел, вы сохраните мне руку? — пролепетал Северский с неприкрытой тревогой в голосе.

Вот в чем дело! Не напрасно, дружище, потеешь от страха. Какая зараза обитает на клыках «стариков», оставивших на тебе глубокие отметины, мы скоро узнаем (я поглядел на след от зубов личинки на своей ладони: рана сочилась лимфой, и по-хорошему мне полагалось перевязать самого себя для начала). Наше счастье, что на Марсе нет тех болезнетворных микроорганизмов, которые вызывают жесточайшие воспаления на Земле. По-моему, нет. И все-таки возможность заражения крови я бы исключать не стал. Поэтому самым надежным было бы ампутировать руку Северского по самое не могу, удалить вместе с плечевым суставом.

— Паша, голубчик, — взмолился вдруг Северский, — не отнимайте мне руку! Будьте же человеком — пожалейте!

— Что вы переживаете, Георгий? — проговорил я, снимая с раны пропитавшуюся кровью салфетку. Выглядела рана жутковато. — У вас останется правая рука. Ею и будете махать саблей.

— Христом вас заклинаю, — прошептал Северский растрескавшимися губами; речь его стала неразборчивой, очевидно, морфий начал действовать. — Не делайте калекой... зашейте... хм... как курить хочется!

Я взял ножницы. Пальцы мои мелко тряслись.

Нет-нет! Так не пойдет!

Я положил ножницы на место, глубоко вдохнул раз, другой... Снова взялся за инструмент. Вот теперь все, как положено!

В операционный пункт вбежал Гаврила.

— Не открыть арсенал! — выпалил он, тяжело дыша. — Дверь стальная, и ключи... уф!.. ключи у начальника вахты были... не могу найти дубликат! Может, взять инструмент в слесарной и попробовать взломать...

— Нет, — сказал я, отрезая ножницами лохмотья приведенной в негодность мышечной ткани. — Не своди глаз со «стариков». Как бы они не попытались пробраться на «Кречет»... моим способом или каким-то иным. Полагаю, гады не уймутся, пока не вцепятся нам в глотки, пока не выслужатся перед «хозяевами».

— Пулемет бы! — продолжал гнуть свое Гаврила. — Только арсенал не открыть. На верхней палубе «максимы» рабочие, но «старики» копошатся в мертвой зоне — под килем, — сверху я их никак не достану. Что делать, доктор? У меня — восемь патронов к револьверу, а больше — шиш. У тебя в каюте было оружие?

— Нет. Откуда?.. Прижмите!!! Отец Савватий! Вы видите? Опять кровь хлещет! Жажмите изо всех сил, не бойтесь!

Северский заворочался. Адская боль пробилась сквозь туман наркотического сна и вцепилась крючьями в сознание, приводя моего пациента в чувство. Я отбросил иглу и нить, схватился за шприц, намереваясь добавить дозу морфия. Боцман, увидев такие дела, виновато хмыкнул и, кажется, собрался ретироваться, но тут мне в голову пришла замечательная мысль.

— Наполни бутылки керосином и добавь огоньку. Дай уродам прикурить. Готов побиться об заклад, что горячая смесь надолго лишит их аппетита!

Гаврила сначала нахмурил брови, соображая, затем воодушевленно хохотнул, стукнул кулачищем по переборке и выскочил в темный коридор.

Когда мы с отцом Савватием вышли на палубу, у киля уже полыхало пламя.

3

Была ночь, но тьма броненосца сторонилась. Огненный круг отгораживал «Кречет» от скалистого русла. Горящий круг... такая себе магическая защита от нечистой силы.

Вызывала тошноту вонь горелой плоти, смешанная с запахами мазута и горячего железа. И откуда взялось сие амбре? Неужели в огненном кольце десяток бесов опалили себе шерсть, рога и копыта?

...Боцман выжег гнездовье «стариков» к чертовой матери. Беспощадно. Двумя-тремя бутылками с зажигательной смесью, как наивно предполагал я, он себя не ограничил.

В огне сгорели и трутни, и «яйцеклады», и личинки. Гаврила не пожалел на это дело бочки керосина и трех бочек машинного масла. Хорошо, хоть не додумался вынуть из снарядов или мин пироксилиновую начинку. Наверное, смутное подозрение, что таким образом немудрено поднять на воздух весь корабль, остановило его. Но и без пироксилина все обернулось грандиозным светопреставлением. Теперь огонь тек по скалам, он обволакивал неровности, заползал в трещины и норы; жаркие красные всполохи отражались в иллюминаторах «Кречета».

Заставь дурака Богу молиться...

Сам боцман сидел на чугунном кнехте, в одном кулаке он сжимал рукоять револьвера, а в другом — горлышко пузатой бутылки ямайского рома. Гаврила был мертвецки пьян. Так сказать, перестарался во всех отношениях.

— Ну, пиши — пропало, — вздохнул я, глядя на плавный бег огненных волн. — Сами же осветили площадку для летунов... Милости прошу к нашему шалашу!

Как бы в подтверждение моих слов над облаками завывали двигатели летающей машины «хозяев». Отец Савватий нырнул в ближайший люк, я же сел рядом с Гаврилой, подтянул бутылку (разжимать пальцы он не пожелал) и сделал один большой глоток. На все плевать — я смертельно устал. Я вдоволь настрелялся и напрыгался по скалам, я спас руку Северскому. Сколько можно одному весьма и весьма несовершенному человеку разыгрывать из себя героя? Гаврила принялся что-то мямлить, а потом его стошнило себе на колени. Пока он удивленно пялил глаза на испачканные брюки, я отобрал у него револьвер. Это было сделать необходимо, иначе мне, как пить дать, вновь пришлось бы корпеть над операционным столом, извлекая из кого-нибудь пулю. И вполне возможно, из самого себя... что не совсем удобно и уж совсем неприятно.

— Эй, на «Кречете»!

Я прислушался. Голос донесся с правого крамбола. Он просочился сквозь медленно оседающую огненную стену. С той стороны — скалистый берег; неужели Купелин, обеспокоившись отсутствием разведчиков, выслал поисковую партию?

Снова послышался гул летуна. «Хозяева», без сомнений, тоже что-то затевали.

— На «Кречете»! Есть кто живой?

— А кто спрашивает? — заорал я в ответ.

— Баталер Андрей Владимирович!

— Какой такой Андрей Владимирович? Мошонкин, ты, что ли? — спросил я суровым голосом, хотя на самом деле мне хотелось улыбаться. Поднявшись на ноги, я поплелся на нос корабля, надеясь оттуда разглядеть кого-нибудь из пожаловавших «на огонек».

Нашего судового завхоза действительно звали Андрей Владимирович. Только кто в здравом уме станет величать по имени-отчеству обладателя наваристой фамилии Мошонкин? На вершине ближайшего пика появилось светлое пятно: человек, одетый в матросскую форменку. Человек огляделся, затем помахал рукой.

— Да, Мошонкин, — признал он с некоторой обидой, а затем с неожиданной ехидцей поинтересовался: — Мы с ребятами глядим — вы уже расселились в номерах!

— Передайте Купелину, — крикнул я в темноту, — что мы на борту «Кречета»! Северский ранен! Проникнуть в арсенал пока не можем! Отбиваться от «хозяев» нечем, а у них — ушки на макушке! Пусть решает сам, что делать, но долго нам не продержаться!

— Нас здесь трое, Павел Тимофеевич! — раздался новый голос; я узнал его обладателя — это был неунывающий горнист Пилингс. — Может, примете на борт двух? Один из нас вернется в лагерь и все передаст, идет?

— Нет! — Я помотал головой. — Немедленно возвращайтесь и слово в слово передайте

Купелину, что вам сказали...

Пронзительный вой заглушил мои слова. Летун, освещенный зеленоватым светом бортовых огней, вынырнул из-за скал. Он завис прямо передо мной! Развернулся, безбоязненно показав борт, расписанный непонятными иероглифами. В руках у меня был револьвер, отобранный у Гаврилы, поэтому я отреагировал мгновенно: двумя руками поднял пистолет и вдавил спусковой крючок...

Осечка!

Я чертыхнулся, снова взвел курок... но летун переместился выше, скрылся за нависающей надо мной башней главного калибра. И в тот же миг возле ходовой рубки что-то загрохотало, и палуба отдала дрожью в ноги. Мне на секунду показалось, что это летун врезался в надстройку... однако в нашей войне не стоило питать надежд, будто противник способен допускать подобные проколы. Наш враг по воздуху летает и в темноте видит.

— Павел Тимофеевич! — позвал меня Мошонкин.

— Возвращайтесь сейчас же! — замахал я руками. — Уходите отсюда!

— Берегись! У вас на центральном мостике — цилиндр!!!

Но я уже взбирался по трапу, до боли в пальцах сжимая рубчатую рукоять револьвера. Летун «хозяев» вновь оказался в поле моего зрения, горячий воздушный поток из завывающих двигателей ударил по плечам. Машина как-то суетливо и не очень ровно поднялась в обложенное белесыми облаками небо. Взлетела так, словно действительно получила повреждения и будто тот, кто управлял ею, торопился убраться восвояси.

Наверху залязгало, зазвенело. Мне на голову полился дождь из песчаных струй. Словно механический паук — быстрый и точный в движениях — пронесся по палубе, частя железными лапами.

Скверный, скверный признак.

Опасный враг, с которым лучше не встречаться нос к носу. Его одного — слишком много для компании из врача, священника, раненого офицера и находящегося в состоянии риз боцмана.

И снова — удар!

Железом по железу! Я словно воочию увидел, как сминается броня, ставшая вдруг податливей корытной жести, как лопаются по швам стальные щиты и разлетаются, подобно пулям, заклепки... Что, черт возьми, происходит?

Взбежал на верхнюю палубу. Револьвер в моих руках, казалось, сам искал цель. Вот вороненый ствол бросает быстрый взгляд направо, налево, вверх... Мостик пуст! Ни намек на движение. На песке, присыпавшем палубу, хорошо заметны волнистые следы. Без сомнений — следы, оставленные щупальцами цилиндра.

Стоп! Что это?

У дверей, ведущих в ходовую рубку, разворочен комингс. Разворочен так, точно сюда угодил шестидюймовый снаряд.

Я медленно двинулся к темному провалу; мягкий песок глушил звук шагов. Вой двигателей летуна стих за горизонтом; Мошонкин и матросы больше не зывали со скал; в ночной тишине лишь уныло поскрипывал рангоут, вторя вздохом неугомонного марсианского ветра.

Внутри ходовой рубки царил тьма. Я видел лишь серое пятно панорамного окна на фоне абсолютной черноты. Я чертовски жалел, что не взял с собой керосиновую лампу или хотя бы коробок спичек.

Но через минуту глаза привыкли к темноте. Стали различимыми силуэт навсегда заблокированного штурвала, безмолвный телеграф, приземистая тумба нактоуза; из черной глубины на меня бессмысленно таращились глазки многочисленных циферблатов. Не до конца отдавая отчет в том, что делаю, я шагнул вперед. Под подошвами закрипели осколки стекла, к лицу прикоснулся ветер, наполненный омерзительным запахом гари.

Значит, то, что разворотило комингс, пронеслось через рубку, разбило окно и вывалилось наружу. Что-то, а боевые механизмы «хозяев» (мой человеческий разум до сих

пор противился считать их живыми... пусть даже квазиживыми существами) так себя не ведут.

Тьма в дальнем углу заколыхалась, выталкивая навстречу мне человека. Я остолбенел. Человек выставил правую руку вперед — так, точно собрался поздороваться, — и двинулся хорошо знакомой каждому члену экипажа «Кречета» походкой.

— Иоганн... Карлович? — пролепетал я, ощущая во рту сильную сухость. — Капитан?

Дыхание перехватило, а колени задрожали так, будто через плечо мне кто-то перекинул тушу откормленного теленка. «Только пусть он не касается! — пропищал в голове некто жалкий и насмерть перепуганный (наверное, я сам). — Все что угодно, только не рукопожатие!»

Капитан пожевал губами. Он был явно чем-то расстроен. Явно собирался устроить кому-то показательный разнос. Кто-то небрежно лопатил палубу... Кто-то из офицеров позволил себе браниться матом... Кто-то отсутствовал на утренней службе... На большом корабле этот «кто-то» каждый божий день допускал какие-то мелкие, порой и вовсе незначительные оплошности. Наметанный глаз И.К. Германа живо находил виноватых...

Нынче же в глазницах Иоганна Карловича серебрился иней, а от дыхания веяло холодом. Не произнося ни единого слова — выражением лица и позой, — он потребовал, чтобы я взял его за руку. Рука на вид была плотной, холеной. На тыльной стороне ладони имели место три пигментных пятна и рыжеватые колечки волос. Вот только ногти у капитана отсутствовали, пальцы выглядели так, будто их объел грибок.

Уж не собирался ли капитан увести меня с собой? В промерзшую землю марсианской пустыни?

За что, капитан?..

Револьвер был нацелен в грудь Иоганна Карловича, туда, где под ребрами скрывалось давно переставшее биться сердце. Промahnуться с такого расстояния мог разве что слепой. Или покойник... Только имел ли я право стрелять в капитана, пусть даже мертвого? По меньшей мере это было бы вопреки традициям русского столбового дворянства.

Но вот из-за моей спины полился оранжевый свет. Капитан сейчас же утратил материальность, растаял, как тает туман. Я остался в дураках: кто теперь растолкует, видел ли я призрак покойного И.К. Германа на самом деле или это зло пошутил рассудок, измученный многодневным переходом через пустыню, голодом и постоянным внутренним напряжением? Кто поставит доктору диагноз?

В рубку ворвался отец Савватий. Священник нес «керосинку» в высоко поднятой левой руке, а правой держал мою двустолку. Черные глаза его были переполнены страхом и одновременно — полоумной решимостью солдата, идущего в «штыковую». Как он там говорил? Священник — это учитель, врач и воин. Нашему отцу Савватию, хочешь ты или не хочешь, но приходилось достойно справляться и с тем, и с другим, и с третьим.

Убедившись, что рубка пуста и доктору Рудину ничего не угрожает, Савватий сбросил с себя шелуху воинственности. Его взгляд сделался вопросительным, а охотничье ружье легло на плечо, прикрытое лохмотьями ясы.

В ответ на немой вопрос я лишь развел руками.

И тогда мы осторожно приблизились к разбитому окну.

Цилиндр лежал внизу. За носовой башней главного калибра. Его корпус был расколот, металлические потроха выглядывали наружу, щупальца торчали в разные стороны, точно лучики солнца, нарисованного малышом.

4

Они пришли рано утром, опередив рассвет на добрых два часа. Пустые, занесенные песком палубы «Кречета» в один миг ожили. Тех, кому посчастливилось вернуться на корабль, было раз-два и обчелся, но, казалось, что на борт поднялся цыганский табор. Отовсюду зазвучали радостные голоса, шутки, смех, пение. Так начинался, наверное, самый

счастливым днем в нашей жизни.

Мое ночное бдение подошло к концу. До прибытия Купелина я сидел на заднем мостике, закутавшись в офицерский полушубок и положив на колени ружье. Я не смыкал глаз: все боялся прозевать вражеский десант. А ночь-то выдалась темная, песка столько насеяло... И включить боевой фонарь возможности не было, так как он работал от электричества. Но Бог миловал — за ночь ни одна чужепланетная тварь не приблизилась к «Кречету» на ружейный выстрел. Теперь я мог со спокойной совестью передать броненосец старшему офицеру — штурману Купелину. Что и поспешил сделать: минувшие сутки вымотали меня сверх всякой меры. Тарелка горячей каши, глоток чаю, чистая одежда и койка — вот четыре нехитрых желания, довлевших надо мной в тот момент.

Купелин крепко обнял, пожал мне руку и тут же принялся командовать. Первым делом отправил матросов на марсы (да, эти площадки на мачтах, служащие для наблюдения за горизонтом, были тезками Ржавого мира) проверить стоящие там пулеметы и начать посменное бдение за гашетками. Теперь мы худо-бедно, но контролировали прилегающую к руслу долину. Остальным он приказал приводить себя в порядок, а после — немедленно приступать к восстановлению боеспособности корабля. Матросы попытались негодовать: мол, после многодневного перехода они заслужили как минимум котел щей и сутки беспробудного сна. Какая очистка палуб от песка? Какая бортовая механика? Какие динамо-машины? Штурман, что ты такое говоришь? Пулеметами разжились — на первый день этого хватит с головой...

— Побойтесь Бога, позорники! — сухо ответил Купелин. — Два дня вы валялись кверху пузом, точно селедки дохлые. Корабль вместо нас отвоевали четыре человека! Всего четыре человека! Паша, — обратился штурман ко мне, — где, кстати, Гаврила? Мне нужна его помощь.

Гаврила был уже тут как тут. Принялся бормотать мне на ухо какие-то несурзные извинения, распространяя вокруг себя крутой запах перегара и ковыряя грязными ногтями потеки желудочного сока на своих штанах. Я крепко хлопнул боцмана по плечу, дав таким образом понять, чтоб попридержал язык — за ночное дезертирство на рее его все равно не повесят.

Стоило выйти из круга морячков, как на шею мне бросилась Галинка. Как всегда, ее бурные проявления чувств застали меня врасплох. — Доктор! Ваше благородие доктор! — шептала она, тычась губами и горячим носом в мои заросшие щетиной щеки.

— Ну, будет! — попробовал я отстраниться. Но это оказалось ой как не просто! Пожалуй, победить в рукопашной десяток «стариков» было задачей более легкой, чем освободиться из этих пылких объятий. Прикосновения грязной и не совсем благоразумной молодой женщины рождали внутри меня бурю чувств, и я не мог до конца разобраться, что это были, собственно говоря, за чувства такие: влечет меня к ней или, наоборот, отталкивает. Поэтому я попросту терял голову, что-то бубнил и вел себя как полный остопоп.

— Все хорошо, Галинка, — сказал я и потерялся своей щекой об ее щеку (не стоять же истуканом, ежели не удастся высвободиться из объятий). — Живой, да и ладно.

— Ваше благородие — богатырь! Илюшенька Муромец! — не прекращала мурлыкать Галина, прижимаясь всем телом. Боже, о каком теле я говорю? У нее не тело, а одна формальность. Кожа да кости, завернутые в драное, давно потерявшее форму бюргерское платице.

— Я пойду в каюту, — сказал ей, отделяя слова друг от друга паузами. Разжевал мысль, словно вел беседу со слабоумной. — В свою каюту. Мне надо чуток соснуть... но непременно разбуди меня к обеду, ты слышишь, Галя?

— Ах, обед... Обед! — Галинка всплеснула руками. — Пущай хлопцы укажут, где тут кухня, и будет их благородиям обед.

— Не кухня, Галя, — камбуз!

Я поймал за локоть пробегающего мимо матроса и перепоручил женщину ему.

Тем временем моряки взялись выполнять распоряжения Купелина. Кто-то настойчиво

искал баталера. Ожидалось, что он выдаст всем чистую одежду и новую обувь.

— Андрей Владимирович! — зывали и здесь, и палубой выше. — Андрей!.. Тьфу, чтоб ты провалился! Мошонкин!!! Кто видел Мошонкина?

Тут же некто ответил, что Мошонкин пошел проверять запасы воды: часом не протухла ли она? Другой голос принялся возмущаться: мол, какого черта водой занялся баталер, а, к примеру, не доктор? Потом еще начали кричать не своими голосами со стороны носа: очевидно, кто-то напоролся на обломки цилиндра.

— Паша! — окликнул меня Купелин. — Цилиндр — ваших рук дело? — спросил, глядя так, будто перед ним стоял не врач (поневоле — партизан, призрак ржавой пустоши), а сошедший с небес Давид, победитель голиафов и прочей нечисти. О, черт! Точно такими же влюбленными глазами смотрит на меня Галинка!

— Ну... — замялся я. Об инциденте, случившемся в ходовой рубке, говорить, ясное дело, не хотелось. — Абордаж неприятеля... сорвался.

Купелин понял мои слова по-своему. Само собой так, как ему хотелось их понять.

— Вот орлы! — Штурман плюнул на правила приличия и указал на меня пальцем: — Научитесь сражаться так, как это делает доктор, и победа — помяните мое слово! — будет у нас в табакерке! «Абордаж... кгм... сорвался»! — передразнил он меня напоследок.

Я поспешил откланяться и нырнуть в ближайший люк до того, как кому-то пришло бы в голову расспрашивать о подробностях «липового» единоборства. Далее последовал долгий путь в потемках через лабиринт коридоров. Стальную внутренность «Кречета» я помнил, как вчерашний день, но, ударяясь всякий раз об углы или натыкаясь на брошенные посреди коридора предметы (какие-то неуместные ящики и ведра), я мысленно порицал моряков, не запустивших первым делом динамо-машину. Душок в коридорах, надо сказать, стоял не очень здоровый. Скорее всего, в трюмах томились гниющие овощи в компании с говяжьими тушами «на борщи», груз которых мы приняли перед отправкой на артиллерийские стрельбы. Это могильное амбре настойчиво вызывало в памяти вчерашнюю встречу с капитаном Германом и особенно его упитанную руку со съеденными грибом ногтями, протянутую для рукопожатия.

Но вот я толкнул заветную дверь и перешагнул порог своей каюты. В ней тоже оказалось темно, хоть выколи глаз. На столе, если мне не изменяет память, должен валяться коробок спичек, а на полке над койкой — огарок свечи... К счастью, все нашлось на своих местах.

Действительно — моя каюта! В сей же миг от сердца отлегло, тревоги и страхи отодвинулись на периферию сознания.

Над свечой пульсирует оранжевый язычок пламени, воздух пахнет отнюдь не тухлятиной, а бумагой, теплым воском и совсем немного — «Eau De Cologne». Кажется, прошла вечность с тех пор, как я восседал за этим столом, окруженный клубами табачного дыма, и терзал, терзал, терзал терпеливую бумагу словесными изысканиями... Пепельница с окурками!

Первым желанием было распотрошить несколько окурков, сделать самокрутку, благо бумаги под рукой полно, и я даже запустил пальцы в пепельницу... Но вдруг что-то меня остановило. Не иначе как глас разума. Я неожиданно понял, что две недели обходился без папирос, и чувствовал себя так прекрасно, как только это было возможно в Ржавом мире. Спрашивается: зачем добровольно вонзать в себя крючок, который потом не вытащить клещами?

Нет, пепельницу за дверь!

Вот, кстати, мои рукописи. Лежат в беспорядке, в котором я оставил их в *ту* ночь, когда решил выйти на палубу, дабы насытить сонный мозг кислородом. Уж проветрился так проветрился... Самое время сесть — ха-ха! — за работу. Только вот незадача — чернила в чернильнице из синего дымчатого венецианского стекла давно засохли. А рассказы... мои морские рассказы — они ведь почти готовы! Работы осталось — вычитать рукописи по последнему разу. И затем, помолясь, можно было отправляться на поклон к господам

издателям.

«Волны гасят ветер» — короткая повесть о противостоянии моряков коварным штормам Северной Атлантики. Еще одна повесть — это «Холодные берега». Довелось мне когда-то поглядеть на Новую Землю... тогда я решил, что передо мной самое неприветливое место во Вселенной. Ну не знал я в то время о пустошах Ржавого мира!

Что еще? Пятак предельно коротких поэтических новелл, объединенных под общим названием «Мост над океаном». О! Моя любимая вещь — иронический рассказ «На корабле — утро». Писался он с натуры, с жизни нижних чинов на «Кречете». В свое время я спал и видел пухлый томик сборника, на обложке которого будет оттиснуто мое имя. Эх, молодозелено...

Терпеть не могу, когда выполненная с душой работа томится в столе. Что теперь делать с центральной вещью несостоявшегося сборника, с крепкой и даже в чем-то монументальной повестью «Волны гасят ветер»? Отдать матросам на самокрутки? Или читать вслух морякам, не занятым дежурством у пулеметов и боевых фонарей?

Я принялся складывать рукописи в стопки. Господи! Неужели это я столько написал? Во времени было! Вагон и маленькая тележка...

Заметив, что пальцы оставляют на листах грязные пятна, я с некоторым сожалением оставил рукописи в покое.

Вот моя койка. Она аккуратно застелена английским пледом. Я же чумазый, как бездомный пес. Было бы свинством залезть под одеяло, не очистив себя от коросты.

Поэтому я вздохнул, снял плащ, постелил его на полу и улегся здесь же. Нам, бродягам, не привыкать.

Однако сон, вопреки ожиданиям, не шел. Моя нервная система гудела, словно провода телеграфного агентства. Казалось бы, очутившись за ста двадцатью миллиметрами крупновской брони, я наконец-то могу расслабиться. Как бы не так! Мысли беспорядочно перескакивали с одного на другое. С электрического привода башен артиллерии главного калибра и орудий Кане к ране Северского, с предварительной оценки запасов воды к детской улыбке Галины.

Я слышал отзвуки далеких голосов, иногда чьи-то каблучки начинали стучать прямо над головой. Где-то в трюме заворочались могучие механизмы, и дрожь пронзила палубы. На миг зажглась электрическая лампочка, скрытая под сферическим плафоном, но тут же погасла.

Я чувствовал общее настроение. Я был частью этого муравейника. А муравейник кипел, муравейник готов был бросить вызов вулкану!

Потом за дверями каюты что-то громко хрустнуло, в этот же миг послышалось испуганное «ой!» и затем — оглушительный дребезг. Я вскочил на ноги, впопыхах зажег свечу, рывком распахнул дверь...

Никого!

Лежит у порога раздавленная пепельница, а рядом — серебряный поднос, на котором, говорят, подавали чай самому великому князю Александру Михайловичу, когда он в 1899 году посещал «Кречет» во главе адмиральской комиссии. Запеченные на углях картошки разбежались по коридору, точно серые мыши, фарфоровая тарелка, в которой предполагалось подать сие блюдо богов, — вдребезги, хрустальная розетка, до краев наполненная свиной тушенкой, — вверх дном. Дымящийся чай растекается лужей; судя по давно забытому аромату, в него был добавлен лимонный сок.

Из темноты послышались всхлипы. Я решительно перешагнул через свой... гм... обед и отправился на поиски опростоволосившегося стюарда. Судя по всему, этот прохвост далеко не ушел.

Галина сидела понутив голову на ящике из-под адмиральского чайного сервиза у дверей офицерской кают-компания. Я опустился перед ней на корточки, ласково положил руки на хрупкие плечи. Галя отстранилась, закрыла лицо ладонями и отвернулась. Видимо, для того, чтобы собраться с духом и через секунду-другую разрыдаться во весь голос.

И очевидным стало то, что в жизни мне повезло: женские истерики, учитывая специфику работы хирурга, до сих пор приходилось наблюдать не так уж часто.

— Ну, чего ты рассиропилась? — вопрошал я, ощущая собственную беспомощность. Преотвратительное, кстати, чувство. Сидишь как дурак, а причины наряду со следствиями утекают сквозь пальцы, словно вода. — Ну, поднимем картошки с пола и съедем их вместе: мы не кисейные барышни.

— Я вашу цапку раздавила! — давясь слезами, выпалила Галя.

— Пепельницу, что-ли? Пепельницу ты раздавила? Да и шут с ней! — воскликнул я с облегчением. И в следующий миг сердце екнуло: у ног Галины я заметил темную лужицу.

— Галя! Что это с тобой?

Не дожидаясь ответа, я схватил женщину за левую лодыжку и стащил со ступни то, что когда-то было нарядной розовой туфелькой. Пепельница сполна отплатила разяве за свою преждевременную кончину: на подошве у Гали обнаружился глубокий порез.

— Так-так! — Я привстал. — Потерпи, сейчас найду чем бы тебя перевязать.

— Нет! — Она вдруг вцепилась в мой свитер обеими руками и снова усадила рядом с собой. — Погодите!

— Чего? — удивился я. — Почему вы не женитесь на мне?

Надо признаться, этого вопроса я не ожидал, Гм... мягко сказано — «не ожидал». Да она просто наповал сразила этой абсурдной пропозицией!

— Я? Почему? Не женюсь?

— Ведь и батюшка есть, и каморка у вашего благородия отдельная, а не женитесь и не женитесь!.. — Моя расчетливая мечтательница не договорила: она вновь закрыла лицо ладонями и зашлась в беззвучных рыданиях.

— Погоди! — Я еще раз положил руки на плечи Галины и легонько ее встряхнул. — Я что, собирался на тебе жениться?

Галя издала несколько нечленораздельных звуков, затем шумно высморкалась и заговорила, сильно кривя рот:

— Да как же так, ваше благородие? Дите у меня будет, а дитю батька нужен. Лучше вас батьки и на сто верст окрест не сыщешь! Вы — забо-о-отливый!

Видимо, для того чтобы усилить пропозицию, она порывисто подалась вперед, обняла меня за шею и прижала мою голову к своей груди, едва не убив потенциального мужа сомнительным ароматом из смеси запахов кухни и женского пота. И еще, чтоб растопить черствое холостяцкое сердце окончательно и бесповоротно, чертовка принялась целовать меня в лысое темечко... словно других, более подходящих для ласк мест она не нашла!

И боюсь, что от неожиданно свалившегося на голову отцовства мне было бы не отвертеться, однако на верхней палубе в этот драматический момент застучал пулемет. Галина взвизгнула, втянула голову в плечи и уставилась на темный подволок, округлив глаза: убедительную речь «максима» ей слышать до сего часа не приходилось.

Что касается меня, то впервые в жизни я испытывал радость от звуков стрельбы и облегчение оттого, что с минуты на минуту нужно будет вступить в бой. В бою как-то проще, правильнее. Или ты кого, или кто тебя. Не то что в отношениях между мужчиной и женщиной. Кто кого, а главное — за что?.. Порою без чарки белянкой не разобрать.

Я молча поднялся, толкнул дверь в кают-компанию. Подхватил Галину на руки, внес ее внутрь и уложил на софу, приказав успокоиться и ждать моего возвращения.

Сам же выхватил из-за пояса револьвер и поспешил наверх. Когда я был в двух шагах от выхода на спардек, стрекот «максима» заглушили ритмичные хлопки. Я понял, что моряки открыли огонь из скорострельных пушек Гочкисы.

Похоже, что события стремительно набирали оборот.

Эх, из огня да в полымя...

Северский стоял в ходовой рубке. Сосредоточенно разглядывал в бинокль рыжее полотно пустоши. Левая рука покоилась в лубке, сам был лицом бледен, но на ногах держался твердо. На плечах артиллериста красовался новенький китель с серебристыми погонами. Дрожащими пальцами раненой руки Северский сжимал потрескивающую папиросу; моего появления в рубке он не заметил или попросту решил не обращать внимания. Здесь же крутился Гаврила, который, надо сказать, тоже перестал походить на современного Робинзона Крузе. Боцман успел приодеться, привести в относительный порядок кудлатую шевелюру и укоротить бороду. Кажется, Гаврила был чем-то занят... Интересно, зачем ему понадобился хронометр?

— «Гочкис» на спардеке — десять из десяти! — громким и, несомненно, довольным голосом сообщил офицер. Затем прочистил горло и гаркнул что было мочи: — Носовой каземат, цель номер восемь! Огонь по готовности!

Команду Северского при помощи рупора репетовал матрос, ожидавший снаружи.

— Гаврила! — бросил офицер, не отрываясь от бинокля.

— Есть! — изрек боцман и поднес хронометр к обветренному носу.

Какое-то время ничего не происходило. Я собрался было заявить о своем присутствии, когда вдруг бабахнуло так, что у меня заложило уши.

— Сколько? — последовал лаконичный вопрос Северского.

— Две с половиной, — столь же лапидарно проворчал Гаврила.

— Долго! И к тому же — в «молоко». Непозволительная роскошь! — Северский отложил бинокль, перехватил папиросу пальцами здоровой руки и принялся дымить.

— Перелет? — спросил я.

Северский обернулся, оглядел меня с головы до ног, поиграл желваками на скулах.

— Моряки, господин Пилюля, уже привели себя в порядок. Советую последовать их примеру, а не слоняться по палубам в виде кучи мусора с ногами. Вы находитесь на борту военного корабля Его Величества, а не в портовом притоне.

— Угомонитесь, ваше превосходительство, — ответил я, — иначе следующую перевязку будете делать себе сами. И кстати, какой болван, позвольте поинтересоваться, разрешил вам покинуть лазарет?

Офицер сверкнул глазами и доложил мне, словно капитану на утреннем построении:

— Выпил чаю с сахаром и ромом. Съел полфунта галет. Прижал к груди Галинку. И понял, что лежать бревном решительно не имею права. Приступил к проверке боеспособности вооружения. Это было необходимо сделать в первую очередь, ибо пулеметы, к которым наш уважаемый штурман посадил матросов, оказались в нерабочем состоянии и их пришлось заменить на новые, изъятые из арсенала.

— Как ваше плечо, Георгий? — поинтересовался я, пропустив тираду мимо ушей, в особенности место, где поминалась все та, что ожидала меня на софе в кают-компании.

— Болит плечо — спасу нет! И пальцы скверно слушаются.

Я развел руками: мол, тут ничего не попишешь. Что можно было сделать, я сделал вчера у операционного стола.

Снова бабахнула 75-миллиметровка. Северский, не выпуская из губ папиросы, приник к биноклю.

— Вот паскуда! — объявил он. — Перелет на пятнадцать кабельтовых, не меньше, будь я проклят! — Повернулся ко мне и добавил: — Представьте себе, милейший, когда прямой наводкой лупим — десять из десяти, а навесом — то рядом даже земля не трясется.

— Тридцать одна, — констатировал боцман.

— Не вините Перепелкина, — посоветовал я, выступая в защиту создателя оптических прицелов, которыми были оборудованы орудийные башни и казематы «Кречета». — Снаряд на Марсе весит в два раза меньше, чем на Земле. Таблица расстояний здесь врет с особым цинизмом. Собираетесь стрелять навесом — садитесь и пересчитывайте таблицу с нуля.

Северский щелчком отправил окурок в иллюминатор. Глубокомысленно хмыкнул и почесал бровь. Снова громыхнуло орудие, но на этот раз офицер даже не повернулся к окну.

Гаврила бросил взгляд на циферблат хронометра и тоже промолчал.

— Митрий! — заорал Северский. — Комендорам — прекратить огонь! Орудийные порты задраить и покинуть казематы. Через пять минут всем построиться на палубе!

Матрос, заикаясь от усердия, слово в слово репетовал команду.

— Через двадцать минут — в лазарет! — в свою очередь распорядился я, после чего язвительно козырнул и ушел. Смотреть, как Северский наставляет комендоров, желания не было. Чересчур уж это походило на мелодраму в провинциальном театре. «Есть, ваше благородие!» «Так точно, ваше благородие!» Тьфу! Я бы назвал происходящее — становлением квазипорядка, кривобокой пародией на морские законы царского флота. Не знаю: быть может, Георгий еще не заметил (помешало ли ему ранение или собственное высокомерие), но мы оказались спаяны куда крепче, чем обычная команда военного корабля в условиях боевого похода.

А он строит комендоров, как салаг!

Я понимаю, что без порядка и дисциплины мы никто и ничто, но зачем же пестовать военщину? Еще большей глупостью в наших условиях было бы возродить чаепитие в два часа пополудни и вернуть церемонию утреннего подъема флага.

Кстати, о флагах!

На корме «Кречета», на ноке гафеля, бодро хлопал на ветру флаг с синим Андреевским крестом. На брам-стеннге грот-мачты извивался вымпел — узкий флаг с косицами, поднимаемый в начале любой кампании и спускаемый только с ее окончанием.

Ну дела!

И жизнь вокруг кипела! Пока Северский муштровал комендоров, Купелин приводил броненосец в божеский вид. Естественно, не только своими руками. По трапам носились как угорелые матросы с метлами и лопатами наперевес. Штурман не позволял им прерывать работу даже на десять минут, поэтому матросы ели на ходу — подкреплялись тушенкой и сухарями, на ходу пили сладкий чай и курили. При мне четверо морячков подняли из трюма на палубу коровью тушу, источающую убойный запах тухлятины. Завернули ее в парусину и спустили за борт, в очередной раз используя вместо элеватора шлюпку. Поправили на лицах повязки, закрывающие рот и нос, и снова поспешили к трапу, ведущему на дно корабля, за очередной порцией мертвечины из знатного корабельного запаса «свежего» мяса.

Кто-то возился на островках, окружающих «Кречет». Мне показалось, что на покатых вершинах скалистых горбов вырастают очертания фортификационных сооружений.

— Поберегись, доктор!

Мимо по воздуху проплыла снятая с парового катера 37-миллиметровая десантная пушка. При помощи стрелы Темперлея, обычно служащей для погрузки угля, пушку переместили на ближайший островок. Груз встретили трое матросов, после чего орудие было водружено у амбразуры построенного на скорую руку бруствера.

Одна из двух труб броненосца лила в розовато-синее небо клубы белесого дыма. Ха! Не картошку ли додумались печь в топках котлов Бельвиля?

— Ваше благородие! — окликнул меня дежуривший у пулемета горнист Пилингс (нынче и музыкантам в штыковую ходить доведется). — «Банька» натоплена! Поспешите, пока воды вдосталь!

— Понял тебя! — На самом деле я бы предпочел, чтобы ко мне продолжали обращаться просто: «доктор». Без всяких там барочных завитушек, вроде «благородий» и «превосходительств». — Спасибо, Яша! Сейчас закончу одно дельце, и сразу в «баньку»!

— Ваше благородие!

Царица Небесная, защити! Прекратится ли это когда-нибудь?

Людмила, полногрудая товарка Галины, стояла в комингсе люка и по-хозяйски точила друг об друга ножи для резки хлеба. На ее впалых щеках горел вполне здоровый румянец, а толстая коса, перекинута через плечо, сверкала на солнце, точно червонное золото.

— Ваше благородие, извольте-с покушать! — проворковала Людочка, стреляя в меня глазами и снова опуская взгляд, — не иначе как для перезарядки. — Капустка квашеная есть,

свеколка, картошка горяченькая, каша, тушенка. Заходите! Кажись, только вы-с у меня остались с пустым животом.

Клянусь всеми святыми, это было лучшее меню из всех, что мне когда-то предлагали услужливые «человеки» в ресторациях Смоленска, Кронштадта, Москвы и Петербурга! Я снова собрался сослаться на занятость, но тут Людмилу подвинули в сторонку — на палубу выбрался медленный от переполненного брюха гальванер Лаптев. На Лаптеве была чистая форменка, его волосы не успели обсохнуть после «бани» и источали пар, а в усах белели галетные крошки. Увидев меня, гальванер засиял улыбкой.

Дело в том, что Лаптев и еще двое матросов три дня назад отправились на север — искать людей у каналов, протянувшихся за пустошью. Это его я собирался напоить шампанским из офицерских запасов... если, конечно, рискованный поход закончится удачно. Теперь я был рад, что он вернулся живым и, кажется, с хорошими новостями.

— Ну? Нашел кого-нибудь?

Лаптев заулыбался еще шире, развел руками и что-то пробормотал набитым ртом.

6

Похожая на химическую колбу лампочка вспыхнула ярким бело-желтым светом, и собравшимся в кают-компании сразу почему-то взгрустнулось. Вспоминались последние вечера, проведенные на ревальском рейде, атмосфера торжественности и суетливости, предшествующая высочайшему императорскому смотру. В конце дня, вымотанные и одухотворенные, мы собирались в кают-компанию, чтобы, расстегнув верхние пуговицы на воротничках, сразиться в преферанс, почитать газеты или просто побеседовать на отвлеченные темы. Было что-то волнительное в тех скоротечных часах. Капитан Герман и старший офицер Стриженов предавались воспоминаниям о баталиях в Черном море в период русско-турецкой кампании; Северский довольно сносно брэнчал на фортепьяно мелодии из популярных оперетт; я, открыв рот, внимал тому, как инженер Тарас Шимченко толково анализировал достоинства и недостатки тех или иных вин из нашего буфета.

Что ж, те времена канули безвозвратно. Для родных и друзей мы нынче «без вести пропавшие», для штаба морского флота и вовсе головная боль. Для всех остальных — покойники. А покойникам в мир живых возврата нет, так по крайней мере говорит мой клинический опыт.

— Итак, Кирилл Лаптев обнаружил лагерь людей сравнительно недалеко, — сказал Купелин, усаживаясь во главе стола. Штурман зачем-то оделся в гражданский костюм-тройку и поэтому выглядел он сейчас как мелкий, носатый и смертельно уставший буржуа, не сумевший избежать встречи с акционерами.

Северский сидел вполоборота у фортепьяно и здоровой рукой время от времени тихонько извлекал из инструмента высокие ноты. Гаврила пристроился на краешке стула — в офицерской кают-компании боцман явно чувствовал себя не в своей тарелке. Он битый час мял пальцами потемневшую папиросу и никак не решался закурить. Что ж, теперь он у нас представлен к офицерскому званию. Привыкай, кондуктор! Возьми кортик, если острая сталь поможет тебе чувствовать себя вольготней. Офицеров нынче по пальцам одной руки пересчитать можно, а кортиков осталась куча. Выбирай любой...

Лаптев тоже оказался в плену условностей. Он никак не мог заставить себя присесть, переминался с ноги на ногу, опираясь татуированными кулаками в стол, и хлопал глазами, словно девица на выданье. Эх, слишком уж широка и глубока на русском флоте пропасть между офицерами и нижними чинами. Как бы не поплатились за это наши бородастые флотоводцы в будущем.

— Так точно, — подтвердил гальванер. — В верстах пятидесяти с небольшим. Местность там другая, пустошь отступает. Начинаются холмы и лесок. Потом русло Стикса перехлестывается с каналом, и в том месте, стало быть, глубоко...

— Что — глубоко? — переспросил Купелин. — Каньон?

— Так точно, каньон. А в этом каньоне — вода. Цельное озеро. У воды я видел три лагеря. Два — чужепланетников, один — человеческий. Но люди там не наши.

— Не наши? — разочарованно протянул Северский. — Опять какое-нибудь отребье с княжескими замашками или откормившиеся человечесиной выродки?

Лаптев вовсе разволновался. Прочистил горло, почесал затылок.

— Никак нет, — возразил он. — Похоже, что иностранцы. Похоже, французы.

— Французы! — с присвистом повторил Северский. — Вот кому к жареным лягушкам не привыкать! А откуда ты взял, любезный, что они не лакомятся друг другом, как... как те?

В кают-компанию вошла Галина. Она светила с головы до ног: лучились фиалковые глаза, розовела отмытая до прозрачности кожа, сверкали медные пуговицы на наброшенном на хрупкие плечи френче. Галя, едва заметно прихрамывая, несла на княжеском серебряном подносе стаканы с чаем в подстаканниках из потемневшей бронзы и пузатый, наверняка тяжелый чайник. В этом несуразном образе эмансипированной горничной она была по-своему привлекательна. Поэтому мы сразу как-то заерзали, захмыкали и стали перебрасываться многозначительными взглядами. Галина, улыбаясь несколько не соответствующей образу детской улыбкой, разгрузила поднос и удалилась. Френч с медными пуговицами, кстати сказать, был моим. Равно как и брюки из коричневого сукна с сильно подкатанными штанинами. А легкие парусиновые туфли ей, кажется, выдал Мошонкин из корабельных запасов.

— Жаль, карты нет... — Купелин вернулся к вопросу, из-за которого мы, собственно, собрались.

— Ваше благородие, не людоеды они! — жалобно воскликнул Лаптев. — Вот вам крест! На последнем издыхании люди. Точно такие же, какими были мы!

— Ну а охраняют французов как? — спросил Гаврила.

— Два безликих и цилиндр, — с готовностью ответил Лаптев. — Больше мы никого не видели. Но лагеря чужепланетников совсем рядом, и, думается мне, охрана там получше. В общем, не меньше пяти цилиндров, восьми «безликих», трех десятков «стариков», трех «шуб», и еще на площадке у них — два летуна. Вот.

— Да-а, — вырвалось у меня.

Купелин быстро взглянул в мою сторону, а затем уставился на водоворот, который он сотворил в стакане посредством мельхиоровой ложечки.

— Хороша компания, — высказался Северский. — С чего это «хозяевам» понадобилось собираться откровенной толпой? Они ведь, если не ошибаюсь, одиночки?

— Там три машины землеройные, — пояснил Лаптев, — высоченные — выше нашей грот-мачты.

— Ага! — понял Купелин. — На этом пересечении работает тяжелая техника, поэтому каньон охраняется особенно тщательно. Если мы двинем спасать французов, то наступим голой пяткой на осиное гнездо. Не дай бог, «хозяева» решат, что мы посягаем на их машины.

— А что, мы пойдем воевать за французов? — поинтересовался Северский, наигрывая одной рукой «Марсельезу».

Я хотел было сказать: мол, Георгий, вам дорога дальше отхожего места заказана, вы у нас — тяжелораненый. Но как всегда вовремя поймал себя за язык.

— А как вы думаете, господа? — вопросом на вопрос ответил Купелин. Заметив, что мы отводим глаза и пожимаем плечами, он решил нас приободрить: — Ну же, друзья мои! Я ведь не капитан. И мы сейчас не в пылу боя. Время пока позволяет принять взвешенное решение. Решение, ответственность за которое присутствующие в этой кают-компании разделят поровну.

В дверь постучали, мы повернули головы и увидели входящего горниста Пилингса.

— Боевое освещение включено, — доложил он, вытянувшись у порога по стойке «смирно», — работают все прожекторы. Окрест — ни души, поднимается песчаная буря.

— Хорошо, — Купелин кивнул. — У пулеметов не спать, после полуночи вахта сменится.

— Музыкант! — окликнул горниста Северский. — Передай ребятам: ежели увидят чего подозрительного, пусть сразу открывают огонь. — Он великодушно махнул рукой. — Разбираться потом будем.

— Так точно! — Пилингс повернулся «кругом» и вышел, мягко прикрыв за собой дверь.

— И чем это закончится? — спросил я.

— Что вы имеете в виду? — По хмурому виду штурмана было яснее ясного: он прекрасно понимает, *что* я имею в виду.

— Вы правы, сейчас у нас передышка, — принялся я развивать мысль, вертя стакан внутри подстаканника, — мы, слава богу, сыты, одеты и вооружены. «Хозяева» нас пока не трогают. Нужно рассмотреть порядок нашего обустройства на планете. На Землю... — я сглотнул, — вы прекрасно понимаете, — нам едва ли удастся вернуться.

На минуту воцарилась тишина. Лишь почесывался взволнованный Лаптев и стучал ложечкой об стенки стакана с остывающим чаем Купелин.

Северский вдруг с силой захлопнул крышку ни в чем неповинного фортепьяно.

— А вы — провокатор, дорогой доктор. Вы хотите, чтобы совет озадачился сим шекспировским вопросом? Чтобы мы, в конце концов, ушли спать в дурном расположении духа, с головной болью, но так ничего и не решив?

— Дело в том, — парировал я, — что в течение нашей злополучной одиссеи мы только и делали, что решали сиюминутные задачи: от кого-то убегали, кого-то догоняли. Атаковали и прятались! Теперь, когда у нас есть база, пора обзавестись более или менее продуманной программой действий. Сегодняшнее изобилие — мнимо! Мы не успеем обернуться, как вода закончится. Продукты закончатся! Мы столкнемся с таким жестоким голодом, какой нам и не снился. Канала под боком нет, лягушек-козерогов ловить негде. Хотя эту гадость я бы в глаза больше не видел... И вопросы сии встанут еще острее, если, бог даст, команда «Кречета» увеличится за счет освобожденных нами людей. Вот что я пытаюсь вам донести.

Купелин поджал губы и с явным сожалением кивнул, подтверждая мою правоту. Гаврила почесал бороду. Северский снова поднял крышку фортепьяно и несколько раз невпопад ткнул пальцем в клавиши.

— Вы предлагаете, доктор, рыть колодцы и сеять гречку? — обратился ко мне артиллерист полушутливым тоном.

— «Кречет» — не Ноев ковчег, — рассудительно изрек Гаврила, решаясь наконец закурить. — И Марс — не земля обетованная. На этих берегах не выйдет процветающей колонии.

— Нужно найти способ вернуться домой! — высказался Лаптев. Эта фраза вырвалась у него так легко и беззаботно, будто речь шла о чем-то незатейливом, вроде вечерней прогулки на палубе.

Купелин поперхнулся чаем, а мы с Северским хохотнули, обменявшись «любезными» взглядами.

— Ну... — замялся Лаптев. — Нас ведь как-то сюда занесло. Значит... стало быть, есть способ и вернуться обратно.

— Конечно! — приободрил опешившего гальванера Северский. — Способ есть! Стоит только упасть «хозяевам» в ножки и просить: отправьте нас, пожалуйста, домой. Мол, по нам женушки и детушки плачут-надрываются.

Лаптев густо покраснел и зачем-то закатал рукава, открывая для всеобщего обозрения «пиратские» татуировки.

Купелин поглядел на меня прищуренными глазами.

— Павел Тимофеевич, известно ли вам, каким образом «Кречет» угодил на Марс?

— Нет. А вам?

Штурман поднял руки, давая понять, что с последним вопросом он дал маху.

— А в самом деле, как? — неожиданно подхватил Северский. — Стой-стой-стой! Погодите отнекиваться! Вы, милый мой, ковырялись в мозгах волосатой бестии. Именно вы

просветили нас, каковы правила в игре, в которую мы встряли, и кто сидит за игровым столом. Кому, спрашивается, еще знать, коим образом нас занесло на Марс? Если не вам!

Я призадумался. Во время памятной гипнотической близости с «шубой» по прозвищу Мустафа я пытался вытащить из потемок ее души ответ и на этот сакраментальный вопрос. Но, признаться, ни черта не разобрался в замысловатых, нечеловеческих думках чужепланетного существа.

— Господа! — воззвал я. — Меня учили не физике, а физиологии. Все, что я смог понять, — это как-то связано с резонансом... Резонансный переход... Да-да! Резонансный переход! Вам говорит о чем-нибудь этот термин?

Мои собеседники покачали головами.

— Вот и мне ни о чем не говорит, — продолжил я. — Нам с Гаврилой посчастливилось увидеть со стороны, как он происходит, и при этом остаться в живых. Собирается тьма цилиндров, они двигаются вокруг места, где должен состояться тот самый *переход*. И еще... Колокол! Звонит колокол, господа!

Лаптев отпрянул, словно его окатили холодной забортной водой. Полные губы гальванерного старшины посинели, а на лбу выступили капельки пота. Он тяжело опустился на стул, вовремя подставленный Гаврилой. Купелин же быстро перекрестился, потер переносицу, пробормотал, повесил длинный нос.

— Колокол... вот что это значит. А я все думал: при чем здесь колокол?

Я пожал плечами:

— Не знаю. У меня нет технического образования, и я ни черта не понял. — По меньшей мере это значит, — приуныл Северский, — что вернуться на Землю тем же способом у нас вряд ли получится. Разве только мы укротим полчище механических тварей и заставим их... гм... по нашей команде резонировать. Но на успех такой авантюры я бы сильно не рассчитывал.

— Послушай, доктор! — заговорил Гаврила, топорща бороду. — А может — чем черт не шутит? — ты знаешь, где «хозяева» разместили лагерь людей? Ну, чтобы нам не бродить по песчаному шару туда и сюда, разыскивая иголку в стоге сена.

Чем дальше в лес, тем больше дров! Почему мне приходится объяснять этим взрослым и вполне вменяемым людям, что Деда Мороза не существует?

— Нет, Гаврила, я не знаю, где искать наших людей.

— А могли бы узнать? — спросил Северский и зачем-то мне подмигнул.

Я насторожился:

— Как вы себе это представляете?

— Вы провели единожды такую беседу. Значит, сможете сделать *это* и во второй раз, любезный доктор, — резонно заметил артиллерист.

В один момент в памяти ожил подземный зал, переполненный вонью «шубы», словно выгребная яма отхожего места в летний день. Вспомнилось, как я сидел на полу, у ног (или что там у них вместо ног?) чужепланетной твари, лишенный воли, раздавленный и ничтожный. Вспомнился паразит, прицепленный к моей голове... И тут я уже вспылел:

— Нет, господа! Давайте без экивоков! Я ни за что не пойду на *это* во второй раз, даже не намекайте! Если кто желает попробовать — милости прошу! Но в это время меня и рядом не будет!

Мне дали успокоиться. А Гаврила, бормоча что-то исключительно миролюбивое, подлил в мой стакан кипятку.

— И все же, — сказал Купелин, — было бы недурственно провести переговоры с «хозяевами».

— Я не считаю возможным... — чуть слышно бросил я, смутно догадываясь, что на сегодняшнем совете быть мне в меньшинстве.

— Погодите, Паша! — Купелин защелкал пальцами. — По сути, люди не представляют для «хозяев» существенной ценности. Вы сами, доктор, не единожды заявляли об этом. В сравнении с некоторыми иными чужепланетными видами мы слабы. Действительно, мы

слабы, не так производительны, постоянно хотим пить, есть и еще мерзнем, стоит только ветерку окрепнуть.

— Да-да, — поддакнул Гаврила, — помнится, по соседству с нашим старым лагерем жили живые землечерпательные машины. Работали днем и ночью, без сна и отдыха.

— Если снять всех людей с работ, «хозяева» потеряют не так уж и много... в общем масштабе, — продолжал рассуждать Купелин. — Я считаю, что переговоры провести необходимо. Это не такая уж бессмысленная затея, как кажется уважаемому Павлу Тимофеевичу. Но переговоры есть переговоры. Не имея воли и сильной позиции, их лучше не начинать. Тем более с «хозяевами», будь они прокляты.

Совершенно неожиданно для меня сей, с позволения сказать, бред о переговорах с «хозяевами» поддержал Северский. Никогда бы не подумал, что в норове этого человека присутствует симпатия к парламентаризму.

— Отменно, Владислав. Сам бы никогда не додумался... Переговоры с «хозяевами»! Нам нужно что-то пообещать «хозяевам» взамен... — размечтался он. — Взамен тех людей, которых они отпустят с миром, за гарантии нашей общей безопасности.

— Господи, ерунда-то какая! — простонал я.

— Или не пообещать, — подхватил Купелин, не обратив на мои «охи» и «ахи» внимания, — а чем-то на них надавить. Переговоры, мне кажется, необходимо вести с позиции силы. Чем-то их припугнуть...

— Чем? — Я пожал плечами. — Тем, что обязательно все расскажем «конкурентам», если только доживем до их, прости Господи, пришествия? Или испугаем грохотом пушек «Кречета»?

— А как насчет машин, которые работают на пересечении Стикса и канала? — спросил Гаврила. — Насколько они могут быть ценными?

— Они могут быть ого-го, какими ценными! — заулыбался Северский. — Настолько ценными, что мясникам придется прислать парламентаря в овечье стадо.

— Так они и охраняются соответствующим образом, — высказался я. — А если нагрянуть в лагерь французов, — глаза Гаврилы сверкнули, — вооружить их как следует и тут же всем скопом напасть на эти машины? Мы разделаемся с охраной и займем круговую оборону. Здесь же либо захватим «шубу» живьем, либо дадим знать, что требуем переговоров.

— Если бы да кабы! — передразнил я боцмана. — А вы знаете, что хозяева не говорят по-русски или на каком другом языке. Вообще не говорят! Им чужда привычная нам вербальная форма общения! Они абсолютно другие! Целиком и полностью! И физически, и духовно! Как вы собираетесь вести с ними переговоры? Языком жестов? Или запахов? Учитывая, что некоторые из нас под взглядом «шубы» до сих пор пачкают портки, общий язык вы все-таки найти сможете...

— Покориться... — вдруг буркнул, прервав мои словоизлияния, Северский.

— Чего? — не поняли мы.

— Покориться! — воскликнул он каркающим голосом, и тут до меня дошло, что артиллерист пытается имитировать речь боевого механизма «хозяев». Мы ответили на его попытку сардоническими улыбками и вялыми, как подаваемая к пиву вобла, смешками.

— Кажется, некоторые слова русского языка им очень даже известны, — сказал он, любуясь произведенным эффектом.

Я хлопнул себя ладонью по лбу.

— А! Делайте, что хотите! — объявил всем, опуская руки. — До сих пор нам везло, Бог даст, повезет и на этот раз.

— Гаврила, ты что скажешь? — любопытствовал штурман. У меня оставался клочок надежды, что боцман, однажды попросивший сдерживать самоубийственные порывы бравого артиллериста Северского, выступит против затеи с переговорами, но не тут то было.

— Винтовки имеются, водка тоже есть, — проговорил Гаврила, со скрипом потирая бороду. — Ребят покруче нравом мы отберем, так почему бы не дернуть тигра за хвост

разок-другой?

— Кирилл? Лаптев кашлянул. — Переговоры — дело хорошее, — сказал он глухим голосом. — Куда лучше, чем затяжная кампания.

Купелин кивнул.

— Я сам поведу отряд, — сказал он таким тоном, будто ожидал, что в сей же миг разразится буря негодования. Бури не случилось. — Георгий, вам придется взять командование кораблем на себя.

— Громко сказано — командование кораблем, — проворчал Северский, поправляя притороченные к поясу ножны с кортиком. — Было бы чем командовать.

— Гаврила, Кирилл, — обратился Купелин к «новоиспеченным офицерам». — Я бы желал видеть в отряде вас обоих. Но если вы...

— Никак нет! — Гаврила поднялся на ноги. — Раз нужны, значит, пойдем оба. Правда, Кирилл?

Лаптев тоже встал и собрался было рывкнуть что-то бодрое, но его опередил Северский.

— А гальванерного старшину я бы приберег до худших времен. У нас на счету каждый специалист, а Лаптев... Если бы не Лаптев, — что тут говорить? — Северский мотнул головой в сторону сияющей лампочки. — До сих пор бы сидели, как сурки, в потемках.

— Ваше благородие! Георгий Иванович! Я ведь был там! — всплеснул руками Лаптев. — Спасибо вам на добром слове и за беспокойство обо мне — сердечно благодарю, но ничего со мной не случится, я вернусь целым и невредимым... а если... а если нет, то динамо-машины будут работать долго, обещаю.

— Господа! — издал я удивленное восклицание. — Почему вы не берете в расчет меня? Я не привык оставаться в стороне, когда затевается подобная... — Я хотел сказать «авантюра»... ну да ладно. Вся наша война — это авантюра от начала и до конца. Но были бы мы не людьми, а тупыми травоядными, так и кидали бы землю на валу, пока не повалились бы замертво. Так что наши авантюры дорогого стоили.

— А вы и не останетесь в стороне, Паша, — вздохнул Купелин и принялся приговаривать, перечисляя: — За корабль вы теперь несете ответственность наравне с Георгием, так что занимайтесь обустройством нашего маленького земного анклава, забот здесь, сами видите — невпроворот.

— Но вам может понадобиться помощь врача! — возразил я. — К тому же я действительно имею опыт близкого общения с «шубами»...

— Категорически — нет! — усмехнулся Купелин. — Извините, Паша. Я думаю, в этой операции у нас не будет времени истекать кровью. Вы заслуживаете отдых. Не все же докторам воевать? Пора бы и солдатам взяться за работу.

— Да что вы такое говорите, Владислав! Мы здесь все — солдаты! — Не то чтобы мне очень хотелось снова входить в образ партизана, но я уже привык находиться в центре событий. Было даже обидно, что меня отодвигают на второй план.

— Не печалься, доктор! — утешил меня в своей панибратской манере Гаврила. — Мы приведем живого «хозяина». Он тебя потешит.

Знал бы он, как может «потешить» шуба! Северский же, гаденько улыбаясь, изрек:

— Нашего доктора и без того найдется кому потешить, зачем ему еще живой «хозяин»?

Я пропустил пошловатую остроту мимо ушей и задал Купелину главный вопрос: — И что же вы станете требовать у «хозяев»? Неужели репатриации всех людей?

Купелин призадумался.

...Галина в самом деле ждала меня в каюте, так что скабрзная шутка Северского оказалась в прямом смысле пророческой. Она дремала под одеялом, одетая в матросскую рубаху. Я, сконфуженный до состояния жестокой аменции, разбудил ее и попросил чаю с сахаром. Галина беспрекословно выскользнула из постели, быстро натянула френч и брюки и выбежала в коридор.

Зашлепали по полу босые ноги.

Не совсем понимая, что, собственно, происходит, но чувствуя смертельную усталость,

я прилег на согретую теплом женского тела постель.

Чая я так и не дождался — заснул молодецким сном и беспробудно проспал до самого утра.

Утром на драгоценной стопке «Волны гасят ветер» обнаружилась чашка остывшего чаю, Гали же не было.

Где, интересно, она провела ночь?

7

Весь следующий день — от рассвета до заката — мы трудились не покладая рук.

Первым делом я поменял Северскому бинты. Его рана заживала на удивление резво. Причиной этому, как я уже замечал, было не мое мастерство хирурга, а низкая активность марсианской патогенной флоры. На Земле Георгий не избежал бы стафилококковой инфекции и последующих неприятных событий, связанных с ампутацией и необходимостью застегивать пуговицы на одежде одной рукой. Северский, конечно, жаловался на боли, но в целом чувствовал себя скорее живым, чем мертвым. Вчера весь день у него держалась субфебрильная температура, сегодня же градусник показывал норму. Хотя я не исключал того, что к вечеру Северского снова начнет лихорадить.

С раннего утра Гаврила начал отбор матросов в отряд Купелина. Предпочтение отдавалось тем, кто в «земной» жизни успел подружиться со славным изделием Мосина — трехлинейной винтовкой. Когда отряд был худо-бедно сформирован (в него вошли девять матросов, и кроме них — Гаврила, Лаптев и Купелин; итого — двенадцать человек), я раздал всем индивидуальные пакеты с перевязочными материалами и провел краткий инструктаж, как ими пользоваться.

Затем наших гвардейцев вооружили и увели в пустошь. Там их стали гонять строем туда и обратно, на мой взгляд, довольно-таки бестолково. Купелин сказал, что они намерены «отработать штурм и удержание объекта в условиях основных типов марсианской местности». Поскольку у нас не было специалиста, который бы растолковал, как, собственно, это нужно делать, а боцман и штурман имели смутное представление о тактике наземных операций, им пришлось много импровизировать и спорить друг с другом до хрипоты и взаимных оскорблений.

Отец Савватий и еще полтора десятка добровольцев, прихватив носилки, предназначавшиеся для раненых, и кое-какой инструмент (лопаты, кувалды, зубила и кирки), спустились к килю «Кречета». Распевая невеселые песни волжских бурлаков, они принялись возводить вокруг броненосца каменную насыпь. В ход пошли и остроконечные обломки величиной с кулак, которых в окрестностях было пруд пруди, и тяжелые глыбы размером с человеческое туловище. Вершина насыпи по планам должна была сравняться в высоте с основным броневым поясом и прикрыть таким образом беззащитную подводную часть корабля. Мне показалось, что эта затея чем-то сродни сизифову труду, однако Северский мне возразил. Он сказал, что без дополнительных укреплений не обойтись, иначе «любой мазурик с динамитной шашкой способен продырявить нам брюхо и подорвать крьюйт-камеры». Я не знаю, были ли динамитные шашки у «хозяев», но смертоносные игрушки, плавящие песок в стекло, имелись точно. Значит, неприятель вполне мог бы прожечь сталь двойного дна и пробраться напрямик в крьюйт-камеры — хранилища пороха или же в бомбовые погреба. Хотя, если подумать, зачем туда вообще пробираться? Запустил внутрь красного петуха — и амба стальной крепости, а также ее гордым защитникам...

На марсах у «максимов» неустанно дежурили по двое матросов. Целая артиллерийская команда в любой миг была способна оживить скорострельные «гочкисы»; с артиллерией большего калибра мы по-прежнему имели затруднения. Тем не менее электродвигатели, вращающие платформы башенных орудий, нынче работали; внутри каждой башни был припасен запас снарядов и пороха, так что каждый ствол мог рывкнуть пару-тройку раз, и только потом потребовалось бы поднимать боеприпасы из бомбовых погребов и крьюйт-

камер. Оставалось только научиться стрелять так, чтобы снаряды, весящие в два раза меньше, чем на Земле, ложились в цель, а не на пять верст дальше.

Вообще, конечно, нервы у всех были натянуты, точно якорные цепи, однако постепенно входило в привычку чувствовать себя у врага, как на ладони. С марсов то и дело доносилось громкое «Летуны!», но мы мало-помалу отвадились, услышав предупреждение, бросаться врассыпную, судорожно ища укрытие. Да и летающие машины «хозяев» проносились над броненосцем по весьма широким окружностям, словно делали это для порядка, выполняя формальность, не сильно-то желая к нам приближаться. Лишь однажды особенно наглый летун прошелся над кораблем на малой скорости, едва не оцарапав начищенное брюхо о верхушки мачт. Северский, Купелин и Гаврила обругали моряков, которые, почесываясь, наблюдали за эволюциями летуна. Привычка привычкой, но нельзя же и вовсе праздновать беспечность!

Мы не стреляли в «хозяев», «хозяева» не стреляли в нас. Держу пари, что все это время и у тех и у других чесались пальцы, лежащие на гашетках. Уж не знаю, кому был выгодней этот короткий период вооруженного до зубов нейтралитета: нам, посвящающим время восстановлению сил и способности воевать, или «хозяевам», безнаказанно изучающим нашу диспозицию с высоты.

...Весь день я точно каторжник ворочал каменные глыбы. Маленькое красное солнышко в наших широтах грело вполне прилежно — было тепло, будто в погожий октябрьский день, поэтому все взопрели, сбросили с себя тужурки и форменки. Я сам работал в белой нательной рубашке, немного жалея о том, что после сегодняшней страды ее можно будет разве что отправить в топку котла. Поднимая и перетаскивая с помощью рычагов и сооруженных на скорую руку тележек гранитные и базальтовые плиты весом до полутора тонн, я живо представлял себе, каково было строителям Стоунхенджа, пирамид Гизы и прочих мегалитических сооружений. Сколько спин было сорвано, грыж нажито, а пупков развязано. Черт, и помыться не получится: оставшуюся воду теперь придется беречь как зеницу ока, иначе не выдержать нам «за стенами» крепости «Кречет» даже одной осады.

Честный, прямолинейный физический труд, в котором решает все грубая сила, порой способствует рождению интересных мыслей. Когда мышечная механика работает, скрипя и выпуская пар из доступных отверстий, мозг, утомленный ничегонеделанием, абстрагируется от происходящего. Внутри розовато-желтого лабиринта извилин начинают гулять идеи, которые в другое время появились бы, думается мне, только после посещения винной лавки.

Я вдруг решил, что непременно обязан написать обо всех злоключениях, свалившихся на головы команды «Кречета». Запас бумаги имеется приличный, есть и карандаши, и чернила. А самое главное — усидчивость и навыки литератора, скажу без ложной скромности, присутствуют во мне в достаточной мере.

...Когда-нибудь первые межпланетные корабли людей приземлятся на Марсе; хорошо если к тому времени кто-то из нас будет жив и здоров рассудком. Тогда моя рукопись послужит документальным подтверждением словам выживших. А если нет, то посланцы Земли будут предупреждены... Да-да, их не сможет не заинтриговать громада царского броненосца, бог весть как оказавшаяся в сухом русле марсианской реки, посреди бескрайней ржавой пустоши. Они обязательно найдут «Кречет», а значит, найдут мою рукопись. Они должны знать, что в мировом пространстве людям грозит множество опасностей. Что на планетах, обращающихся вокруг далеких звезд, живут существа, могущие стать коварными врагами человечества. Я напишу обо всех участниках драмы: о «хозяевах» и «конкурентах», о чудесных и одновременно пугающих технических устройствах — летунах и цилиндрах (то, что последние — живые существа, можно не говорить, все равно биология цилиндров вне нашего понимания), обо всех людях и нелюдях, льющих пот по прихоти «хозяев», засыпая грунтом широкие, точно судоходные реки, марсианские каналы.

Я не знаток военной стратегии — каюсь. Я не знаток оружия и морской техники — трижды каюсь. Я не буду даже пытаться реконструировать каждое сражение, каждый ход в этой безумной кампании. Моя задача — рассказать о людях, коим выпал тяжелый крест

войны и изоляции на чужой планете. Собрать достоверные образы, показать характеры в динамике, показать личности в час их духовного расцвета и в час падения (что случается с каждым). Написать книгу так, чтоб каждый, кому она попадет в руки, четко представил: вот — Северский; он вовсе не истерик, не сумасбродный, склонный к эпатажу тип. Он — воин, он — катализатор в нашем общем чане с веществами, имеющими разную степень активности. Вот — Стриженов. Он вовсе не добряк, не размазня, свихнувшаяся сразу, как только представилась возможность. Он тоже воин, он видел в своей жизни то, что многим и не снилось! Он действовал в сложившихся обстоятельствах вполне разумно... но проклятая человеческая уязвимость! Никто из нас не выкован из железа. Вот — Гаврила Багров. Он тоже не из стали. Он вовсе не интриговал за спинами офицеров, подбивая судового врача взять на себя командование отрядом. Он заставил слабохарактерного доктора поверить в себя! Заставил почувствовать себя ответственным за жизни людей, находящихся рядом! Такие вот дела...

Кроме того... Что же еще?

И еще: я обязал себя провести все возможные исследования, касающиеся марсианских форм жизни и их взаимодействия друг с другом. Чистая наука: анатомия и обмен веществ, пищевые цепочки и ареалы обитания... Сильнее всего меня интриговали марсианские леса, произрастающие вдоль каналов, эти богатые жизнью оазисы. Пусть мои отчеты большей частью будут носить описательный характер, пусть я не смогу сделать все необходимые выводы, но я создам прочный фундамент, на котором смогут построить дворец новой науки (науки о Марсе) люди, которые когда-нибудь обязательно придут в Ржавый мир с близкой, но такой далекой Земли.

...Услышав резкий голос Северского, я оторвал взгляд от кайла, которым без особого успеха ковырял трещину в гранитной глыбе. Северский размахивал руками, отдавая приказы у стрелы Темперлея, которая опять использовалась не по назначению. С «Кречета» на берег Стикса сгружали... проклятие, у меня екнуло сердце! — рогатые шары глубинных мин!

Было что-то демоническое в этих серых машинах смерти. От них тянуло мраком и холодом океанских глубин. Я говорю «тянуло мраком» не для красного словца. Стоило одной мине зависнуть под стрелой крана, как ласковое нынче солнышко спряталось за тучей, а откуда-то издалека долетел вой двигателей летуна. Я, само собой, понимал, что просто так «рогатая смерть» не взорвется, но все же было жутковато наблюдать за тем, как простые матросы, ничего не смыслящие в саперных работах, совершают с грозными убийцами кораблей какие-то манипуляции. Если бы хоть одна такая «голубушка» вдруг решила исполнить свое предназначение, то из нас не спасся бы никто: ни те, что копошились на палубе «Кречета», ни мы, корпящие в поте лица у кия броненосца. Все бы превратились в кровавую крошку, учитывая количество пироксилина, которым была начинена каждая мина.

И зачем нашим полководцам понадобилось играть с ввергающими в дрожь игрушками?

Позднее я узнал, что все тридцать глубинных мин, имевшиеся на «Кречете», разместили вокруг броненосца, худо-бедно замаскировав их каким-то рваньем и ветошью. К одним «убийцам кораблей» подвели провода, и теперь их можно было подорвать дистанционно — переключив рубильник в боевой рубке корабля. Другие же установили в тех точках, к которым успели пристреляться пулеметчики... В общем, «Кречет» оказался внутри кольца минного заграждения.

Когда нам спустили обед (котелок гороховой каши и каждому — немного вареных овощей да по доброму куску копченого окорока), морячки обрадовано заурчали. До сих пор любая земная пища — даже самая незамысловатая — вызывала у нас умиление.

— Вот если бы «хозяева» так кормили, то мы бы за день все каналы песком засыпали! И воевать бы не пришлось. — К таким харчам полчарки водки были бы нелишни.

— А я, братцы, как вернусь в Петербург, так открою трактир «Голодный моряк». Угощать стану вареной свеклой, «Смирновкой» и байками о том, как на Марсе чужепланетников колотили.

К матросам подошла Людмила. В руках она держала большую плетеную корзину.

— Касатики! Всем досталось? Никого не обделила?

— Благодарствуем, кормилица! — отозвались моряки.

«Барышня» пошла по расчищенной нами тропинке: эта дорожка вела в пустошь, где до сих пор отрабатывали «штыковую» корсары Купелина. В пониженной гравитации Марса шаг Людмилы был легкий, изящен и до крайности очарователен. Моряки, забыв о еде, какое-то время смотрели вслед удаляющейся фигурке.

Потом кто-то кашлянул и проговорил негромко:

— Забросило бы к нам корабль «Красного Креста», что ли...

Изрекшего эту фразу тут же обругали и предрекли ему появление на языке «типуна» размером с голубиное яйцо.

Я подсел к отцу Савватию — тот уплетал паек в одиночестве, прислонившись к гранитной плите и скинув с натруженных ног потертые сапоги.

— Разговор есть, батюшка.

— Спрашивай, коли надумал, — благодушно позволил священник, вытирая испачканные едой пальцы о матросскую рубаху, на которую он временно сменил свое облачение. Возле подмышек и вокруг воротника на его «форменке» темнели пятна пота.

Спрашивай... легко сказать. Я замялся, как мальчишка перед дверями дома терпимости.

— Про Галинку хочешь спросить? — догадался священник.

Деваться мне стало некуда. — Я хочу просить, чтобы вы обвенчали нас, — произнес, через силу шевеля внезапно онемевшими губами.

Отец Савватий заулыбался, погладил бороду. Отложил кусок окорока, который намеревался отправить в рот.

— И чего так краснеть, спрашивается? Я ведь не ее родитель. Не у меня руки девицы просятся. А?

— Вы обвенчаете нас? — В моем голосе на этот раз прозвучал вызов.

— А ты хорошо подумал, Паша? — вопросом на вопрос ответил священник.

Я прикусил нижнюю губу.

— В этом и соль. — Отец Савватий поглядел на белеющий над кормой «Кречета» Андреевский флаг. — Как только ты перестанешь сомневаться, я с великой радостью совершу обряд. Тебя, сын мой, я прекрасно понимаю: пусть других женщин в этих землях не отыскать, но все равно нужно великое мужество, чтобы стать мужем этой... этой блудницы и отцом ее зачатого в грехе дитяти.

— Галя не блудница! — Меня словно ошпарили кипятком. — Отец Савватий! Как вы смеете такое говорить?! А как же «не суди»?

— Ага! — протянул отец Савватий довольным тоном. — Кажется, твои сомнения развеять не так уж сложно. Хорошо! — Глядя на мое недоумевающее лицо, он добавил: — Когда исчезают сомнения, рождается надежда. А надежда — это вера. А вера — это жизнь. В нашем положении, — священник сделал широкий жест рукой, — все на вере да на надежде зиждется.

— Галя не блудница, — повторил я, сам не зная для чего.

— Не блудница, — согласился отец Савватий.

— И тем не менее... — Я помолчал, подбирая слова. — Ее роль в этой истории для меня до конца неясна. Галина... Я даже не знаю ее фамилии! Отчества не знаю!

— Это ты дал маху, — пожурил меня Савватий. — Не забудь — хо-хо! — поинтересоваться хотя бы после венчания.

— Кто она? — распалялся я все сильнее, радуясь тому, что наконец-то мне представилась возможность выговориться. — Галина — это незначительный, второстепенный персонаж, который выделяется из массовки тем, что ему было позволено произнести несколько особых реплик? Она — эпизод? Или она вот здесь? — Я положил ладони на грудь. — Или она всегда была со мной? Горела со мной в разбитой «камбале»? Сражалась с людоедами? Тряслась от ужаса в крипте, глядя на приближающегося Мустафу?

Что скажете, отец Савватий?

— Я скажу, что суть христианского учения можно передать одним словом. И слово это — любовь.

Я поглядел на отца Савватия несколько недоуменно. Вспомнилась поговорка про кулика, который все свое болото нахваливает. Вспомнилась и забылась, потому что от незамысловатой софистики священника на душе у меня вдруг полегчало.

Духовник, будто бы уловив мои мысли грешные, заулыбался:

— Иди, сын мой. И больше не сомневайся.

И мы пошли. Доели обед, взяли в руки кайла и пошли — два простых русских мужика — сколупывать гранит с островных склонов. Ничто так не излечивает от дурного расположения духа, как честный физический труд, — это я заявляю со всей ответственностью дипломированного врача.

До заката могучий киль «Кречета» скрылся под каменным панцирем.

А еще поздним вечером охнула одним стволом шестидюймовая пушка Кане. На марсах тут же заорали и засвистели: я сразу смекнул, что это не тревога; что это матросы ликуют. Выходит, на сей раз снаряд лег в цель или же взорвал каменистый грунт пустоши рядом с мишенью. Значит, Северский нашел новое решение уравнения Лагранжа. Я счел это добрым предзнаменованием.

...Дверь кают-компания едва слышно скрипнула, открываясь.

— Ваше благородие снова желает чаю?

Я держал в руках два наполненных фужера. На мне был отутюженный китель, чистая рубаша, щедро надушенная «Eau De Cologne», на ногах сияли щегольские штиблеты (их я позаимствовал в вещах покойного Арсения Федоровича Стриженова; надеюсь, он не стал бы возражать). В кают-компании царил полумрак: с разрешения Купелина, я выкрутил электрическую лампочку из патрона, а на середину стола поставил тяжелый канделябр с пятью зажженными свечами.

— С-сударыня изволили сделать мне предложение. Вчера, напомню вам. Это было вчера. Руки мои тряслись, и стоило больших трудов не расплескать из фужеров игристую жидкость.

— Со вчера много воды утекло, ваше благородие.

Она попятилась и, будто нимфа, отступила от света прочь.

— Вы... желаете отменить пропозицию?

— Мы не обучены понимать мудреные слова. Но если вы желаете, чтоб я поселилась в вашей каюте...

— Я говорил со священником, Галя. Отец Савватий готов обвенчать нас, как только вы дадите согласие.

— А как насчет вашего благородия?

— Считайте, что мое согласие лежит в кармане вашего френча.

— Френч не мой, а ваш... Ой, что это?

— Шампанское, Галя. Попробуйте, оно вам понравится.

— Вчера у Мошонкина я пробовала ликер. Он знаете какой приставучий!

— Кто? Ликер?

— Нет. Баталер Андрей Владимирович Мошонкин. Он всю ночь поил меня ликером и умолял стать его женой. Я почти согласилась, жаль — ночь была коротка, иначе бы согласилась полностью.

— Мошонкин женат, — пошел я на циничную ложь. — И детей у него — мал мала. В деревеньке под Симбирском подоконники грызут. Так что на вашем месте, сударыня, я бы не строил иллюзий.

— Да? — В фиалковых глазах прочиталось искреннее недоумение. — Вот подлый... Как же так, ваше благородие? Кому тогда верить?

— Ну... во всяком случае, не нижним чинам с сомнительными фамилиями. Вы пейте шампанское, пейте. Настоящее, французское. А я вам пока поиграю.

Я сел за фортепьяно. Музыкант из меня, скажу вам... Вдобавок пальцы одеревенели после дневных упражнений с кайлом и кувалдой. В моем репертуаре была всего одна композиция, которую я играл более или менее сносно. Всем известная «Боже царя храни!» — эту вещь меня принудил выучить мой консервативный до мозга костей папенька.

Но, не доиграв гимн и до середины, я почувствовал, что шею мою обвили тонкие руки. Горячее дыхание коснулось уха.

— Мы обвенчаемся завтра же, — сказала нимфа с фиалковыми глазами.

8

Уверен, что эта новость от души повеселила на «Кречете» каждого. Правда, веселье длилось недолго: оптимистическим планам Галины не суждено было осуществиться ни на следующий день, ни позже...

Утром, едва порозовело на горизонте, в злоеший туман, затопивший русло Стикса, ушел отряд Купелина. Остались позади общая молитва и скомканное, испорченное взаимными напутствиями прощание. Двенадцать моряков, надев поверх форменок неприметные на фоне марсианской пустоши рабочие робы серо-коричневого цвета, вооружившись винтовками, револьверами и ручными бомбами, спустились по штормтрапам на сооруженную вчера насыпь и почти сразу стали невидимыми, настолько густым был туман. Отныне отряд Купелина действовал сам по себе. На «Кречет» эти люди вернутся либо со щитами, либо не вернутся вообще. Оставшимся на броненосце было строго-настрого наказано не бросаться сломя голову им на выручку, если что-то пойдет не так.

Видит Бог, в этой затее *все* могло пойти не так.

Отец Савватий при помощи баталера Мошонкина (какова ирония судьбы!) разворачивал на палубе походную церквушку. Венчание на борту броненосного корабля — доселе небывалый случай в истории царского флота. Прецедент! Жаль, что адмиралтейские хроникеры проводят об этом событии отнюдь не скоро. Было бы интересно узнать, как они станут трактовать случившееся...

Вернее, неслучившееся. Однако приготовления к скромному торжеству мы вели до последнего мгновения. На камбузе в то утро готовили гречневую кашу. Вкусно и домашнему пахло растопленным сливочным маслом, хлопотала горячая вода в котле, звенела посуда. Галина болтала с товарками — с полногрудой Людмилой и со щуплой, похожей на подростка Аннушкой. Клянусь, я не намеревался подслушивать их насквозь женскую беседу. Я зашел на камбуз за кружкой чаю и услышал то, что не понравилось бы ни одному мужчине.

— Барышни! — обратился я к увлеченным беседой подружкам (их, надо сказать, весьма смутило мое появление). — Никаких подвенечных платьев из занавесок! Даже из новых занавесок! Здесь — война, а не балаган. Галине хорошо и в моих вещах, я попрошу не превращать мою будущую жену, прости Господи, в цыганку!

Сказав это, я чинно откланялся и вышел на палубу.

Погода стояла не в пример вчерашней. Туман рассеиваться не желал, и, с одной стороны, это было нам на руку: я надеялся, что отряд Купелина пройдет под прикрытием белесой завесы большую часть пути. С другой стороны, марсовые ничего не видели дальше своих носов. Лучи боевых фонарей слепо шарили по клубящейся стене, отгородившей «Кречет» от русла Стикса и от пустоши. Дул пронизывающий до души норд-ост, и нечего было думать о том, чтобы заниматься укреплением подводной части броненосца в нательной рубахе и брюках, как я это делал вчера. Кажется, бабье лето в наших широтах закончилось. Сегодня придется облачаться в шинели или в офицерские тужурки.

Кое-кто из ребят начал ворочать камни. Пора было и мне разделить с матросами сей несладкий труд. Или нет? Проклятье! Где отец Савватий? Быть может, он совершит обряд сразу, и мы выпьем по чарке водки да продолжим работу? Действительно, нам тянуть резину нежелательно: во второй половине дня Купелин доберется до каньона, где работают машины

«хозяев», и события, думается мне, потекут со скоростью горного потока. Мы церемониться не собираемся, пусть только священник скажет нужные слова, и на этом — баста. Каждого из нас ждет своя вахта: моя — с кайлом среди гранитных глыб, ее — с половником на камбузе.

Кто мне ответит: неужели все женихи чувствуют себя такими же дураками?

Я прошелся вокруг походной церквушки, постоял, поглазел на то, как низкие тучи облизывают мачты, как трепещет вымпел, то исчезая в серо-розовой мути, то выныривая из нее вновь. За тем попятился; сделал шаг, другой и налетел спиной на какого-то человека. Развернулся, собираясь принести извинения, но оторопел, поперхнувшись словами: передо мной стоял капитан Герман.

Иоганн Карлович рассыпался по палубе ржавым песком. Был капитан — нет капитана. Остался только отзвук жалобного стога да застарелый запах крепкого табака.

Что ты попишешь? Марс... Чего здесь только не случается!..

Я протер глаза, поворошил носком сапога рассыпанный песок. Перекрестился, пригладил влажные волосы на голове.

Что я собирался сделать?

Ах, да! Спуститься к килю, поспрашивать у морячков, видел ли кто из них отца Савватия, и заодно прикинуть объем предстоящей сегодня работы.

Но я не сделал ни того ни другого — не успел. Из-за островка, очищенного нами от гнезд «стариков», донесся шум, какие-то возгласы. Нет, я не услышал в них тревоги — скорее удивление. Будь я проклят! Восклицания стали звучать чаще и громче. Чье-то бурное удивление переросло в не менее бурную радость. Я кинулся со всех ног к скалам по проложенной вчера тропе. С головой нырнул в туман и через секунду-другую оказался в мире силуэтов, полутеней и приглушенных звуков.

— Воды, братцы! — услышал я чей-то голос. — И корочку хлеба! Бога ради! Кружку воды и корочку хлеба!

Вывался из тумана и едва не налетел на меня ошалевший горнист Пилингс.

— Что там, Яша? — спросил я его. — Что у вас стряслось?

— Р-русские м-моряки, Павел Т-тимофеевич! — заикаясь от избытка чувств, ответил мне музыкант.

— Кто такие? Откуда?

Но Пилингс лишь махнул рукой и кинулся к разбросанным у каменной насыпи вещам. Действительно, мы и вчера брали с собой воду во флягах. Сухарики тоже у кого-нибудь обязательно да найдутся. Не подниматься же всякий раз, когда захочется сделать глоток воды, по штормтрапу на «Кречет»!

Впрочем, я уже слышал разговор, который имел место за скалами. Голоса звучали наперебой: — Тихоокеанский флот, транспорт «Оренбург»...

— Братцы! Братцы!!! Вот счастье-то! Вода закончилась два дня назад, а еда... сколько мы не жрали? Кто помнит?

— Капитан наш ранен, совсем плох. Его бы на корабль, а? Найдется ведь свободная койка?

— Вот счастье-то! Сколько дней шли куда глаза глядят и набрали на земляков! Есть все-таки на свете Бог!

И вот они показались на тропе — пятнадцать серых силуэтов, с каждым шагом черты пришельцев обретали резкость. «Оренбуржцев» сопровождали четверо наших матросов. Среди прибывших выделялась рослая фигура; это и был, очевидно, раненый «капитан» — правая рука незнакомца покоилась в самодельном лубке. Кроме того, на капитанском лице темнела самая что ни на есть пиратская повязка, прикрывающая выбитый глаз.

Чужаки шли стремительным шагом, чуть ли не наперегонки с балтийцами, взяв курс на спущенные с «Кречета» штормтрапы. Очевидно, им категорически не терпелось очутиться на борту броненосца. Ха-ха! — их порыв был мне понятен, как теорема Пифагора: земная еда, чистая одежда, стальная крыша над головой...

Одеты «оренбуржцы» были в грязные, ободранные форменки. Сами казались худыми и изможденными и, в общем-то, ничем не отличались от нас...

Я с усмешкой заступил незнакомцам дорогу. «Оренбуржцы» невольно «попридержали лошадей». Зрачок капитанского ока сжался в черную точку: косматый циклоп узнал меня.

Револьвер был со мной постоянно: он уже третий день натирал мне поясницу. Не знаю, почему я не вынул оружие сразу. Наверное, мною овладела какая-то непростительная бравада. Наверное, ложное чувство безопасности затуманило разум. Как-то я не подумал, что пулеметчики, дежурившие на марсах, могут не разобрать в тумане, кто из нас кто. Ведь чужаки носили такую же форму, да и выглядели они точь-в-точь как мы. Упустил из виду досадные нюансы... И до мертвой зоны у борта «Кречета», где не страшен пулеметный огонь, — рукой подать, всего один рывок. А я повел себя словно заносчивый петух в курятнике, который топорщит перья, не зная, что участь его решена — что топор наточен, а на кухне кипит котел воды.

— Как же ты нашел нас, Один одноглазый? — заговорил я с раненым «капитаном», вместо того чтобы выхватить пистолет и стрелять, стрелять, стрелять... — Что, нынче и ты перешел на человечинку?

Карп Дудкин — вождь «троглодитов» и первый человек, научивший нас тому, как оставаться живым в мире ржавых песков, — взмахнул здоровой рукой, и, словно из воздуха, в его ладони появилось нечто похожее на ракушку конической формы или на извитой рог в пол-локтя длиной. В следующую секунду этот жест повторили остальные чужаки. Я онемел, чувствуя, что в лицо мне дохнула могильным холодом сама старуха-смерть.

— Не в добрый час мы повстречались, доктор, — с искренним сожалением обронил Карп. — Этого, — извитой рог указал на меня, — не тронь!..

В сей же миг бесшумно брызнули огненные струи, и четверо ничего не успевших понять матросов повалились наземь: упали, точно срубленные деревья. Дым, взвившись над страшными ранами, смешался с туманом.

Остроконечные ракушки оказались ручным оружием чужепланетников! И как справно с ним обращалась банда Карпа! Меня вдруг осенило: этих людей намеренно натаскивали, чтобы они прихлопнули нас одним ударом. Логика «хозяев» и здесь блистала оригинальностью: они послали людей истребить людей!

— Ходу! Ходу!! — крикнул шепотом Карп, и лжеморяки кинулись к штормтрапам, точно свора спущенных с поводков борзых, оббегая меня справа и слева. Два или три человека со мной даже поздоровались. Вежливые сыскались... Наверное, запомнили меня за короткое время совместного жития-бытия в одной палатке... К слову, «троглодитам» не за что было точить на меня зуб — в прошлом между нами ни разу не возникало конфликтов, да и Карпа, пожалуй, я уважал. До той прискорбной драки... Или покуда Карп не распорядился избавить наш лагерь от обузы — от несчастного Федора Стриженова.

Не успел я глазом моргнуть, как они пронеслись мимо. Остался Карп — он держал меня на прицеле. Внутри оружия «хозяев» металась яркие золотистые искорки. При других обстоятельствах я бы назвал эту игру света — «радующей глаз». Плечом к плечу с Карпом стоял, расставив ноги, исключительно неприятный тип — молодцеватый, коренастый, узколобый: он скалился, поджав губы, словно дворовый пес. Очевидно, Карп использовал этот ходячий мускул вместо поврежденной правой руки.

— Ка-а-арп! — укоризненно протянул я. — Молчи, коли жизнь дорога! Вождь «троглодитов» завертел головой. «Мускул» же не сводил с меня булавочных головок глаз.

— Туда! — Карп указал сияющим оружием на обломок гранитной скалы в человеческий рост высотой. Дудкин как всегда быстро думал и быстро действовал. — Бегом!

Я мог бы закричать и предупредить остальных об опасности. Да-да, мог бы — и нечего пытаться себя обелить! В конце концов, если ты не находишь оправдания в собственных глазах, простит ли тебя кто-нибудь другой? Сомневаюсь...

И вообще, сегодня я готовился идти под венец, а не умирать! Карп со своей сворой пожаловал в очень неудачное время!

Пока суд да дело, остальные были уже у борта «Кречета». Я услышал, как обиженно взвизгнул Пилингс. Беднягу музыканта хладнокровно прикончили те, кому своим юношеским сердцем он так жаждал помочь.

— Да что же вы делаете?! — возмутился я, порываясь броситься на Карпа с кулаками.

«Мускул» отпихнул меня, вложив в это нехитрое движение всю свою дюжую силу. Я врезался спиной в скалу. Зашипел от боли и беспомощности. Оставалось только надеяться, что отряд Купелина, дойдя до каньона, где работают пресловутые машины «хозяев», станет действовать так же решительно, так же четко и беспощадно.

На «Кречете» вскрик Пилингса услышали тоже. Кто-то хохотнул:

— Яшка! Чего пищишь, кучерявый ты наш? Кайло на ногу обронил?

А штормтрапы уже скрипели вовсю. Лихая братия прытко пересчитывала ступеньки руками и ногами. Захват броненосца шел как по нотам. В басовое тремоло напряженного безмолвия врезалось глиссандо заходящих на посадку летунов. И тут на «Кречете» всем стало не до шуток.

Залязгали, сея свинец, установленные на марсах «максимы». Ожила, не прошло и минуты, вторая пара пулеметов, один из которых стоял на центральном мостике, а второй — на заднем. В те секунды наши бойцы как один глядели на небо — на пробивающиеся сквозь туман огни летающих машин. Когда по палубе загрохотали сапоги вооруженных чужепланетным оружием убийц в матросских форменках, этого не ожидал никто...

На «Кречете» началась форменная резня. Оружие «хозяев» разило беззвучно, я видел лишь алые отблески выстрелов, озаряющие осточертевший туман. Потом все-таки раздалась вялая ружейная пальба — я-то боялся, что моряки полягут, не успев сделать ни одного выстрела. Но... как бы не так! Балтийцы задешево отдавать свои жизни не пожелали.

Послышался отчаянный женский крик. Я покрылся с ног до головы «гусиной кожей». Сжал челюсти с такой силой, что на зубах полопалась эмаль.

«Мускул» с шумом втянул носом воздух:

— Бабы! — констатировал он с предвкушением.

— Карп! — взмолился я. — Останови это безумие! — А затем завопил, дав волю чувствам: — Ты что?! Против кого пошел?! Басурман!!!

— Помолчи, доктор, коли жизнь дорога! — повторил вождь «троглодитов». Он высунулся из-за скалы, поглядел на озаряемый вспышками броненосец и быстро втянул голову обратно. — Если кто останется жив, всех заберем с собой. В наш мир, доктор, домой заберем. И тебя заберем. Ты мужик хороший, будешь лечить господ и дальше, нечего здесь тебе пропадать...

Из его бормотания я не понял решительно ни единого слова.

— Что вы делаете, Карп? — простонал, силясь повернуться и посмотреть, что же творится на «Кречете»; вот только «мускул» крепко держал за плечо, пресекая в корне попытки своевольничать. — Думаете, «хозяева» станут с вами нянькаться? — заорал, брызгая «мускулу» в лицо слюной. — Да вас следом же пустят в расход! Помянете мои слова!

— Они обещали вернуть нас домой, — упрямо наклонил голову Карп. — Понимаешь: домой! Домой!

— Домой-домой! — передразнил я. — Такой ценой ты попадешь разве что в пекло, а не домой! Иуда!!!

— Мы заберем всех, кого сможем! — Карп содрал с лица корсарскую повязку, оголив червоточину пустой глазницы. — Они обещали!

Первый акт драмы закончился, и тут же, без какого-либо антракта, без передышки и перекура начался второй акт. Я полагал, что летуны, выполнив отвлекающий маневр, уберутся восвояси. Но машины «хозяев» двинули на посадку, заходя на броненосец с носа. В какой-то миг я их увидел: три изящных силуэта, они летели кильватерной колонной сквозь луч боевого фонаря «Кречета». Точно рыбацкие шаланды, ползущие на свет маяка.

С марса грот-мачты грянула пулеметная очередь. Первый летун качнулся, принимая в

себя свинцовый рой, и в следующий миг в воздухе развернула щупальца каракатица взрыва. На скалы хлынул град из раскаленных обломков. Загрохотало и завизжало вокруг.

Карп и «мускул» присели, прикрывая головы руками... и я понял, что время моего выхода на сцену настало.

Нет, я не ударил «мускула» коленом в лицо, хотя достать его таким образом было как никогда удобно. Я не попытался отнять чужепланетное оружие у Карпа; нетрудно догадаться, кто бы оказался сверху в той борьбе. Я тоже присел... затем заорал благим матом, судорожно шаря руками по пояснице. Да-да, по пояснице — все нужно было сделать естественно, быстро и без ошибок.

— Что стряслось? — Бровь над единственным глазом Карпа округлилась. — Ранило, поди?

Я затряс головой, не прекращая скрежетать потрескавшимися зубами, будто одержимый. «Мускул» взял меня за локоть и стал поднимать на ноги. «Стрелялку» он, растяпа, держал острым концом вверх. О том, что и у меня может сыскаться оружие, эти двое, похоже, не подозревали. Действительно, зачем доброму доктору пистолет? Единственное зло, которое способен причинить эскулап-простачок, — разве что промахнуться иглой шприца мимо вены. Я сжал рукоять револьвера. Сейчас они на своих шкурах испытают, на что способен доведенный до отчаяния русский интеллигент!

Вот оно! Понеслась душа в рай!

Я выдернул пистолет из-за пояса. Ткнул вороненым стволом в твердокаменный живот «мускула» и спустил курок. Звук выстрела утонул в мягких тканях «троглодита», затерялся на фоне стрекота пулеметов. Даже Карп, казалось, не взял в толк, что произошло с его немногословной «правой рукой». На бородатом лице возникло вопросительное выражение — предполагаю, в тот момент он собирался спросить: что, мол, и тебя зацепило, поди?

Я без жалости вдавил ствол револьвера в рану на животе «мускула» и еще дважды нажал на спусковой крючок. Обе пули прошли сквозь тело обреченного навывлет и нашли Карпа. Вождь «троглодитов» упал навзничь; рядом свалился, скрутившись в позе эмбриона, перхающий кровью «мускул». Я вышиб оружие «хозяев» из их рук, отбросил от греха подальше.

А над «Кречетом» в этот момент било ключом светопреставление. На моих глазах оба уцелевших летуна извергли из себя вытянутые языки лилового пламени. Грот-мачта броненосца сейчас же согнулась посередине, будто сверху на нее упал непомерный груз, а стальная коробка Марса вдруг оплыла, точно оставленная на солнцепеке головка сыра. Лиловые языки беззвучно и с животной алчностью облизили ростры; все, с чем они соприкасались, охватывало дымное пламя. Горела даже краска, покрывающая броню надстроек.

Потом что-то бабахнуло, и один из летунов стал выделять в воздухе живописные кренделя. Через миг он зацепился плоскостью крыла за грот-мачту и со звуком, похожим на стон великана, обрушился на ходовую рубку броненосца. Грохот от падения летающей машины слился с воплем, исторгнутым одновременно множеством людей.

Карп пошевелился, тряхнул пропитавшейся кровью бородой. Приподнял руки и начал перебирать пальцами в воздухе, словно намереваясь поймать что-то невидимое мне. Я склонился над раненым: вождь «троглодитов» глядел на клубы дыма в небесах пустым, рыбьим взором.

Несомненно, высшие силы (не хочу говорить — Бог, боюсь так говорить!) наделили меня двумя талантами: спасать жизнь и отнимать жизнь. Одна выпущенная мною пуля сбрила Карпу часть черепа, а вторая вошла под подбородок. Жить Дудкину оставалось пять минут, не больше. И за это время ему суждено прочувствовать на своей шкуре такие муки, что ожидающий за порогом небытия ад покажется местом не более пугающим, чем лавка таксидермиста после захода солнца. Карпа вдруг выгнуло дугой, он с натугой засипел, закашлял, и сквозь эти звуки я услышал нечеткое:

— Я... дома... Маруся... ставь самовар...

Таковы были последние слова Карпа Дудкина, вождя «троглодитов», нашего первого учителя здесь, на Марсе; человека, отвернувшегося от своей человечности. Как говорится, променявший первородство на чечевичную похлебку.

И все же Карпу удалось достичь соглашения с «хозяевами»! Интересно... узнать бы как! Жаль, что из этого «без пяти минут покойника» не вытянуть ни одного вразумительного слова.

Или (всякое может быть!) Карпу только показалось, что он договорился с «хозяевами»? Кто знает, какими средствами воздействия на человеческое сознание обладают лохматые бестии.

Я поймал себя на том, что продолжаю мертвой хваткой сжимать рукоять револьвера. А пистолет-то стал липким от крови, скользким... В какой-то момент отчаянно захотелось зашвырнуть его за скалы. Но в барабане остались три патрона, значит, придется сказать оружию «Прощай!» чуть позже.

Тем временем пальба прекратилась. Совсем. Замолкли пулеметы и винтовки, неслышно стало (что весьма странно) криков и вообще человеческих голосов. Если бы не гул пламени, бушующего на роствах «Кречета», и не ритмичное уханье, доносящееся из рухнувшего на ходовую рубку летуна, можно было бы сказать: мол, «воцарилась тишина».

Второй летун примостился перед орудийной башней главного калибра на носу броненосца — так, бывает, муха способна пристроиться на носу у спящего человека. Жаль, что в башне, видимо, никого не оказалось. Жахнуть бы тогда из обоих стволов, чтоб от последней летающей машины остались рожки да ножки...

Прижавшись спиной к скале, я наблюдал за летуном. Происходящее на палубе было скрыто от моего взора. Оставалось только строить предположения одно другого краше. Лезть, очертя голову, по штурмтрапу на броненосец я, признаться, не решался.

Время текло неспешной водицей. Туман наконец поредел и развеялся. Лишь иногда густой дым накатывал на скалы, скрывая их очертания. Стало видно обложенное иссиня-черными тучами небо с водянистым пятком солнца, цепляющимся за зенит. Тучи плыли с севера на юг: тяжелые, неповоротливые, готовые разразиться то ли градом, то ли снегом.

Что же, черт возьми, происходит на палубе?

С превеликой осторожностью я поднял оружие «хозяев». Рог — легкий и гладкий на ощупь — казался вылитым из стекла. На его широком конце нашлось щелевидное отверстие. Как я ни старался, но приладить оружие к руке мне не удалось. Кроме того, я не нашел ничего похожего на спусковой крючок. Золотистые искорки метались, запертые внутри смертоносного конуса, но каким образом сделать так, чтобы они выплеснулись наружу огненной дугой — ума не приложу!

Наконец летун отчалил. Сделал прощальный круг над горящим броненосцем и неспешно поплыл на север. Я же стремглав кинулся к ближайшему штурмтрапу.

На «Кречете» горели тенты и леера, вельботы и шлюпбалки, даже деревянный настил палубы... В общем, горело все то, что перед сражением команда либо выбрасывала за борт, либо прятала в трюмы. С роства сыпались малиновые искры, то и дело меня с головой накрывала волна смолянистого жара.

В то же время от холода стучали зубы. И был это какой-то нервический, внутренний холод. Тяжелое предчувствие поселило в душе зимнюю стужу. Я брел вслепую через клубы дыма; меньше всего на свете мне хотелось бы наступить на чье-нибудь тело.

Действительно, покойники попались не раз и не два. Но было их куда меньше, чем я предполагал.

Вот я уже возле носового шпиля.

Здесь дышалось легче: ветер уносил дым к корме. Я увидел, что походная церквушка, развернутая ранним утром отцом Савватием, развалилась, как карточный домик. Скорее всего, ее раздавил при посадке летун. Сам священник лежал рядом с переносным алтарем, уткнувшись лицом в палубу. Его широкая спина была изуверски посечена осколками. Трупы, трупы... Семеро, кажется, наши, четверо — уж точно субчики Карпа. Ха! Размен, учитывая

сопутствующие обстоятельства, весьма красноречивый.

Двое раненых: один любителю полетом ангелов на небе, из обширной раны на груди льется сизый дым. Второй извивается по палубе, зажав зубами край воротника. Правой ноги у него нет по щиколотку. Обрубок волочится следом за моряком, соединенный с культей полоской кожи.

Я прошел мимо первого и мимо второго. Меня одолевали тягостные думы.

Куда подевались остальные? Если «хозяева» их убили, то где тогда тела? Не могли же они испариться?

Или «хозяева» погрузили людей внутрь летающей машины? Нет, летуны, атаковавшие броненосец, были куда меньше тех, на которых нам приходилось летать в качестве живого груза. Насколько я мог судить, в уцелевшее после боя воздушное судно пятьдесят человек (это вместе с «троглодитами») попросту бы не поместились.

Что здесь произошло? Увижу ли я когда-нибудь... Галину?

Боже милосердный, за что?

Где они: где Галя, где Северский? Где матросы? Неужели они все исчезли? Неужели на «Кречете» остались лишь я да двое раненых, один из которых вот-вот испустит дух?

Хотелось задрать голову к темным небесам и завывать по-волчьи. Не передать... нет, не описать словами боль, которую мне довелось испытать в тот момент.

Маленькое зеленое пятнышко понеслось над палубой, подхваченное порывом ледяного ветра. Взлетело на высоту покореженных марсов, затем плавно скользнуло вниз, завертелось среди нанесенного песка, мокрого от пролитой крови. Я наклонился и поднял мохнатый лист. Повертел его в пальцах, недоумевая, каким образом он мог здесь объявиться. Это же — дикая малина... Откуда?

«Быть может, их всех вернули на Землю?» — мысленно схватился я за соломинку.

«Бред! — ударил самого себя по рукам. — Стали бы „хозяева“ обходиться честь по чести с бывшими рабами, точнее, с бывшим рабочим скотом! Вернуть на Землю... Земля... А если они на самом деле... Одним махом отправили всех, кто мог стоять на ногах, на Землю? Ведь на палубе остались только трупы да двое раненых, которые наверняка были без сознания...»

Стоп! О каком возвращении может идти речь, если «хозяева» даже *не знают*, где находится Земля! Легче поверить, что они забросили людей за Магеллановы облака.

Я смял малиновый лист в кулаке и сунул его в карман брюк.

...И все-таки я надеюсь, что Галя вновь оказалась на Земле. Я знаю — глупо тешиться подобными мыслями и... тем не менее! Закрываю глаза и вижу ее: вот сейчас она дышит воздухом, наполненным запахом трав и лесов, вот она видит пасущиеся на лугах стада, блеск солнца в речных водах... Пусть она вернется в лоно цивилизации: в шумный город ли с электрическими огнями, в тихую деревню ли у черта на куличках — не имеет значения. Пусть она найдет себе место среди людей. Среди людей, не познавших ужаса и тягот существования в бесплодных долинах Марса, людей, незнакомых с тем, что такое жить под властью «хозяев» с других планет, под дланью *богов-насекомых*. Пусть ее дитя появится на свет вдали от этого кошмара... Я надеюсь, что все произошло именно так.

Только так и никак иначе. Прощай, так и не ставшая моей женой. Предчувствие того, что нам не суждено быть вместе, признаюсь, жило внутри с момента, как я впервые увидел тебя. Твои фиалковые глаза... Мы с тобой — осколки чересчур далеких друг от друга миров. Сам космос оказался против нашего союза.

Пусть так, лишь бы ты оказалась на Земле. Лишь бы ты жила. А я буду молиться за тебя до конца своих дней.

...Я молча перетянул бедро раненого ремнем. Наверняка лицо мое было страшно и черно, как у висельника. У бедняги, едва он взглянул мне в глаза, тут же пропала охота стенать и умолять спасти ему жизнь. Он выпустил изо рта мокрый, покусанный воротник и стал хрипло дышать, словно загнанная лошадь.

Оказав первую помощь, я взвалил матроса себе на спину. Вот дотащу до

операционного пункта, а там поглядим, что делать дальше. И нужно ли.

И тут я услышал... то ли стон, то ли плач. Нечто донельзя жалобное и невнятное. Звук доносился — я повертел головой в поисках его источника — из угольной ямы, закрытой массивным стальным люком.

Я опустил раненого матроса на палубу, подбежал к угольной яме. В этот момент кто-то постучал по люку с другой стороны.

— Эгей! — донеслось из-под стальной заслонки. — Братцы! Есть кто живо-о-ой?

Я вынул из-за пояса липкий револьвер, взвел курок и лишь после этого навалился плечом на люк. Поскрипев зубами, поелозив сапогами по палубе, мне удалось наполовину сдвинуть его в сторону. Из ямы высунулся грязный, как трубочист, баталер Мошонкин. В руках он сжимал винтовку с расщепленным прикладом и стволом, свернутым на манер буквы «Г». Сверкая белками глаз, он уставился на револьвер в моей руке. Потом его губы перекосились, задергались, и Мошонкин снова нырнул в яму, будто устыдился при мне давать волю чувствам. Но я оказался проворней: я схватил баталера за воротник и чуть ли не силком вытащил морячка на палубу.

Задав баталеру несколько вопросов и не получив связных ответов, я бросил Мошонкина обливаясь слезами в компании с самим собой. Скорее всего, этот хвост схоронился в угольной яме до того, как летун пристроился на палубе броненосца. В этом, кстати, я не увидел ничего позорного. В конце концов, в обязанности Мошонкина входило заведовать денежным, вещевым и пищевым довольствием команды, а не биться с вражеским десантом. У нас на флоте, конечно, каждый моряк — герой, вот только запас героизма не у всех одинаков. В следующий миг мне довелось испытать оторопь. Из дыма, окутавшего надстройки, вышел Северский: грязный, забрызганный кровью, с желтыми волдырями ожогов на лице. Увидев меня, он сунул свой револьвер в карман кителя и рассмеялся. За спиной артиллериста выросли четверо матросов, через какое-то время к ним присоединились еще восемь человек. Все были изранены, обожжены; все удивленно озирались по сторонам, словно не понимали, где находятся и что с ними вообще произошло.

Двое матросов, кстати, опомнились быстро: они подхватили покалеченного друга под руки и потащили в операционный пункт.

Я кивнул Северскому:

— Похоже, Георгий, мы снова те, какими были в начале пути: беспомощные и поставленные на колени...

Северский поморщился. Отряхнул здоровой рукой прожженные брюки. Затем уселся на палубу. Просто так: где стоял, там и сел.

— Черт, Паша! Не пяльтесь на меня как остолоп, а прикурите-ка лучше папиросу!

Я подчинился. Вынул из кармана его кителя смятую папиросу и спички, раскурил, не чувствуя вкуса дыма, затем сунул папиросу Северскому в губы.

— Они ушли раньше, чем собирались, — проговорил он, одновременно выпуская дым из ноздрей, — их что-то отвлекло. Мы заперлись в машинном отделении, и они нас самую малость не достали. Вот столечко не хватило дотянуться! «Шубы» и холопы эти... Что-то их встревожило. Что же? Хотел бы я знать...

Он замолчал, и в опустившейся тишине мы услышали, что где-то далеко гремят выстрелы. Северный ветер с услужливостью телеграфа нес нам известия о боях, разгоревшихся за горизонтом.

Помоги вам Бог, штурман Купелин! Вам и вашему маленькому воинству. Отплатите проклятым тварям за разгром «Кречета»!

9

В тот день никому из оставшихся в живых (за исключением меня, Кощея Бессмертного) не удалось миновать операционный пункт. Я зашивал раны, обрабатывал ожоги и делал перевязки со сноровкой прошедшей через несколько кампаний сестры милосердия. Довелось

мне провести без ассистента и три довольно трудоемкие операции, в том числе одну ампутацию.

Слава богу, что над головой тогда не свистели пули, и корабль не бросало из стороны в сторону волнами от взрывающих море снарядов.

Моряки, слезая со стола, благодарили меня и сразу же шли, пошатываясь, на палубу. Конечно, кроме тех, с кем пришлось изрядно повозиться.

Почему?

Потому что наверху кипела работа. Замотанные в бинты, точно мумии египетских фараонов, одуревшие от морфия люди упрямо готовили «Кречет» к последнему бою. Со стороны это, наверное, было жуткое зрелище. Но дело в том, что я-то оказался участником горячего действия, а не сторонним созерцателем. И мне, находясь внутри, было не до слез и не до смеху. Я агонизировал вместе с остальными.

Кого-то непрерывно рвало, кто-то терял сознание, и его оттаскивали на ют, чтобы он пришел в себя и перевел дух на разложенных под открытым небом пробковых матрацах. Один, орудуя молотком, раздробил себе фаланги пальцев; второй, рубя обгоревшее рангоутное дерево, раскроил топором лодыжку. У третьего закружилась голова, и он, неудачно повернувшись, свалился за борт. А за бортом — не водица, за бортом — насыпь из гранитных и базальтовых обломков... То и дело раздавался крик: «Доктора! Скорее доктора!!!»

...У четвертого стали расходиться швы, а пятый не может больше стоять на ногах.

Вот дьявол! Ведь пятый — это я!..

Ближе к ночи мы с баталером Мошонкиным перенесли тела погибших в пустошь. Довелось рыть двенадцать неглубоких могил, выбирая места, где на глубине одного штыка лопата не натыкалась бы на темную скалу... А потом еще долго-долго стояли, прислонившись друг к другу, точно казанские сироты, и молча глядели на двенадцать холмиков-близнецов.

Ни могильных камней тебе, ни крестов. Пожалуй, кресты возможно будет смастерить, как только выпадет передышка. Вернее, если выпадет... Ни баталер, ни я — поганый грешник — не знали слов отходной молитвы. Странно, ведь за последнее время столько раз приходилось ее слышать... И не запомнил! Особенно было стыдно перед душой нашего доброго друга отца Савватия, которой сорок дней придется бродить по бесплодным равнинам Ржавого мира.

К полуночи запас абстинентной бодрости у моряков исчерпался. Но к тому времени на палубах устроился относительный порядок. Всю гарь свалили за борт, туда же последовал и почерневший остов рухнувшего на ходовую рубку летуна. Зажглось боевое освещение, на стратегических позициях появились новые, блестящие от смазки пулеметы. Над пулеметами взвились дымки от папирос приставленных к ним «номеров», а на стеньге фок-мачты взвился новый вымпел.

Аминь! Мы опять совершили невозможное.

На севере грохотало вовсю, горизонт подсвечивали багровые зарницы. И причиной тому была не прихоть марсианской погоды.

Проведав раненых, я поднялся на ют. Там собрались все, кто был свободен от ночной вахты у пулеметов. Эх, и мало же нас осталось... Просто жалко смотреть! Раз-два и обчелся. Затаив дыхание, мы слушали звуки далекого сражения, которые нес с собою ветер.

— Это хорошо, что стреляют, — констатировал, пожевывая незажженную папиросу, Северский. — Стреляют — значит, есть кому держать в руках винтовки.

В эту ночь всем довелось спать на юте. Да-да, всем, кроме тяжелораненых. Мне становилось дурно от одной мысли, что я мог бы спуститься в каюту, в стенах которой жил отзвук родникового голоса Галины, и как ни в чем не бывало выпить кружку чаю, прилечь на кровать, укрыться теплым шерстяным одеялом...

Баста!

За непреодолимой стеной «вчера» остался тот «я», который удосуживался перебирать

рукописи, лелея надежду, что эти идиотские листы, испещренные не менее идиотскими значками, могут иметь какую-то ценность. Нет больше того «я», что брызгал на френч «Eau De Cologne» и позволял себе сжимать в руках хрупкую женскую фигурку. Теперь мой удел — посыпать голову пеплом и только.

Я пережил очередную метаморфозу. Я познал, что такое сжигающее изнутри пламя войны. Вкусил многократную горечь потерь. Испытал, что такое быть преданным, быть брошенным на произвол судьбы под чужим небом и быть обреченным...

Моряки укрывались шинелями и офицерскими тужурками. Каждый рядом с собой держал винтовку с примкнутым штыком. Мы почему-то уверились, что ночью «хозяева» непременно нагрянут еще раз, дабы завершить начатое дело. А перед рассветом настала моя очередь дежурить вторым номером у «максима». Я стряхнул с себя остатки сна и внезапно почувствовал острую обиду на весь мир. Точнее, на два мира: на Землю и на Марс. Меня живьем съедало малодушное желание наплевать на всех и вся и спрятаться от действительности в объятиях Морфея. В голове гудело, мысли путались. Руки и ноги точно кто-то поменял местами, пока я спал. В общем, было мне худо — несколько не лучше, чем покойнику, оживленному черной магией.

За бортом «Кречета» бушевала стихия. Нет, не ночной океан, но ветер, и пыль, и песок. Лучи боевых фонарей беззвучно шарили по пустоши, освещая кипение рыжих потоков. Стрельба на севере прекратилась, зарницы унялись. Означала ли эта тишина, что дерзкий план Купелина сработал?

Не знаю, у меня не было сил даже надеяться на лучшее. В тот момент я с нетерпением... да, с нетерпением ждал появления «хозяев». Я всей душой ощущал приближение часа последней схватки, это предчувствие постепенно вытесняло другие мысли, заполняя собой потрепанную телесную оболочку, вытесняя мою сущность куда-то прочь.

Наверное, так сходят с ума. Я сидел на ящике с пулеметными лентами, я сжимал ладонями распираемые давлением виски, я бессмысленно глядел на скользящие по пустоши световые пятна.

Пусть мучительная агония прекратится! Мы потеряли почти все, что только могли потерять. Нам никогда не вернуться домой. Нашими ничтожными силами не переломить хребет «хозяевам». Мы погибнем в холодной пустыне; и единственное, что судьба позволяет нам выбрать, — это как именно мы уйдем в мир иной.

Что ж, пусть тогда будет битва! Неравная, кровопролитная, жестокая! Солдаты Империи, затерянной за далекими далями, не ждут иной участи. Эта битва станет жирной точкой в нашей «героической» одиссее по Ржавому миру. Мы погибнем так, как когда-то погибали варяги — с усмешкой на обескровленных губах.

Однако усмехаться отчего-то не получалось. Я поймал себя на том, что битый час верчу барабан револьвера. А в барабане-то три патрона...

Мой первый номер монотонно жаловался на боли, причиняемые ему ожогами, и клянчил «какой-нить порошок». Я слушал вполуха. Я прекрасно понимал этого несчастного, ведь его место было в лазарете, а не за пулеметом. Однако ничем помочь ему не мог. Разве что, вопреки приказу Северского, не стал будить, когда он засопел, уткнув голову в колени. Теперь я сам наблюдал за скольжением лучей прожекторов. Я вглядывался во тьму до рези в глазах, однако не видел ни летунов, ни быстрых цилиндров.

«Хозяева», черт вас дери! Что же вы, гады, медлите?

Тьма услужливо рисовала портреты Галины, капитана Германа, отца Савватия, старшего офицера Стриженова, боцмана Гаврилы. Куда бы я ни посмотрел, всюду были их лица. Тьма ждала, когда она сможет поглотить остальных защитников «Кречета». Тьма жаждала обогатить галерею погубленных душ нашими измученными ликами. И теперь, когда я остался один на один с марсианской тьмой, она пробовала меня на вкус, сея песком в глаза, холодя лицо морозным ветром.

Опустил руку в карман и вынул помятый малиновый листок. Потер его двумя

пальцами, ощущая под подушечками влагу. Вдохнул едва ощутимый травянистый запах.

Сердце стиснула осторожная боль. Ого! Спазм сердечной мышцы! Черт, немеет в груди и тяжело дышать!..

Но сегодня недуг только испытал миокард на прочность и отступил. Думается, ненадолго. Тьма тотчас взвыла, припорошив меня ржавой крошкой. Я понял, что нынче тянется самая долгая ночь из всех ночей, что довелось мне пережить на этой треклятой планете.

10

— Цилиндры по левому крамболу!

«Бом-бом-бом-бом!» — зазвенела медь судового колокола. Часто-часто, точно нитевидный пульс тяжелобольного, точно средневековый набат.

Северский не дал мне закончить перевязку. Накинул на раненое плечо китель и, не говоря ни слова, выбежал из операционного пункта вон. Я поднял оброненную офицером папиросу и затушил ее об стенку судочка с отработанными бинтами. Спешить наверх, к остальным, как-то душа не рвалась. Меня одолевал вполне понятный сплин, и если бы не отчетливое понимание, что на борту всего двенадцать боеспособных штыков, клянусь Богом, улегся бы на операционный стол и так проспал бы до ужина.

На палубе я столкнулся нос к носу с баталером Мошонкиным. Корабельный завхоз сейчас же снабдил меня винтовкой и биноклем, а затем рванул на спардек к пулемету. Вообще-то мне было куда удобнее управляться со своим охотничьим ружьишкой — трофеем с «Дельфина», но я не мог не признать, что у изделия Мосина коэффициент полезного действия не в пример выше.

На центральном мостике застыл, прильнув к окулярам бинокля, Северский. Его китель висел на одном плече.

— Георгий! — окликнул я артиллериста. — Где?

Северский протянул руку с биноклем вперед, вычленив отрезок из прямой горизонта. Мне почудилось, что лицо его было несколько растерянным и... разочарованным, что ли?

Я поспешил припасть к окулярам.

Действительно, в миле от «Кречета» параллельно горизонту бежали легконогие, словно озерные водомерки, боевые механизмы «хозяев». Причем они явно не намеревались приближаться к броненосцу. Просто перебежали из одной точки на карте Марса в другую, рассчитав железными извилинами кратчайший путь.

Над моей головой заворочался обгорелый ствол скорострельной пушки Гочкиса.

— Ваше благородие! — окликнули Северского матросы, назначенные комендорами. — Готовы открыть огонь, как только прикажете!

Северский раздраженно потрянул головой:

— Да погодите вы! Мимо они бегут, не видно, что ли?

Да, Георгий, правильно. Зачем лезть на рожон? Бегут многоногие жестянки по своим делам — и пусть себе бегут... Вот только, ветерок, предвещающий генеральное сражение, дул мне в лицо особенно бодро.

— Держите гадов на прицеле! — прокричал Северский. — Огонь не открывать, пока не повернут на нас!

Сколько же там было цилиндров?

Я вновь поднес к глазам бинокль.

Девять... Прилично!

— Цилиндры по правой ракушке!

Комендоры «гочкиса» разразились бранью. Я же сломя голову бросился к правому борту.

По западному берегу Стикса, опять же, в миле от корабля, двигала вторая вереница цилиндров. И было в ней не меньше двух десятков механизмов. Нешуточная сила, скажу

вам! Казалось, что эти цилиндры спешат навстречу сотоварищам, бегущим по восточному берегу мертвой реки.

Зачем?

В тот момент у меня возникло одно предположение. Я посчитал, что цилиндры собираются взять «Кречет» в кольцо, а затем привести в действие пресловутый «резонансный переход» и отправить броненосец за тридевять земель или еще куда подальше.

Над руслом Стикса взвилась красная сигнальная ракета. Врезалась в обвислое брюхо ползущей с севера тучи и утонула в ее розово-сером чреве. Не успел я толком уразуметь, что могло это означать, как на спардеке заголосили:

— Это штурман! Ребята! Штурман помощи просит!

Вот оно что! Всем сразу пришло в голову, что цилиндры спешат наперерез отряду Купелина. Неужели жестянки наивно полагают, что смогут расправиться с людьми у нас под носом?

Весть о том, что партизаны возвращаются, мигом облетела «Кречет».

— Купелин! Купелин!!! — заорал каждый, кто только мог.

— Ура! — захрипел, придерживая заштопанное на скорую руку брюхо, рыжеусый матрос Тульский.

— Ура!!! — подхватили на спардеке.

И крик моментально заглушило злое твяканье «гочкиса». Не знаю, приказал ли Северский открыть огонь или матросы проявили своеволие. Но через миг со спардека уже палили оба пулемета, разя направо и налево.

По пустоши заплясали рыжие фонтаны. В бинокль я увидел, что цилиндры отреагировали мгновенно: не меняя ритма движения, они дружно отхлынули в глубь равнины. Было непохоже, что беспорядочный огонь, обрушившийся с броненосца, причинил им хоть какой-нибудь вред.

Я кинулся к трапу, ведущему на спардек, к пулеметным расчетам. Оттуда можно было беспрепятственно наблюдать за происходящим по обе стороны от русла Стикса. На какое-то время стрельба прекратилась. Стало слышно, как Северский надтреснутым голосом поносит на чем свет стоит комендоров.

— ...слепота куриная! Погодите — вылечу вас от косоглазия!

А цилиндры тем временем успели отступить на полмили. Я был поражен: они словно зависли на месте, опираясь на тонкие, непрерывно извивающиеся щупальца. В тот момент боевые механизмы «хозяев» как никогда походили на гротескных медуз, дрейфующих под залитой солнцем гладью океана, усаемой поверхности. Картина, наблюдаемая мною через окуляры бинокля, надо признаться, завораживала.

Бурое полотно пустоши, рассеченное надвое ветвистым руслом Стикса... Ветер, отгулявши ночь, утихомирился; воздух неестественно прозрачен и равнина просматривается до самого горизонта... Высоко в небе ворочаются грязно-желтые облака, водяной пар в которых смешан с вездесущими частичками пыли...

И чужепланетные создания абсолютно противоестественной с точки зрения земной науки природы... Вот они висят как будто неподвижно, а в следующую секунду совершают филигранную эволюцию и со скоростью лавины устремляются к броненосцу.

Мчат на нас с двух сторон, заключая «Кречет» в своеобразные клешни.

Интересно, каким образом цилиндры координировали совместные действия? Обменивались ли информацией посредством радиоволн или иных излучений? Или, быть может, цилиндрами руководили инстинкты, наподобие тех, что присущи коллективным насекомым, только возведенные в степень иной сложности?

— А-а-а! — завопил Мошонкин, и дымящийся «максим» разразился длинной очередью. Вновь заухал «гочкис», рождая на полотне пустоши воронки с осыпающимися краями. Я привалился к фальшборту, ведя на «мушке» одну из приближающихся железных каракатиц.

Ближе... ближе... ближе...

Передо мной был западный берег Стикса. Через однообразно-плоскую равнину струилась цепь из двадцати цилиндров. То тут, то там вздымались султаны пыли, сверкали искры, высекаемые пулеметными пулями из круглых боков боевых механизмов. Однако цепь не редела. Я тогда понятия не имел, как идут дела на другом берегу, — его щедро поливали из «гочкиса»; я лишь надеялся, что 47-миллиметровые снаряды «жестянкам» уж точно проигнорировать не удастся. Запоздало пришло в голову, что всем, кто стоит рядом с винтовкой в руках, стоило бы оживить еще одну скорострельную пушку: может, от нее было бы больше проку.

Но вот до цилиндров уже можно доплюнуть, и в ход идут винтовки.

Я жал на спусковой крючок, передергивал затвор и снова стрелял. Стрелял, словно в тире. Лишние мысли, слава богу, выветрились из-под черепной коробки. Я оказался целиком и полностью во власти этого требующего изрядной сноровки занятия.

Охнул взрыв такой мощи, что «Кречет» — клянусь Богом! — подпрыгнул на добрых три фута. Столб красного грунта, каменных обломков и пламени пронзил облака, связав воедино небо и землю. На палубы броненосца, нам на головы обрушился ливень из щебня и оплавленных фрагментов боевых механизмов. Вокруг засвистело и залязгало. На несколько непозволительно долгих секунд мы были вынуждены отлепить пальцы от спусковых крючков и гашеток, чтобы прикрыть руками головы.

Думаю, это Мошонкин врезал очередью по одной из глубинных бомб, припрятанных в пустоши. В пылу боя я как-то позабыл об этом козыре в рукаве — о минном заградительном поясе.

После короткой паузы, заполненной свистом падающих с небес обломков и матросскими матюгами, пришел черед яростной пулеметной тираде, и почти сразу же прогремел второй взрыв.

Цепь нападавших разметало. Более того, она поредела чуть ли не наполовину. Красивый строй сломался, механически четкий ритм движения сбил, выверенный порядок атаки превратился в какофонию. Теперь каждый цилиндр бежал сам по себе, но бежал вперед. Бежал на нас.

Цилиндры перемещались быстро; однако не быстрее несущейся галопом лошади. Чем ближе они подбирались к «Кречету», тем чаще их путь пересекался с огненным пунктиром, расплескиваемым стволом «максима». Тем чаще мои пули отыскивали цель в круговерти ржавой пыли, мелькающих щупалец и бочкообразных корпусов.

Постепенно наши усилия стали приносить результат. Вот один цилиндр завертелся юлой, а затем упал на бок; вот второй — он вдруг взорвался на ходу, в мгновение ока превратившись в катящуюся по инерции кучу лома. Третий неожиданно сбавил ход. Сея вокруг себя золотые искры, он неторопливо развернулся и побрел обратно — в глубь пустоши, словно передумал воевать.

На западном берегу Стикса осталось всего семь цилиндров. Семь — это, конечно, не двадцать, тем не менее время вытирать пот еще не пришло. Одного боеспособного цилиндра хватило бы, чтоб в минуту покончить со всеми защитниками «Кречета». И, повторюсь, я не знал, что творится на восточном берегу. Может, девять «жестянок», надвигавшихся с той стороны, целы и невредимы?

Итак, семь боевых механизмов, наблюдаемых мною через прорезь прицела, достигли Стикса. Не сбавляя хода, они нырнули в русло, пропав на время из вида.

Затем один из механизмов появился на вершине островка, подпирающего нос «Кречета». Я ожидал, что он попытается перемахнуть на палубу или просто станет тянуть к нам светящиеся нити своей смертоносной паутины. Однако вместо того и другого цилиндр неожиданно раскрылся, развернул броню наподобие цветочных лепестков и явил на всеобщее обозрение переплетение металлических внутренностей. Усевшись таким образом, он принялся чревоуващать:

— Покориться! Покориться!..

Это он, конечно, шутки вздумал шутить! Прошли времена, когда мы безоговорочно

покорялись «хозяевам». Нынче мы — калачи тертые-перетертые. Грозный резонирующий глас не заставит, как это случалось в первые дни пребывания на Марсе, враз лишиться разума.

Я встал в полный рост, вскинул винтовку и, почти не целясь, всадил пулю в незащищенную сердцевину механизма. Среди ажурных структур засияли золотистые всполохи. Цилиндр поперхнулся на полуслове и выдал, дребезжа, реплику на тарабарском языке. После этого он вытянул щупальца в стороны и больше признаков жизни не подавал.

Невольно залюбовавшись результатом удачного выстрела, я на секунду позже, чем бы следовало, услышал приближающийся лязг. Одновременно с матросом Тульским мы перегнулись через фальшборт и увидели, как по броне «Кречета» карабкается следующий цилиндр. Для него борт корабля был что отвесная стена, тем не менее механизм «хозяев» взбирался уверенно, точно муравей по стволу дерева. Я прижал приклад винтовки к плечу, да только выстрелить не успел: металлическая тварь оказалась проворнее. Одно из не закрепленных на броне щупалец выплонуло светящуюся нить; нить уверенно очертила полукруг, сбывая часть фальшборта, рассекая мою винтовку пополам и ровняя мне на левой руке пальцы по длине мизинца.

Я повалился на палубу, одурев от смеси противоречивых ощущений. Тульский впал в оцепенение. Он все еще разглядывал чудовищный механизм, а тот, судя по ритмичному лязгу, с секунды на секунду должен был появиться на палубе! Двумя ногами я отпихнул Тульского от фальшборта. С удивлением обнаружил, что матрос валится как подкошенный, точно давно собирался это сделать, и только ждал подходящего случая... Покатилась по обгоревшему настилу палубы голова, украшенная щегольскими рыжими усами, захлупала кровь, выталкиваемая из артерий неугомонным сердцем.

Взметнулись вверх огненные нити, отплясали в воздухе нечто замысловатое и исчезли. От фальшборта сейчас же отвалился добрый кусок. В возникшем проеме показались сегментные ленты щупалец.

От ужаса я едва не тронулся умом. Судорожно сунул руку в карман за револьвером, но понял, что не могу вынуть его покалеченными пальцами (то, что рука повреждена, я с перепуга не разобрал, зато теперь попал впросак).

Цилиндр медленно, словно нехотя, втянул себя на палубу. Наклонил бочкообразный корпус вперед и двинул на меня. Он был так близко, что я отчетливо слышал гул, рождаемый работой тысяч и тысяч электрических приводов в его чреве. Я чувствовал источаемый цилиндром запах — запах горячего железа и кремния. Я видел каждое отверстие, пробитое в корпусе пулями (а таких дыр было не меньше дюжины); я видел сквозь рваную прореху в круглом боку, как внутри движутся сложнейшие устройства, наделяя эту кучу железа подобием жизни.

— Помогите! Бога ради! — завопил я, отползая на локтях. — Спасите, братцы!

Со спардека ударил пулемет. Ударил практически в упор, ударил длинной очередью, обдирая с цилиндра броню, отрывая щупальца, круша хрупкую внутренность... И только счастливая случайность уберегла мою кожу от свистящих рикошетов.

Эта «жестянка» приказала долго жить. Взорвалась брызгами расплавленного металла, извергла из себя облако черного дыма и сорвалась с края палубы за борт. Но на броненосце уже воцарился хаос: запахло жареным во всех смыслах.

На юте скрежетало железо и мелькали в воздухе огненные нити. Загрохотало на спардеке, это громохание слилось с многоголосым воплем, и «максимы» одновременно замолчали; теперь только «гочкис» упрямо продолжал «забивать гвозди».

Еще один цилиндр промчал мимо; его побитый пулями корпус был обмотан порванными вантами. Эта «жестянка» небрежно, точно табуретку, отпихнула меня с пути горячим щупальцем и понеслась к трапу, ведущему наверх, к ходовой рубке. Я в это время уже освободил револьвер, поэтому, недолго думая, пальнул цилиндру вслед. Мягкая пуля со звонким «дзонг!» врезалась в броню боевого механизма. Цилиндр на долю секунды замер... а затем двинулся с прежним рвением, но в диаметрально противоположном направлении —

то есть на меня.

Не знаю, что бы произошло дальше... вернее, знаю. Но до сих пор страшусь представить. Наверняка светящиеся нити рассекли бы меня вдоль и поперек, причем разрез оказался бы настолько тонким, что органы продолжили бы работу, не создавая того, что они обслуживают покойника. Так и стоять бы мне на палубе, точно живому, пока что-либо не заставило бы пошевелиться.

...Однако, на мое счастье, в пустоши рванула очередная «рогатая смерть». «Кречет» опять подпрыгнул на добрых три фута, на рострах затрещали балки и вниз сорвался баркас. На моих глазах он рухнул на цилиндр, вмял его в палубу, а затем перевалился за фальшборт и был таков. Деформированный механизм поелозил на месте, трепеща пораженными тремором щупальцами, а потом отключился.

— Доктора! — заорали на спардеке. — Кто видел доктора? Доктор жив?..

Очевидно, на этом кричавший не успокоился, просто остальные слова заглушил возобновившийся стрекот пулеметов. Ну конечно, господа! Доктора вам подавай! Если состояние позволяет жать на гашетки, значит, сможете обождать минуту-другую...

Передышка! Я оглядел свои обрубленные пальцы. Вместе с осознанием того, что ранение имеет место быть, пришла и боль. Я словно окунул пальцы в кастрюлю с кипятком. Да-да, точно-с — с кипятком.

У-у, паскудина!

Кастрюля с кипятком на медленном огне!!! В кармане брюк нашелся не очень чистый носовой платок. Стоило его приложить к обрубкам, как он мгновенно напитался кровью.

Где-то неподалеку я оставлял пакет с перевязочными материалами. Ага, неподалеку... Что за мрак кругом? Голова — стоп! Отставить кружиться!!!

Я вцепился здоровой рукой в леерную стойку. Я стоял на том же месте, что и в *ту* ночь. Как и тогда, я лил кровь и очумело внимал происходящему вокруг меня.

А вокруг происходило нечто воистину грандиозное.

Пустошь курилась дымами. За какое-то короткое время она превратилась из монотонного полотна в беспокойную долину гейзеров, какие встречаются на Камчатском полуострове или на Огненной Земле. Постоянно что-то взрывалось, и пели, взрезая воздух, обломки всевозможных форм и размеров. По грязно-желтым облакам гуляли отсветы пламени, сквозь дыры в небесной пене на пустошь взидало похмельным взором маленькое красное солнце.

Цилиндры наступали! Караул!!!

Они шли на «Кречет» со всех сторон! Отовсюду!!!

Больше не было красивых формаций, как на параде; исчезла слаженность эволюций. Теперь цилиндры перли, как насекомые, учуявшие пададь. Вот только появилась черная точка на горизонте, через две минуты — это уже металлическая каракатица, без страха бросающаяся под пули. Казалось, что каждый механизм действует сам по себе. Но так ли было?

Захлебывались огнем «максимы», упрямо долбил «гочкис», гремели ружья. Потом вдруг, напрочь заглушив громы баталии, с левого борта «Кречета» ахнуло шестидюймовое орудие.

Пустошь пошла... как бы мелкой зыбью. И тут же пять приблизившихся к руслу Стикса цилиндров разлетелись вдребезги!

Это был сегментный заряд. Единственное средство, способное уничтожить идущую на корабль торпеду. В пылу боя кто-то не потерял голову и додумался зарядить шестидюймовку сегментным зарядом, поражающим цель осколками сверху!

Та же орудийная башня громыхнула вторым стволом. И сейчас же в пустоши стали взрываться «рогатые смерти». Одна за одной, одна за одной, и так по кругу. На западном берегу рванули все мины, на восточном — не меньше половины...

Тонны пыли и щебня подбросило к небу: чудовищная мощь взрывов в совокупности со слабой гравитацией сделали свое дело. Тучи стали свинцово-серыми, солнце померкло, на

пустошь свалился сумрак. А затем грянул сверхплотный каменный ливень. Вместе с кусками перемолотой породы на палубу падали оторванные щупальца «жестянок», куски брони, ошетилившиеся оборванными проводами внутренние приводы боевых механизмов...

На какое-то время мы потеряли ощущение пространства и самих себя. В ушах гроыхало, глаза не могли отличить неба от земли, вдобавок «Кречет» безжалостно трясло и раскачивало. Словно мы угодили в жестокий шторм! Дышать стало нечем: все задыхались, кашляли и безбожно ругались.

Тяжелая пылевая завеса отгородила нас от пустоши. Пулеметы снова смолкли. Зато стали слышны голоса людей. Кто-то монотонно требовал патронов, кто-то подвывал от боли, а на кого-то нашел приступ нездоровой веселости.

Интуиция подсказывала, что «хозяева» не преминут воспользоваться нашей близорукостью. Скорее всего, мы и «Отче наш» прочесть не успеем, как окажемся от цилиндров на расстоянии штыковой.

И все же человек полагает, а Бог располагает. События стали развиваться несколько иначе, чем я бы мог предугадать.

— На «Кречете»!! Ребята!!!

Пошатываясь, я подобрел к фальшборту и поглядел вниз. На недостроенной насыпи стояли наши: Купелин, Гаврила и семеро матросов.

Вот черт! А где же остальные? Где Лаптев?

— Ха! Здорово, доктор! — прокаркал осипшим голосом боцман. — Разуй глаза: вам ворота просверлили на сороковом шпангоуте! — Гаврила указал винтовкой на дыру чуть пониже броневых поясов. Широка была дыра, дыра на славу, действительно — ворота.

Мои глаза вылезли на лоб.

— Они на корабле?

Ответил Купелин:

— По всей видимости, это так, доктор! — сказал он самым обыденным тоном, будто речь шла об инфлюэнце. — Ждите гостей на нижних палубах!

Я схватился здоровой рукой за голову и побежал наверх, к ходовой рубке, где надеялся найти Северского. По пути я кричал, надрывая легкие:

— Полундра! Всем покинуть корабль! Уходим, ребята, пока не поздно! Слышали? Полундра! Уносим ноги!!!

Но матросы, вместо того чтобы взять ноги в руки, пятались на меня с какой-то неуместной настороженностью. Им-то было невдомек, что цилиндры уже хозяйничают в бомбовых погребах и крьюйт-камерах. Теперь одной искры достаточно, чтобы «Кречет» взлетел на воздух! Мы обороняли стальную крепость сколько могли. Теперь, когда враг вонзил когти в нашу ахиллесову пятку, — видит Бог — не стыдно сдать позиции во имя спасения собственных жизней...

— Отставить панику! Какой сучий потрох вздумал дурочку валять?

Гневный и всключенный, Северский налетел на меня, точно ястреб на зяблика. За офицером следовали четверо скороспелых комендоров с бледными лицами и пустыми, кукольными глазами. Мне показалось, что героические артиллеристы оказались несколько контуженными собственной стрельбой. Эта команда как раз перебежала из одной орудийной башни в другую: из-за нехватки людей на «Кречете» было невозможно организовать непрерывную подачу снарядов и пороха из трюмов к артиллерии, поэтому возле каждой пушки имелся приготовленный загодя боезапас на пару-тройку выстрелов.

— Паша?! — Северский вцепился в мой френч так, что затрещало сукно. — Паша, вы что?! — говорил он излишне громко — видимо, порядком оглох. — Белены объелись?!

Где? Где он видел здесь белену?

— Бегом с корабля!!! — заревел я, не щадя связок. — Цилиндры пробрались в крьюйт-камеру!!! Мы все погибнем!!!

— Вы с ума сошли, Паша! Я набрал в легкие воздуха, готовясь разразиться очередным ором, но...

Далее последовала отвратительная сцена.

Северский отвесил мне звонкую оплеуху. Тысяча чертей! Я ему кто — мальчишка-ординарец, что ли? Ослепленный болью и справедливой обидой, я крепко пихнул Северского в грудь. Сил-то у меня побольше будет... Офицер отлетел назад и повис на руках комендоров. На его кителе отпечатались кровавая пятерня — след от моей руки с подрезанными пальцами. Северский заскрежетал зубами и прыгнул, намереваясь по меньшей мере втоптать меня в палубу, точно зловредного клопа. Я снова пихнул, и он опять оказался на руках контуженых матросов.

Не знаю, сколько раз по кругу пришлось бы нам разыгрывать это позорное действо. Но ружейная стрельба возобновилась. И тогда мы завертели головами, пытаюсь уразуметь, что к чему.

Звуки выстрелов доносились из трюмов. Точно у «Кречета» прорезалось громкое, но неритмичное сердцебиение.

Для меня было яснее ясного: Купелин и ребята последовали за цилиндрами и навязали им бой в напичканных порохом глубинах броненосца. Самоубийственная затея...

— Вот и все. — Я прислонился спиной к дефлекторному вентилятору. Достал револьвер, переложил его в левую руку, большим пальцем прижал рукоять к окровавленной ладони и принялся заряжать барабан патронами. — Теперь поздно пить «Боржом», братцы.

Северский зыркнул на меня, точно рублем одарил, но послал матроса в трюм. Остальных отправил к башне с шестидюймовыми орудиями. Пылевая завеса редела, видимо, Северский надеялся, что ему удастся пальнуть разок-другой до того, как мы взлетим в воздух.

Из серо-рыжего марева вынырнули два летуна. Зависли над трубами броненосца, словно внезапно забыли, зачем их сюда прислали. За эту нерешительность летуны были тотчас же наказаны: после того как оба проглотили по пуле, они убрались, поджав хвосты и не сделав ни единого выстрела.

Пыльную мглу огласила «китовая песнь» «червелицых».

Подкрепление пожаловало! Что там, в конце концов, за распроклятой пылевой завесой?

У Мошонкина сдали нервы, и он выдал пулеметную очередь вслепую. Несколько человек поддержали его беспорядочной и какой-то нервической пальбой из винтовок. Заурчали электродвигатели, поворачивая тяжелую орудийную башню. Два шестидюймовых дула всматривались пустыми глазницами во мглу, тщетно силясь угледеть неприятеля сквозь редкие просветы.

На палубу выбежал матрос, неся с собою вести из трюма.

— Враг в машинном отделении! — выпалил моряк с ходу. — С ним схватились наши! Бомбовые погреба, видать, целы!

— Точно целы? — переспросил Северский, кривя рот. Губами он уже сжимал папиросу, а пальцами здоровой руки вертел спичечный коробок. Я подошел к офицеру и помог придержать картонку, пока тот чиркал спичкой. В конце концов, теперь и у меня нормально работала одна рука. В общем, мы с Северским переглянулись и поняли друг друга без слов. Да, мы снова стали друзьями.

— Ваше благородие! — Комендор растерялся и отступил. — Я сквозь переборки глядеть не умею. Простите великодушно, ваше благородие! Я один, а «Кречет» — он большой.

— Ладно, понял тебя...

— Им бы подсобить маленько, ваше благородие! — Комендор почти с мольбой заглянул офицеру в глаза.

Но Северский лишь мотнул головой:

— Отставить. Владислав воевать мастак, а боцман и вовсе — матерый рубака. — Он бросил взгляд мне за спину и в один миг посуровел, точно хватанул чарку водки. — А ну-ка, бегом в башню! Видишь, дура, накатываются опять! Покурить не дадут...

А они действительно накатывались.

Плоские, как портсигары, черные машины ползли со всех сторон через вспаханную воронками пустошь. Ползли бесшумно и очень прытко. О, это было нечто новенькое! Таких машин мне видеть еще не приходилось.

К счастью, к нам приближались не пушки, не самодвижущиеся бомбы и не хитромудрые устройства, способные в мгновение ока переместить столь тяжелый объект, как броненосец водоизмещением в пятнадцать тысяч тонн, к черту на кулички. Через секунду мне стало ясно их назначение.

Две машины замерли у русла Стикса, опустив к земле гибкие трапы. С них стали деловито сгружаться отряды «стариков» и их погонщики — вооруженные нелепыми алебардами «червелицы». Вереница чужепланетных гадов ползла вниз по скалистому склону и терялась из виду за побитыми осколками горбами островков.

Мошонкин вновь выдал на-гора длиннейшую очередь. Заплясали фонтанчики рыжего грунта, а одну из подползающих машин перерезало практически пополам. Из чрева, освещенного вспышками электрических разрядов, на воздух хлынул сонм кашляющих тварей. Пулеметные пули рвали их в клочья. Среди ржавых песков забурили потоки алой, неправдоподобно яркой крови.

И все же «стариков» оставалось несчетное множество. Благо мы поубавили количество цилиндров, и теперь их можно было пересчитать по пальцам одной руки. «Старики» — они-то уязвимы, как люди. «Стариков» я не особенно опасался. Твари на вид отвратительные, вонючие... А вот боевые механизмы — это, пожалуй, самый опасный недруг из всех, встреченных мною на Марсе.

Северский мгновенно сообразил, что светит защитникам «Кречета» в недалеком будущем. — Они будут прорываться через пробойну на сороковом шпангоуте! — поделился он со мной соображениями. — Скорее, Паша! Нужно собрать ребят и отправить их...

Он не договорил.

Не дождавшись команды офицера, выплюнула пламя шестидюймовая пушка Кане. Оглушенные адским грохотом, мы втянули головы в плечи. Когда пыль улеглась, я смог лишь присвистнуть: комендоры засадили прямой наводкой в склон русла, по которому лилась муравьиная дорожка человекоподобных трутней. Склон с треском обрушился, вместе с тоннами породы в русло съехали и два не успевших разгрузиться транспорта. Сколько «стариков» и «червелиц» оказалось под обвалом — не берусь даже предположить. В общем, картина глаз радовала. Бесспорно, радовала...

— Сегментными пали! — заорал Северский, подпрыгивая от азарта. — Э-эх! — сплюнул он в сердцах и побежал к башне. Брать командование на себя.

Я остался один. Впрочем, ненадолго: не успел даже выдернуть обрезок ногтя, торчавший из укороченного указательного пальца.

На палубу вывалили злые и хмельные от пыла непрерывного сражения Купелин, Гаврила и иже с ними. Загалдели, заругались, пиная ногами обрывки щупалец поверженных цилиндров.

— Павел Тимофеевич! — чуть ли не с кулаками набросился на меня штурман. — Скажите, Христа ради, что произошло? Почему вас — как кот наплакал?

Я поглядел в его испачканное пылью и копотью честное лицо и поинтересовался в свою очередь:

— Переговоры с «хозяевами» не состоялись? Я же предупреждал...

Но Купелин уже смекнул, что время для объяснений выбрано крайне неудачно.

— К черту переговоры! — бросил он. Повернулся ко мне спиной, обратился к прибывшим вместе с ним морякам: — По местам, братцы! Объясним тугодумам, почем фунт пороха в нашей лавочке!

Кто-то помчал по трапу на спардек, кто-то присел с винтовкой у фальшборта, ну а кто-то нырнул в люк, чтобы затем спуститься в трюм и заблокировать проделанную цилиндрами пробойну.

На плечо опустилась тяжелая лапа Гаврилы. От боцмана несло, как от кавалерийской

лошади — потом и пороховой гарью. Он поглядел на мои окровавленные руки, ухмыльнулся и одним рывком выдернул досаждающий мне кусок ногтя.

— Пошли, доктор! — пророкотал довольный собой боцман. — Чертыка живучий! Молодца! — Он от души хлопнул меня по спине. — Пошли-пошли! Нужна пара надежных ребят для одного жаркого дела!

— К заряду!

Патрон со снарядом лег в казенную часть пушки.

В башне было непривычно просторно. Где те двадцать пять матросов, что обязаны выполнять действия в строгой последовательности — по своим номерам, поворачивая рычаги или нажимая на какие-нибудь рукоятки? Где офицер — командир башни? Почему неподвижны стрелки на циферблатах, при помощи которых комендоры получают данные о направлении стрельбы, скорости судна и расстоянии до неприятеля?

На учениях я видел, как действуют наши артиллеристы. Так вот: в чем выпало участвовать мне, совершенно не походило на ту образцовую картину.

— Замок!

Гаврила командовал, не отрываясь от окуляра оптического прицела Перепелкина. Я послушно защелкнул затвор, пачкая все, к чему доводилось прикасаться, липкой кровью. Затем гаркнул: «Товсь!» и отступил в сторону.

— Прицел восемнадцать кабельтовых, целик сорок пять! — изрек боцман.

Матрос, впопыхах назначенный установщиком, поставил целик и прицел на указанные цифры.

Теперь дело за малым.

— Пли!

О, ужас! В моей голове низвергается, гремя и пенясь, водопад Виктория!

— К заряду!

Голос Гаврилы едва пробивается сквозь хрустящую вату в ушах.

— Замок!

Я не знаю, что происходит в пустоши. Я не знаю, причинил ли последний выстрел врагу хоть какой-нибудь ущерб. Я просто... я обслуживаю орудие. Дело это и впрямь жаркое!

— Прицел двадцать кабельтовых, целик пятьдесят три!

Гудят электроприводы, и я чувствую, как платформа, на которой установлена башня, приходит в движение. К горлу отчего-то подкатывает тошнота.

— Пли!

Острая боль в голове перекрашивает окружающий мир в краски заходящего солнца. Я задыхаюсь, мычу, как животное, прислоняюсь к стене и слепо шарю рукой по холодной броне. Потом с превеликим трудом определяю источник этой боли.

— К заряду!

По щеке течет, щекоча, теплая струйка. Я понимаю, что в правом ухе у меня лопнула барабанная перепонка. И угораздило же судового врача получить профессиональную травму артиллериста! И смех и грех. Ну, ничего смертельного! Бог даст, заживет как на собаке.

— Замок!

Что же там происходит? Я ощущаю, как вздрагивает «Кречет». Значит, задействовано еще несколько пушек. Сражение кипит, и не морские волны, а волны песка цвета ржавчины бьют о борта броненосца.

— Прицел двадцать пять кабельтовых, целик...

— Гаврила Аристархович! Гаврила резко оборачивается, он готов испепелить взглядом матроса, оторвавшего его от прицела.

— На циферблатах данные! — лепечет морячок, указывая рукой на приборы. — Кажется, нам дают наводку из боевой рубки!

— Северский! — мычу я с пониманием. Знал бы я, что наш brave артиллерист в это время командует в соседней башне... То-то удивлению не было бы предела!

— И что приборы? — отрывисто спросил боцман.
— Тип снарядов — бронебойный. Расстояние до цели — сорок шесть кабельтовых.
Целик сорок!
— У нас есть бронебойный?..
— Имеется один!
— Зарядить бронебойным! Установить прицел и целик!
— Есть!
— Пли! Это был последний залп, прогремевший над пустошью.
...Когда мы покинули башню, вой двигателей в спешке отступающих летунов еще не успел растаять за горизонтом.

11

Их не стало.
Да-да, всех и сразу не стало.
Очень неожиданным и таинственным образом, доложу вам. Ржавый мир обожает мистифицировать. Этот красный, обезвоженный шарик — головоломка космического масштаба. Все, что с ним связано, пронизано тайной. Чертовщиной чистой воды.
Мне было о чем поразмыслить на пути через изувеченную пустошь. Я шел по следам штурмана Купелина и ребят, направляясь к каньону, где в сражении с «хозяевами» сложили головы пятеро моряков, в том числе гальванерный старшина Кирилл Лаптев. Я шел на север, и вокруг меня дымилась земля.
Причины и следствия. Предыдущее и последующее.
Физика на Марсе иная, но законы логики от перемены места не подвержены каким-либо трансформациям. Если «хозяева» отступили, имея над нами несоизмеримый численный перевес, значит, тому была веская причина...
...а шестидюймовки Кане поработали на славу. Повсюду — кратеры и оплавленные обломки цилиндров, обгоревшие остовы похожих на портсигары транспортов и отвратительное крошево мертвых тел. Утомился перепрыгивать через останки. «Старики» и «червелицы». И у тех и у других — огненно-красная, насыщенная гемоглобином кровь.
Апокалипсис, случившийся вчера. Кошмарный сон шизофреника...
Неужели причина — наш последний выстрел? Бронебойный снаряд, пущенный согласно целеуказанию из боевой рубки, в которой не было ни души? Это он поставил точку в марсианском Армагеддоне?
Неужели кто-то надъестественный накинуд на «Кречет» свои покровы?
Что-то не верится...
Мистика, мистика, мистика, будь она трижды проклята!
Я понимаю, что с моей стороны нечестно заканчивать историю, кивая на необъяснимые стечения обстоятельств, на мистику... Но кто я такой? Я — человеческая букашка, и не в моих скромных силах понять и найти объяснения всем событиям, свидетелем которых мне довелось стать. Тем более что участники этих событий — не только люди, но и существа, рожденные на иных планетах, создания, чуждые нам и телесно, и духовно.
Однако вот махина, которую мы сбили приснопамятным выстрелом. Черт возьми! Это... утюг размером с крейсер первого класса! Черная хищная машина с носом, как будто предназначенным для тарана. Она катила на нас с северо-запада. Катила или ползла, или летела — сейчас не установишь, каким образом она передвигалась. Впрочем, это не суть важно. Бронебойный снаряд надежно пригвоздил громадину к грунту: пробил в ней шахту от «верхней палубы» и до «киля». Несколько внутренних взрывов превратили нутро «утюга» в металлический лом, и понять, для чего «хозяева» выкатили его на нас, а также почему после гибели сей грозной машины они поспешно отступили, теперь решительно невозможно.
— Доктор, не спи!
Это Гаврила. Боцман раздражен. Пока я стоял и, задрав голову, разглядывал «утюг», он

успел уйти вперед. Помимо того, окликать меня пришлось не один раз.

Что ж... теперь я не очень хорошо слышу. У меня безбожно дрожат руки и плохо сгибается спина. Меня мучает лицевой тик и донимают кошмарные сновидения.

Я всего лишь солдат, которому посчастливилось выжить на войне.

Поправил ремень винтовки, поморщился от боли (иногда я забываю о раненой руке) и прибавил ходу. До того, как сгустятся сумерки, мы должны добраться до пресловутого каньона.

Каньон — разлом в марсианской коре на пересечении Стикса и канала. О битве, отгремевшей в его окрестностях, я знаю со слов ребят. И теперь мне ясно, почему «хозяева», обычно экономные в использовании собственных сил, бросили на «Кречет» всех, кого только могли.

Купелин чересчур сильно дернул тигра за хвост.

Само собой, что возле каньона все пошло не так, как планировали наши волонтеры. А ведь я их предупреждал! Не единожды предупреждал!

Отряд Купелина схватился с цилиндрами, охранявшими подходы к рабочим лагерям. Схватился весьма грамотно, и победа, несомненно, досталась бы морякам...

Только в один миг у каньона началась форменная катавасия. Выстрелы и последующая гибель боевых механизмов привела в иступление население одного из лагерей нелюдей: неких слоноподобных исполинов с интеллектом орангутангов. Несколько сотен однобоко развитых созданий принялись крушить все, до чего были способны дотянуться. Горстка людей, к которым намеревался прорваться Купелин, потерялась в этом хаосе. Скорее всего, французы смекнули, чем пахло в воздухе, и под шумок — вот незадача! — дали деру. Захватить землечерпалки «хозяев» и, угрожая их уничтожением, вынудить подлых чужепланетников вступить в переговоры, тоже не сложилось: тупоголовые элефантоиды в приступе бешенства сбросили могучие машины в каньон.

Очевидно, последнее событие и стало каплей, переполнившей чашу терпения расчетливых «хозяев». Своими действиями мы волей-неволей сорвали их работы по подчистке следов их пребывания на планете. Поэтому они навалились на «Кречет» всем миром, задумав одним махом покончить с нашей вольницей. Но не тут-то было...

«Хозяев» больше нет на Марсе.

Мы же одержали пиррову победу: с исчезновением «хозяев» канула и призрачная надежда вернуться на Землю. Скорее всего, мы обречены влачить голодное существование по соседству с полудикими ордами, у которых не понять, что на уме. Мы станем с трепетом ждать явления «конкурентов» — новых хозяев Марса. Чем оно для нас чревато — спасением или же гибелью, нынче я могу строить лишь ничем не подкрепленные предположения.

«Хозяев» больше нет...

...Путь через марсианский лес заставляет пережить смесь двойственных ощущений. С одной стороны, я испытываю душевный подъем и профессиональное любопытство натуралиста, с другой — живая природа Ржавого мира кажется донельзя чужой, противоестественной, нереальной. Здесь — царство осени.

Здесь нет ни пятнышка зеленого цвета. Гладкие стволы деревьев покрыты корой бронзового цвета... оранжевые листья-спирали источают горьковатый запах... стрекочут крыльями и порхают похожие на колибри птицы. Кроны шепчут на нечеловеческом языке... сквозь ветви глядит налитый кровью глаз Ра.

Вот и обломки первого цилиндра. Нерадивого сторожа Купелин с парнями разнес в щепы.

Идем дальше, следы наших предшественников становятся более явными, лес редет, расступается; мы с Гаврилой выходим на скалистую платформу. В половине версты от нас — череда отвалов земли, за отвалами — пропасть каньона. Здесь дует пахнувший тиной ветер.

Нас встречают.

Эти божьи твари действительно большие. Их четверо, и, случись что не так, они

затопчут меня и боцмана прежде, чем мы успеем вскинуть винтовки. С высоты трехэтажного дома на нас глядят угольки недоуменных глазенок. Создания переминаются с лапы на лапу и переговариваются друг с другом посредством звуков, похожих на бормотание индюков. Я наслышан о буйном нраве здоровяков, поэтому стараюсь обойтись без резких движений. Просто иду между ними, моля Бога, чтоб элфантиды не решились, будто я претендую на их территорию и собираюсь бросить вызов.

Или они распознают в нас с Гаврилой собратьев по несчастью, или смекают, что опасности мы не представляем... в общем, пропускают без заминок. Чему я премного рад.

У каньона на земле трех лагерей царит анархия.

Чужепланетники заняты сном да голодом. Здоровяки вальяжно прохаживаются вперед и назад: кто парами, кто — по трое, им, несомненно, нечем себя занять. На утрамбованной площадке, куда раньше садились летуны, резвятся, играя в подвижную игру, громкоголосые увальни: прямоходящие свиньи десятифутового роста. На нас они сразу обращают внимание: приветствуют, топая пухлыми ножками, что-то кричат на тарабарском языке. Не желая попасть впросак, тоже топая ногами, при этом стараемся, чтобы сапоги стучали по скале, как их копыта; кричим: «Э-гей!» На всякий случай не улыбаемся и не машем руками: мало ли как могут расценить жесты двуногие свиньи... Хороши друзья! Но лучше такие, чем никаких.

Людей находим не сразу. Они сидят у костерка, приютившись на пятачке, закрытом от ветра отвалами земли. Их шестнадцать — они оборваны хуже последних бродяг и едва-едва живы.

В очередной раз убеждаюсь, что Марс — мир, враждебный человеку. Чужепланетные обитатели трех лагерей, по-моему, чувствуют себя как дома. Они вполне здоровы и даже, кажется, не похудели. Вот, например, «свиньи» — носятся друг за другом и повизгивают от удовольствия.

А французы моргают, не веря очам. Наше появление для них — что-то вроде нисхождения архангелов на грешную землю.

Опершись на плечи товарищей, встает один из незнакомцев. Он трет грязной ладонью растрескавшиеся губы, на мерклых глазах выступают такие же мутные слезы.

— Oh, mes braves, oh, mes bons amis! — обращается к нам, протягивая сухие руки. — Voila des hommes!

— Voulez-vous manger? — спрашиваю я, хотя и так все яснее ясно. — N'ayez pas peur, on ne vous fera pas de mal.

— О чем это вы? — сурово интересуется Гаврила.

— Что?.. Да они не ели больше двух недель! Неужели не понятно?

Гаврила хмыкает и без лишних слов выуживает из заплечного мешка галеты, кусковой сахар и две банки мясных консервов.

У французов вспыхивают глаза. Жажда жизни в сей же миг возвращается к несчастным. Сидящие у костра медленно поднимаются на ноги, они растроганы до слез и каждому хочется заключить нас в объятия.

— Merci... merci, monsieur... — шепчут, принимая скромные дары.

— Faut etre humain, voyez-vous... — говорю им.

...Потом эти люди показали нам пять выложенных крупным щебнем могил. Французы не пожалели сил и придали земле погибших моряков. Очень благородный поступок с их стороны — ведь они сами дышали на ладан.

Мы с Гаврилой крестимся, вытягиваемся по стойке «смирно». Молчим... Воеет ветер, озорничая с нашими волосами, неподалеку — за пологой земляной насыпью — бормочут нелюди. Мы же мысленно взываем к павшим воинам.

Здравствуйтесь, друзья, и прощайте! Прощай, гальванерный старшина Лаптев, прошедший со мной бок о бок всю марсианскую кампанию, но пожелавший остановиться на ее финальном этапе. Прощайте, матросы! Спасибо вам за мужество, за человечность, за верность друзьям, за все!

Низкий поклон вам, братцы!

12

— Полагаю, отсюда «шубы» управляли землеройными машинами.

Мы с боцманом стоим внутри пещерки и морщим носы: из нее до сих пор не выветрилась кислая вонь. Вдоль плавного изгиба стены — ряд сияющих хромом консолей. На зеркальных плоскостях — едва заметные бороздки, образующие довольно сложный лабиринт. Нет ни переключателей, ни циферблатов, ни одного привычного нам прибора. И кажется, что Гаврила выдвинул предположение, основываясь на чистой воды домыслах. Однако нутром чую, что боцман прав. Слишком много технических артефактов собрано в этой пещерке: вон, у дальней стены — похожие на осиные гнезда шкафчики-ячейки. Внутри них — всякого добра на выбор...

Только ни к чему оно нам. Не смогут люди им пользоваться. Во всяком случае — мы не сможем. Чувствую, лягут железки «шуб» на одну полку с «волшебными палочками» — оружием, которым натворила бед шайка Карпа Дудкина, — и внутренними приводами цилиндров. Конструкция не ясна, способ применения не известен...

Но жить на Марсе нам не один день. Быть может, со временем что-нибудь да поймем: человек не просто так провозгласил себя разумным.

— Эй, доктор! Погляди скорее сюда!

— Как ты говоришь?

— Гляди! Говорю — гляди сюда, глухая тетеря!

На ладони Гаврилы — металлический шар размером с крупное яблоко. Блisterающая поверхность шара рассечена глубокими бороздками. Я несколько секунд смотрю на предмет, потом до меня доходит:

— Это же наш Марс, Гаврила! Глобус! Ха-ха! А это, — тычу пальцем, — схема каналов!

Боцман кивает.

— Не кричи! — говорит. — Я хорошо слышу!

Каналы пересекаются друг с другом, образуя треугольники, ромбы и трапеции. Я кручу шар в пальцах, подставляя свету то одну, то другую сторону, и тут меня осеняет совершенно невероятная идея, которой спешу поделиться:

— Геометрические фигуры, Гаврила! Огромные фигуры! Их наверняка видно с Земли в мощные телескопы!

Гаврила чешет бороду; глаза прищурены, губы поджаты: боцман размышляет.

— Говоришь, каналы можно разглядеть с Земли? — переспрашивает в конце концов. — Уверен. Непременно можно. Темные полосы на ржаво-рыжем фоне. Ирригационные каналы, обрамленные лесом.

Какая жалость: раньше астрономия у меня не вызывала ни тени интереса. Знать бы, куда придется упасть, так соломки бы постелил...

— Грамотеи полагают, что на Марсе есть жизнь? — В голосе Гаврилы звучит понятное недоверие.

Хотел бы я послушать — пусть даже краем уха! — споры, которые разгорелись в научных кругах на Земле, относительно обитаемости Ржавого мира!

— Что жизнь есть — догадываются, а вот о том, какая она кислая, — откуда им ведать? — улыбаюсь я. — Это можно прочувствовать только здесь.

...Солнце опустилось за скалы. Противоположная сторона каньона утопает в пурпурных сумерках; в небе зажглись первые звезды — это Земля и Юпитер.

Стоим на базальтовом карнизе у входа в пещеру, в которой мы обнаружили оборудование «хозяев». Внизу, в разломе, серебрится стоячая вода. Пахнет сыростью и гнилью; к счастью, комары здесь не водятся.

К нам присоединились Купелин и баталер Мошонкин. Жаль, что Северский остался на

«Кречете»; мне не помешали бы его соображения, его саркастический, однако принципиальный взгляд на события марсианской эпопеи.

Верчу крошечный глобус пальцами.

— Выбрать фигуру... к примеру, вот этот прямоугольный треугольник в экваториальном поясе. Наполнить каналы горячим веществом... хорошо бы нефтью... но сгодится и топливо с кораблей, разбросанных среди пустошей. И еще древесина... Вырубить, если понадобится, лес вдоль ближайшего канала. Не сидеть сиднем, а работать! Заручиться помощью собратьев по несчастью: тех, у кого жира на боках побольше... Древесины соберем столько, сколько нужно... Подожжем ее! Огненный треугольник, без сомнения, будет замечен в телескопы! Ученые на Земле догадаются, что мы пытаемся сказать. Мы здесь! Мы взываем к вам! Нам нужно восстановить связь с людьми! С родной планетой! Мы рядом с вами! Братья, помогите нам! Мы здесь!

Длинная цитата вместо эпилога

«Согласно общепринятой теории Канта-Лапласа более удаленные от Солнца планеты имеют и более почтенный возраст. Марс сформировался значительно (на 1–1,5 млрд лет) раньше, чем Земля. Ныне — это мир благородной старости. Не вызывает сомнений, что жизненные формы, его населяющие, стоят на более высокой эволюционной ступени развития, чем сегодняшний вид *Homo Sapiens*. Было бы наивно предполагать, будто древние и мудрые марсиане до сих пор не ведают, что на соседней планете существует и активно развивается цивилизация, освоившая на данный момент передовую металлургию, открывшая способ передачи информации при помощи радиоволн, покорившая в своем мире сушу, небо, бросившая вызов морским глубинам. Убежден, им давно известно о нас. Более того, обитатели Красной планеты настойчиво стараются привлечь внимание людей! Доказательство тому — светящийся треугольник, который наблюдал я и сотрудники моей обсерватории на поверхности Марса, западнее долины Маринера в так называемом Заливе Титанов три ночи подряд 19, 20 и 21 августа 1907 года. В 1911 году марсианский маяк снова заработал: огненный треугольник наблюдали в телескопы 15, 16 и 17 марта. С тех пор и до сегодняшнего дня загадочные сигналы не повторялись. Я убежден, что мы стали свидетелями не первой и не последней попытки марсиан вступить в контакт с жителями Земли и, быть может, попросить нас о помощи».

Персиваль Лоуэлл «Огненные знаки Марса», 1918 год